

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

118

К 50-ЛЕТИЮ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
И Н С Т И Т У Т   А Р Х Е О Л О Г И И
О Р Д Е Н А   Т Р У Д О В О Г О   К Р А С Н О Г О   З Н А М Е Н И

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

118

К 50-ЛЕТИЮ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1969

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор — доктор исторических наук Т. С. Пассек

Зам. ответственного редактора — доктор исторических наук *П. А. Раппопорт*

Члены редколлегии:

*Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, Х. И. Крис (отв. секретарь), К. Х. Кушнарeva,
А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон*

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий выпуск «Кратких сообщений о докладах и полевых исследованиях Института археологии» посвящен 50-летию создания Института, исполняющемуся в 1969 г.

В первые трудные годы становления Советской власти Советское правительство, его глава Владимир Ильич Ленин нашли нужным позаботиться о развитии археологической науки в стране и создать научный центр, который объединил бы усилия всех российских археологов и был бы способен решать задачи, ставшие перед зарождающейся советской исторической наукой в области изучения древнейшего прошлого страны. Существовавшая с дореволюционного времени Археологическая комиссия не могла в новых условиях стать таким центром; это хорошо сознавали и виднейшие русские ученые-археологи, наиболее передовые деятели самой Археологической комиссии. Уже в 1918 г. была начата работа по реорганизации комиссии, по ее преобразованию в Государственную академию археологических знаний. В этой работе приняли участие выдающиеся деятели русской археологической и исторической науки: С. А. Жебелев, А. А. Спицын, Б. В. Фармаковский, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, А. А. Миллер и др. Участвовал в этой деятельности и Народный Комиссар просвещения А. В. Луначарский. 18 апреля 1919 г. декретом Совета Народных Комиссаров была образована Российская Академия истории материальной культуры.

В декрете указывалось, что Академия истории материальной культуры учреждается для археологического и художественно-исторического научного исследования вещественных, как монументальных, так и бытовых памятников, предметов искусства и старины и всех вообще материальных и культурных ценностей, а также научной охраны всех таких ценностей, находящихся в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Личный состав Государственной Российской Археологической комиссии полностью вошел в Академию Истории материальной культуры.

Согласно декрету вновь созданная Российская Академия истории материальной культуры должна была руководить научной стороной всех археологических раскопок и разведок, проведенных в пределах РСФСР, разрешение на которые выдается Археологическим отделом Всероссийской Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины на основании заключения Академии.

Российская Академия Истории материальной культуры находилась в ведении Научного отдела Народного комиссариата по просвещению. Она

существовала на основании положения, утвержденного Народным комиссариатом по просвещению.

Декрет оговаривал, что до утверждения особого положения о Российской Академии Истории материальной культуры Академия продолжает деятельность ликвидируемой Археологической комиссии на основании и устава, утвержденного 17 октября 1919 г. Народным комиссариатом по Просвещению. Декрет предусматривал также, что все сметные предположения Академии Истории материальной культуры должны рассматриваться Всероссийской Коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного Комиссариата по просвещению и должны проходить по параграфам и статьям сметы, находящимся в распоряжении Научного отдела Наркомпроса. Декрет был подписан председателем Совнаркома В. И. Лениным, Управляющим делами СНК В. Д. Бонч-Бруевичем и секретарем Л. Фотиевой. Так было создано руководящее археологическое учреждение нашей страны. В 1926 г. Академия была переименована в Государственную Академию истории материальной культуры, а в 1937 г. преобразована в Институт истории материальной культуры, с 1959 г. именующийся Институтом археологии Академии наук СССР.

За 50 лет советская археологическая наука получила очень широкое развитие. Археологическими исследованиями занимаются ученые, работающие во многих десятках академических учреждений, университетов, музеев, педагогических институтов во всех концах и уголках нашей необъятной страны.

Но Институт археологии Академии наук СССР продолжает оставаться головным археологическим учреждением, призванным направлять и координировать всю археологическую деятельность в Советском Союзе, решать наиболее сложные проблемы древнейшей истории, материальной и духовной культуры племен и народов, населявших территорию СССР на протяжении многих тысячелетий. На Институт археологии возложен контроль за методикой и эффективностью полевых археологических работ на территории Российской Федерации и координация исследовательских, издательских и иных планов археологических учреждений в академиях наук союзных республик. Институт осуществляет ежегодные созывы всесоюзных сессий, посвященных итогам археологических открытий и конференций по частным проблемам археологической науки. Большое значение для координации всей археологической работы в стране имеет и издательская деятельность Института археологии: выпуск журнала «Советская археология», сборников, посвященных итогам археологических открытий, «Свода археологических источников СССР» и других изданий, в том числе и «Кратких сообщений ИА АН СССР».

Посвящая настоящий выпуск «Кратких сообщений» полувековому юбилею Института, мы не ставим перед собой задачи всестороннего освещения итогов работ советских археологов. Это и невозможно было бы сделать в одной книге даже гораздо большего объема. В статьях, помещенных в этом выпуске, отражены лишь некоторые проблемы древнейшей истории нашей страны, на примере которых можно видеть, как разнообразны вопросы, решаемые археологической наукой, как многочисленны современные методы археологического исследования, как сотрудничество

археологов с представителями естественно-исторических дисциплин открывает перед советской наукой новые возможности в интерпретации археологического материала.

Достижения советской археологической науки высоко оцениваются как советским народом, так и прогрессивной общественностью за рубежом, о чем свидетельствует, в частности, успех выставки «Археология СССР», экспонировавшейся недавно в ряде стран Западной Европы. Информационная статья об этой выставке, заключающая наш сборник, позволяет читателю как бы со стороны взглянуть на весь славный путь, проделанный советской археологией за полстолетия, и оценить ее успехи в деле познания исторического прошлого нашей страны.

П. И. БОРИСКОВСКИЙ

К ИЗУЧЕНИЮ ПАЛЕОЛИТА СОВЕТСКИМИ АРХЕОЛОГАМИ¹

Успехи советской науки о палеолите бесспорны. Количество палеолитических местонахождений, зафиксированных на территории СССР, измеряется многими сотнями². Палеолитические памятники известны теперь на территории всех союзных республик. Последние годы принесли ряд сенсационных открытий, заставляющих совсем по-новому рассматривать археологию палеолита СССР. В высокогорных районах Кавказа обнаружено и начато изучение нескольких пещер, нижние культурные слои которых содержат остатки охотничьих стойбищ среднеашельского времени³. Материалы этих пещер (Кударо I и III, Цонской, Азыхской) исключительно важны для понимания истории ранних этапов развития первобытнообщинного строя и позволяют окончательно разрешить вопрос о роли охоты в древнейшем хозяйстве. С другой же стороны, на Крайнем Севере, в бассейне Печоры, вплоть до Полярного круга, до 65° северной широты, в местах, где всегда считалось бессмысленным искать палеолитические памятники, обнаружены очень выразительные стоянки: Медвежья пещера, Бызовая и др.⁴ Таким образом, доказано, что палеолитическими людьми был заселен Крайний Север нашей страны, и открыты широкие перспективы поисков палеолита в других районах Крайнего Севера. Примерно в эти же годы открытием и изучением росписей Каповой пещеры на Южном Урале⁵ доказано существование на территории СССР палеолитической пещерной живописи и опровергнута одна из «аксиом» археологии палеолита, будто бы пещерная палеолитическая живопись не выходит за пределы Франции, Испании и Южной Италии.

Эти открытия явились триумфом научного предвидения в археологии палеолита. О возможности обнаружения палеолита на Крайнем Севере нашей страны писал С. Н. Замятин за 12 лет до открытия Медвежьей пещеры на Печоре⁶, и именно это побудило сыктывкарских археологов

¹ Доклад, прочитанный на заседании Ленинградской секции Ученого совета Института археологии АН СССР 1.XI 1967 г.

² Н. А. Береговая. Палеолитические местонахождения СССР. М.—Л., 1960.

³ В. П. Любин. Высокогорная пещерная стоянка Кударо I (Юго-Осетия). ИВГО, т. 91, 1959; А. Н. Каландадзе. К истории изучения памятников древнепалеолитической культуры в Грузии. Тбилиси, 1964; М. М. Гусейнов. О результатах археологических раскопок в Азыхской пещере. «Археологические исследования в Азербайджане». Баку, 1965.

⁴ Б. И. Гуслицер и В. И. Канивец. Пещеры Печорского Урала. М.—Л., 1965; Б. И. Гуслицер и В. И. Канивец. Палеолитические стоянки на Печоре. «Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы». М., 1965.

⁵ О. Н. Бадер. Каповая пещера. М., 1965.

⁶ С. Н. Замятин. О древнейшем заселении территории СССР. Этот доклад, прочитанный его автором в Институте этнографии АН СССР, посмертно опубликован в книге: С. Н. Замятин. Очерки по палеолиту. М.—Л., 1961, стр. 20—28.

к их разведкам, увенчавшимся успехом. Точно так же более чем за 20 лет до открытия росписей Каповой пещеры С. Н. Замятнин писал о возможности подобных находок на территории СССР⁷.

В нашей научной печати опубликован ряд содержательных обзоров новейших достижений советских исследователей палеолита⁸. Не повторяя приведенные там материалы, укажу лишь на три наиболее достопримечательных открытия, сделанных за последнее пятилетие. 1. Открытие в 1964 г. превосходно сохранившегося погребения кроманьонца в позднепалеолитической стоянке Сунгирь, недалеко от Владимира⁹. 2. Открытие в 1966 г. позднепалеолитического поселения Межиричи на берегу р. Рось недалеко от Канева (Черкасская обл. Украинской ССР), доставившего превосходно сохранившиеся и очень эффектные остатки округлого в плане долговременного палеолитического жилища. Основу жилища образовывали расположенные по кругу 29 черепов мамонтов и правильные выкладки из 94 нижних челюстей этих животных¹⁰. 3. Открытие в 1964 г. нижних слоев Ушковской стоянки каменного века на Камчатке. Слои V, содержащий многочисленные и выразительные каменные изделия, датируется радиоуглеродным методом $10\,360 \pm 350$ лет до наших дней. Подстилающие его слои VI, VII и VIII являются еще более древними. Н. Н. Диков относит нижние слои Ушковской стоянки к концу позднего палеолита. Разумеется, этот очень важный вывод еще предстоит подтвердить дальнейшими исследованиями, но исключительное значение стоянки для проблем палеолита СССР представляется бесспорным¹¹.

К числу крупных успехов советской науки о палеолите принадлежит то, что за последние годы определены и изучены локальные группы многослойных и однослойных позднепалеолитических поселений и поставлены вопросы их взаимоотношений. Я имею в виду поздний палеолит Днестра¹², Десны¹³, Костенок¹⁴, Грузии¹⁵, Енисея, Ангары¹⁶ и ряда других территорий.

Советскими исследователями разрешена в основных чертах проблема позднепалеолитических жилищ, установлены и изучены разные их типы¹⁷,

---

⁷ С. Н. Замятнин. Пещерные навесы Мгвимеви близ Чиатуры (Грузия). СА, III, 1937.

⁸ А. Н. Рогачев. Основные итоги и задачи изучения палеолита Русской равнины. КСИА, вып. 92, 1962; А. Н. Рогачев, Н. Н. Гурина, В. П. Любин, Е. А. Векилова и др. Достижения археологической науки в РСФСР. СА, 1967, № 3; обзор по союзным республикам, СА, 1967, № 3 и 4.

⁹ О. Н. Бадер. Погребения в верхнем палеолите и могила на стоянке Сунгирь. СА, 1967, № 3; Г. Ф. Дебец. Скелет позднепалеолитического человека из погребения на Сунгирской стоянке. Там же.

¹⁰ И. Г. Підоплічко. Там де нуртуе Рось. «Знання та праця», 1967, № 1 (323).

¹¹ Н. Н. Диков. Открытие палеолита на Камчатке и проблема первоначального заселения Америки. «История и культура народов Севера Дальнего Востока». М., 1967; Н. А. Шило, Н. Н. Диков, А. В. Ложкин. Первые данные по стратиграфии палеолита Камчатки. Там же.

¹² А. П. Черныш. Поздний палеолит Среднего Приднестровья. ТКИЧП, XV, М., 1959.

¹³ И. Г. Шовкопляс. Мезинская стоянка. Киев, 1965.

¹⁴ А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. МИА, № 59, 1957.

¹⁵ Н. З. Бердзенишвили. Новый памятник каменного века в ущелье Цхалцителя. Тбилиси, 1964; Д. М. Гушабрамишвили. Палеолитические остатки в пещере Гварджилас-Клде. Тбилиси, 1960.

¹⁶ А. П. Окладников. Сибирь в древнекаменном веке. Эпоха палеолита. «Материалы по древней истории Сибири». Улан-Удэ, 1964; Э. А. Абрамова. О локальных различиях палеолитических культур Ангары и Енисея. СА, 1966, № 3; Г. И. Медведев. Археологические исследования многослойной палеолитической стоянки Красный Яр на Ангаре. Иркутский областной краеведческий музей. Отчеты археологических экспедиций за 1963—1965 гг. Иркутск, 1966.

¹⁷ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953.

доказано существование долговременных жилищ в мустьерскую эпоху¹⁸. Вооруженная методом исторического материализма, советская наука о палеолите рассматривает палеолитические памятники как источник изучения ранних этапов истории первобытнообщинного строя. Советские исследователи расшифровывают крупные подразделения каменного века как определенные этапы развития первобытнообщинного строя, вкладывают историческое и социологическое содержание в понимание основных эпох палеолита. В то же время советские исследователи стремятся конкретно-исторически подойти к изучению ранних этапов истории первобытного общества, разрабатывая, в частности, вопросы передвижений, связей, взаимных влияний отдельных палеолитических общин и их групп, вопросы возникновения и развития различных культур и историко-культурных областей в эпоху палеолита¹⁹.

Эта методологическая направленность вызвала к жизни современную методику раскопок палеолитических поселений, благодаря которой получены ценнейшие материалы для исторического освещения палеолита, а также методику изучения функций первобытных орудий по следам употребления, позволяющую по-новому взглянуть на историю первобытной техники²⁰.

За последние годы советские исследователи достигли больших успехов в изучении древнепалеолитической техники и древнепалеолитических комплексов каменных орудий²¹. В этой области особенно быстро выросли методические требования, предъявляемые к изучению и научной публикации добытого в поле материала. В результате те методы научной обработки древнепалеолитических коллекций, которые еще 10—15 лет назад считались высокосоввершенными, теперь недостаточны, а те работы, которые еще 15—20 лет назад считались бесспорными, теперь признаются во многих своих положениях устаревшими или недостаточно глубокими.

Рассматривая археологию как науку историческую, советские исследователи палеолита работают в тесном контакте с представителями естественнонаучных дисциплин: с антропологами, геологами, палеозоологами, палеоботаниками и т. д. Одним из показателей этого явился Международный симпозиум по вопросам стратиграфии и периодизации палеолита Восточной и Центральной Европы, проведенный в Москве и Владимире в сентябре 1963 г.²² Именно здесь было окончательно установлено, что о селетской культуре на территории Русской равнины говорить не приходится и что геологическая периодизация палеолита СССР не может рассматриваться в отрыве от геологической периодизации палеолита Центральной и Западной Европы.

---

¹⁸ А. П. Черныш. Остатки жилища мустьерского времени на Днестре. СЭ, 1960, № 1.

¹⁹ П. П. Ефименко. Указ. соч.; С. Н. Замятни н. Очерки по палеолиту; А. Н. Рогачев. Указ. соч.; Г. П. Григорьев. Селет и костенковско-стрелецкая культура. СА, 1963, № 1; Н. О. Бадер. Различия между верхнепалеолитическими культурами Закавказья и Ближнего Востока. «Археология Старого и Нового Света». М., 1966; В. Н. Гладил ин. Различные типы каменной индустрии в мустье Русской равнины и Крыма и их место в раннем палеолите СССР. «VII Международный конгресс доисториков и протонисториков. Доклады и сообщения археологов СССР». М., 1966.

²⁰ С. А. Семенов. Первобытная техника. М.—Л., 1957; он же. Экспериментальные исследования первобытной техники. СА, 1959, № 2.

²¹ В. П. Любин. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий. МИА, № 131, 1965; И. И. Коробков. Нуклеусы Яштуха. Там же; М. З. Паничкина. Палеолитические нуклеусы. «Археологический сборник», № 1, Л., 1959; В. А. Ранов. Каменный век Таджикистана. Душанбе, 1965; Н. Д. Праслов. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Подонья. М.—Л., 1968.

²² «Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы». М., 1965.

Говоря о работах советских археологов по палеолиту, можно констатировать существование сложившейся советской школы изучения палеолита со своей методологией и методикой, со своими задачами, со своим научным стилем. Развитие этой научной школы протекает в оживленных спорах, в горячей борьбе мнений, в обмене опытом.

За последнее десятилетие советские исследователи палеолита стали вести свою работу и за рубежом. На территории Монгольской Народной Республики²³, Демократической Республики Вьетнам²⁴ и Объединенной Арабской Республики²⁵ советскими археологами в тесном научном сотрудничестве с местными археологами открыты и изучены палеолитические памятники первостепенного научного значения. Советские археологи помогли подготовить в этих странах кадры местных, национальных археологов, которые теперь работают самостоятельно.

Характеризуя достижения советской науки о палеолите, было бы ошибочно закрывать глаза на наши недостатки. На них, в частности, было указано в резолюции расширенного заседания сектора палеолита Института археологии АН СССР (Палеолитическое совещание), состоявшегося в Ленинграде в феврале 1965 г.²⁶

Хотя разработка радиоуглеродных дат палеолитических памятников за последние годы значительно продвинулась вперед²⁷, дальнейшее развитие работ по палеолиту СССР невозможно без опоры на гораздо более широкую, чем имеется сейчас, сеть радиоуглеродных дат. Далеко не достаточно разработана в советской археологической науке терминология каменных орудий. Порой одним и тем же термином разные исследователи обозначают совершенно разные орудия. Ряд распространенных зарубежных терминов, таких, как cleaver, chopper, chopping-tool и другие, не имеют единых общепризнанных русских переводов. Настоятельно необходима выработка единой номенклатуры и классификации каменных орудий, общепризнанных норм их описания и подготовка обобщающего справочного и в то же время нормативного труда в этой области. Немало пробелов и в области полевых работ. На карте палеолита СССР еще много белых пятен. Изучено мало древнепалеолитических местонахождений, отчетливо связанных с определенными древними террасами и содержащих остатки древней фауны. По некоторым первоклассным палеолитическим памятникам накоплен огромный фактический материал, остающийся в течение десятилетий монографически неизученным и неопубликованным. Это целесообразно сделать в связи с тенденциями, намечающимися в некоторых работах по палеолиту последнего времени, в первую очередь в защищенных за самые последние годы кандидатских диссертаций.

Говоря о наших бесспорных достижениях и о наших бесспорных недостатках, мне хотелось бы в то же время поставить и некоторые общие вопросы развития советской науки о палеолите.

Методика раскопок палеолитических поселений, выработанная советскими исследователями в 30-х годах, оказала большое влияние на зарубежную археологическую науку. Именно благодаря творческому примене-

---

²³ А. П. Окладников и В. Е. Ларичев. Археологические исследования в Монголии в 1964 и 1966 гг. «Известия Сибирского отделения Академии наук СССР», 1967, серия общественных наук, № 6, вып. 2.

²⁴ П. И. Борисковский. Первобытное прошлое Вьетнама. М.—Л., 1966.

²⁵ «Древняя Нубия». Результаты работ археологической экспедиции АН СССР в Объединенной Арабской Республике 1961—1962 гг., М.—Л., 1964.

²⁶ М. Д. Гвоздовер. Расширенное заседание сектора палеолита Института археологии АН СССР. ВА, № 22, 1966; П. И. Борисковский. Проблемы изучения древнего каменного века. ВАН, 1965, № 7.

²⁷ «Верхний плейстоцен. Стратиграфия и абсолютная геохронология», М., 1966.

нию этой методики Б. Клима, Ф. Прошек, Л. Банес и другие в Чехословакии²⁸, М. Габори в Венгрии²⁹, А. Леруа-Гуран во Франции³⁰ обнаружили и исследовали остатки долговременных позднепалеолитических жилищ разных типов. Советские работы, посвященные методике раскопок палеолитических памятников и проблеме палеолитических жилищ, переводятся на многие иностранные языки. Планы и реконструкции жилищ Костенок I, Костенок IV, Гагарина, Мезина, Пушкарей, Бурети так же прочно вошли в зарубежные учебники и альбомы, как изображения шельского рубила или мадленского гарпуна. Выработанная С. А. Семеновым методика изучения функций первобытных орудий по следам употребления (трасология) совершает триумфальное шествие среди археологов и историков первобытной техники и первобытной культуры всего мира. Изданная Издательством Академии наук СССР в 1957 г. книга С. А. Семенова «Первобытная техника» в 1964 г. вышла на английском языке двумя изданиями в Лондоне и Нью-Йорке³¹. В ленинградскую лабораторию по изучению первобытной техники, возглавляемую С. А. Семеновым, как в некую Мекку, идут и А. Валлуа, и П. Бош-Гимпера и другие крупнейшие исследователи из всех стран мира. А в некоторых советских работах и высказываниях самого последнего времени все эти направления начинают рассматриваться как пройденный этап советской науки о палеолите, как нечто несвоевременное, как дань социологизаторскому схематизму. Истина, заявляю нам, заключается только или во всяком случае в первую очередь в детальном изучении особенностей морфологии кремня отдельных палеолитических памятников. Только это позволит реконструировать конкретный исторический процесс.

В истории советской науки и культуры были отдельные случаи, когда наши ученые и деятели культуры совершали выдающиеся открытия, открывали новые пути, а потом по тем или иным причинам этому не уделялось должного внимания и годы спустя нам приходилось учиться за рубежом в тех областях, приоритет в которых вначале бесспорно принадлежал нашей стране. Необходимо избежать этого в археологии палеолита. Если мы не будем уделять должного, напряженного внимания дальнейшей разработке проблемы палеолитических поселений и жилищ, то через ряд лет уже нам придется ездить за рубеж учиться, как копать остатки последних. Если мы не будем уделять достаточного внимания дальнейшему развитию трасологических методов, то лаборатории первобытной техники, созданные за рубежом по образцу семеновской, нас обгонят и уже нам придется ездить туда учиться.

Крайне важная и крайне необходимая детальная разработка морфологии кремневых изделий отдельных палеолитических стоянок и их групп, хорошие образцы которой может продемонстрировать современная советская наука о палеолите, не должна противопоставляться изучению первобытной техники, хозяйства, жилищ. И то, и другое крайне необходимо.

Мне могут возразить, что долгое время советские исследователи не уделяли должного внимания детальному изучению конкретных особенностей отдельных палеолитических комплексов и их групп, их связей и взаи-

---

²⁸ B. Klima. Dolní Věstonice. Praha, 1963; он же. Výsledky archeologického výzkumu na tábořišti lovců mamutů v Petřkovicích. «Časopis Slezského musea», IV. Opava, 1955; F. Prošek. Výzkum paleolitické stanice Barca II. AR, V, 1953; L. Banesz. Die Problematik der Paläolithischen Besiedlung in Tibava. SLA, VIII—I, 1960.

²⁹ M. Gábori, V. Gábori. Der erste Paläolithische Hausgrundriss in Ungarn. «Acta Archeologica Academiae Scientiarum Hungaricae», т. 9., 1958.

³⁰ A. Leroi-Gourhan. Les fouilles d'Arcy-sur-Cure. «Gallia Préhistoire», IV. Paris, 1962; см. также: A. Rust. Zeltwälle und Gruben im jungpaläolithischen Wohnbau. Fundberichte aus Schwaben. N. F. 17, 1965; G. Clark. The stone age hunters. London, 1967, и многие другие работы.

³¹ S. A. Semenov. Prehistoric technology. London, 1964; то же, New York, 1964.

моотношений, грешили социологизаторским схематизмом и что поэтому данная проблематика требует сейчас особенного внимания. Это справедливо. Но ошибки и недочеты в развитии науки могут и должны исправляться в процессе всестороннего исследования, а не путем перехода от одной крайности к противоположной.

Советская наука о палеолите за свою полувековую историю всегда развивалась в оживленных спорах, в борьбе разных направлений научного исследования при сохранении творческой индивидуальности каждого крупного исследователя, так же, как и его учеников. Трудно спутать, например, работы П. П. Ефименко, Г. А. Бонч-Осмоловского, М. Я. Рудинского, М. В. Воеводского, С. Н. Замятина. Несомненно, что и в дальнейшем своих новых успехов советская наука о палеолите будет добиваться на этом пути.

В. П. ЛЮБИН

ИЗУЧЕНИЕ НИЖНЕГО ПАЛЕОЛИТА КAVКАЗА

(ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОБЛЕМА ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЗАСЕЛЕНИЯ)

Проблема заселения территории Кавказа людьми каменного века давно привлекала внимание русских и иностранных ученых. Обилие в этой области пещер и гротов, среди которых были такие прославленные древними преданиями и мифами, как пещера Язона под Кутаиси¹, пещера Абласкира-Прометея в Абхазии², пещеры «троглодитов» на Северном Кавказе³, пещеры «одноглазых циклопов-уаигов» в Осетии⁴ и многие другие, волновало воображение ученых, видевших в этих пещерах «отголоски древнейших воспоминаний о пещерных жилищах»⁵ ранних насельников Кавказа.

Первые обследования некоторых из этих пещер относятся к 60-м годам прошлого века. В 1868 г. геолог Эрнест Фавр и полковник Статковский произвели небольшие раскопки в «пещере Язона», обнаружив там несколько кремневых наконечников стрел (определение Э. Лартэ). Разведывательный шурф, поставленный в глубине этой же пещеры А. С. Уваровым в 1879 г., находок, однако, не принес⁶. В те же годы (1878 г.) появляется первое сообщение о посещении пещеры Абласкира.

Пробуждение интереса к памятникам каменного века на Кавказе совпадает со временем открытия здесь первых памятников «доисторической археологии» (могильники в Самтавро, Ворнаке, «Редкином лагере») и организацией «Общества любителей кавказской археологии» (1873 г.)⁷. Главным же инициатором проведения значительных поисковых работ оказался V Всероссийский археологический съезд, созданный в Тифлисе в 1881 г.: в ходе его подготовки и в годы, последовавшие за ним, было проведено несколько специальных экспедиций по обследованию пещер

¹ «Dubois de Montpéroux. Voyage autour du Caucase». II, 16—19; VI, 16; А. С. Уваров. Археология России. Каменный период. М., 1881, стр. 205.

² В. И. Чернявский. Из исследований в юго-западном Закавказье. «Изв. Русск. Географ. общ-ва», т. XIII, вып. 5, 1878, стр. 335; Е. Вейденбаум. Кавказские пещеры. «Тр. предварительных комитетов V археологич. съезда в Тифлисе». М., 1882, стр. 56; И. Лихачев. Чиковская пещера и легенда об Абласкире-Прометее. «Тр. V археологич. съезда в Тифлисе, 1881», М., 1887, стр. 245—248; К. А. Сатунин. Экскурсия в пещеры Сухумского округа. Пещеры-великаны Абласкира и Адазаба. «Изв. Кавк. отдела Русск. Географ. о-ва», т. XXI, 1911—1912; № 11, Тифлис, 1912, стр. 13—18.

³ Свидетельство Страбона. См.: В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. I. СПб., 1893, стр. 147.

⁴ «Сказания о нарских богатырях», М., 1960, стр. 234, 255, 263, 304.

⁵ А. С. Уваров. Указ. соч., стр. 190.

⁶ Там же, стр. 205.

⁷ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 1—3.

Кавказа (экспедиции К. О. Милашевича в 1877 г. в Западную Грузию⁸, И. С. Полякова в 1879 г. в Армению⁹, Д. Н. Анучина в 1883 г. в Северную Осетию и в Дагестан¹⁰). Экспедиции эти не принесли, однако, желаемых результатов, так как количество обследованных пещер было недостаточным и работы ограничивались главным образом их разысканием и осмотром. К тому же ученые не были, видимо, знакомы со спецификой захоронения четвертичных культурных остатков в пещерах (заложеными кое-где шурфами вскрывались лишь верхние голоценовые отложения).

Неудачи первых экспедиций породили сомнение в возможность существования «кавказского каменного века»¹¹ и стали тормозом поисковых работ на долгие годы. В конце XIX—начале XX в. археологи по существу почти прекратили работы в этом направлении. Исключение составили лишь открытия, сделанные французскими исследователями Жозефом де Баем (мустьерская стоянка у станицы Ильской под Краснодаром¹²) и Жаком де Морганом (палеолитические местонахождения в районе горы Арагац в Армении¹³), а также сделанные в разных местностях Кавказа сборы немногочисленных и разновременных кремневых и обсидиановых изделий, не получившие, однако, должного научного признания (например, находки А. В. Комарова под Тифлисом¹⁴).

В первой четверти XX в. немецкий ученый Р. Шмидт и польские археологи Л. Козловский и С. А. Круковский производят удачные раскопки верхнепалеолитических пещерных стоянок в «классическом» пещерном районе Имеретии (район Кутаиси—Чиатури), добыв при этом значительные коллекции кремневых орудий.

Итак, начальный, досоветский период исследования памятников каменного века Кавказа охватывает почти целое 50-летие; в общем он малорезультативен: следы мустьерской культуры отмечены в двух пунктах (Ильская, Арагац), верхнепалеолитические стоянки — в нескольких пещерах Имеретии.

К 1917 г., таким образом, нижний палеолит Кавказа был одним из наименее разработанных разделов первобытной археологии этой области. Сведения о начальной поре нижнего палеолита (шель-ашель) отсутствовали, скудные мустьерские находки не сохранились и потеряли почти всякое научное значение. По существу, советские археологи вынуждены были начинать поиски и изучение нижнего палеолита заново.

С установлением Советской власти в Баку, Ереване, Тбилиси, Махач-Кале, Орджоникидзе и других национальных центрах были созданы научно-исследовательские институты и музеи, начавшие планомерную работу по изучению древнейшей истории Кавказа. Важнейшими достижениями работ довоенного времени явились: обнаружение многочисленных ашельских и мустьерских местонахождений в сочинско-абхазском Причерноморье (среди них — крупнейший «узел» разнородных ашело-мустьерских памятников в районе горы Яштух и превосходно стратифицированная многослойная мустьерская стоянка в Ахштырской пещере) и выявление первых

⁸ К. О. Милашевич. Отчет о поездке по кавказским пещерам летом 1877 г. «Изв. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. XXXI. М., 1878—1879, стр. 11—12.

⁹ И. С. Поляков. Дневник археологических работ, веденных в Закавказском крае осенью 1879 г. «Приложение к протоколам Подготовительного комитета V археологического съезда в Тифлисе». М., 1882.

¹⁰ Д. Н. Анучин. Поездка в Эльховскую пещеру. Древности. «Тр. Моск. археологич. о-ва», т. IX, вып. II—III. М., 1883, стр. 33—37.

¹¹ Д. Н. Анучин. Доисторическая археология Кавказа. ЖМНП, ч. 231, отд. 2, 1884, стр. 235.

¹² А. А. Спицын. Русский палеолит. «Записки Отделения русск. и славянск. археологии Русск. археолог. об-ва», т. XI. СПб., 1915, стр. 132—172.

¹³ J. de Morgan. Les stations préhistoriques de l'Alagheuz. «Revue de l'Ecole d'Anthropologie de Paris», t. XIX, 1909.

¹⁴ Д. Н. Анучин. Доисторическая археология..., стр. 235, 236.

следов нижнего палеолита в Прикубанье (Фортепьянка, Бакинская) и в Дагестане (Геджух).

Исследования послевоенного времени приобретают несравненно более широкий и систематический характер: в них принимают участие не только представители центральных археологических учреждений, но и выросшие на местах национальные кадры. Работы эти резко расширили фактические знания о нижнем палеолите Кавказского перешейка: памятники этой эпохи обнаружены на территории всех республик и областей (за исключением Кабарды и Ставрополя); наиболее значительные средоточия рассматриваемых памятников — «очаги» развития ашело-мустьерской культуры — установлены, помимо Причерноморья, в Армении (гора Артин, район Арзни—Джрабер—Фонтан), в южной Осетии (район Знаури—Цхинвали, Кударское ущелье), в Прикубанье (Абадзехская, Хаджох, Семияблоня и др.); самыми яркими и важными в научном отношении открытиями являются одни из немногих в мире пещерные стоянки с непотревоженными культурными остатками ашельской эпохи (пещеры Кударо I, Кударо III, Цонская, Азыхская).

В настоящее время в итоге работ за годы советского 50-летия на Кавказе зарегистрировано свыше 220 нижнепалеолитических памятников (против 34 в довоенное время¹⁵), что составляет более половины ашело-мустьерских памятников, известных сейчас в границах всей страны. Это позволяет рассматривать Кавказ как главнейший центр расселения раннего человечества на территории Советского Союза.

Нижнепалеолитические остатки установлены в пределах почти всех ландшафтно-климатических зон кавказской горной страны (предгорья, средневысокие горы, субальпийская зона) вплоть до абсолютной высоты в 2300 м. Остатки эти происходят из скальных убежищ (исследуются 22 пещеры), стоянок открытого типа (Ильская, Хаджох) и в подавляющем большинстве — из местонахождений, на которых сохранились лишь перемещенные каменные изделия.

Наиболее высокогорные памятники южного склона — это пещеры Кударо I (1600 м), Цонская (2100 м) и ашело-мустьерское местонахождение Учелет в южной Осетии (1750—1800 м). Горы северного склона исследованы хуже, однако там найден отщеп мустьерского типа на высоте около 2300 м (гора Ачешбок в верховье р. Белой на Западном Кавказе). Что касается Малого Кавказа, то выше других здесь лежат местонахождения Сатани-дар (1642 м) и Джрабер (1820 м). Находки нижнего палеолита на больших высотах — свидетельство обитания древнейшего человека в глубине гор, преодоления им в процессе расселения кавказского горного барьера. Наиболее примечательна в этом отношении находка на горе Ачешбок (2300 м) высотная отметка которой превышает высоты близлежащих перевалов через Главный Кавказский хребет.

Обилие и многообразие нижнепалеолитических находок на Кавказе позволяет видеть в нем слагаемое тех южных благодатных земель, в которых люди, заселив их однажды, жили постоянно и в значительном количестве. Включение Кавказа в пределы прародины человечества — области становления и исконного обитания людей — не имеет, однако, должного археологического обоснования.

Время первоначального заселения Кавказа в большинстве случаев датируется шеллем или дошеллем, относимым к эпохе раннего плейстоцена (миндель и доминдель). В доказательство этому приводятся материалы таких местонахождений, как карьер Цимбал на Тамани, Игнатенков куток в Прикубанье, Сатани-дар в Армении. Материалы эти заслуживают без-

---

¹⁵ П. П. Ефименко и Н. А. Береговая. Палеолитические местонахождения СССР. МИА, № 2, 1941.

условного внимания и дальнейшего изучения, но в настоящее время они лишены должного геологического и палеонтологического обоснования.

Шелльский комплекс Сатани-дара, к примеру, определен лишь с помощью чисто типологического анализа: из состава разновозрастных поверхностных находок отобраны наиболее архаичные формы: шелльский возраст таких форм возможен, но не бесспорен, ибо аналогии им можно найти в инвентаре заведомо более поздних (ашельских) комплексов пещер Кударо I и Цонской.

Более достоверна в настоящее время, как кажется, более поздняя исходная дата заселения Кавказа: первая половина среднего плейстоцена¹⁶ — время теплого лихвинского (миндель-рисского) межледниковья, синхронизируемого обычно с ранней и средней стадиями ашельской эпохи.

Эта предположительная дата основывается на археологических и палеонтологических свидетельствах из нижнего культурного слоя пещеры Кударо I¹⁷, состоящих из комплекса каменных орудий среднешельского облика и остатков теплолюбивых животных (макака, носорог, леопард, аргалиобразный баран, дикобраз)¹⁸.

Заселение и освоение территории Кавказа нижнепалеолитическими первопришельцами было, по-видимому, процессом длительным и неровным; вероятны неодновременность и неодинаковость освоения тех или иных районов, прерывистость продвижений через горные районы, оставление уже занятых земель, повторное заселение последних. Эти явления обуславливались событиями чрезвычайно сложной четвертичной истории Кавказского перешейка со времени лихвинского межледниковья. Предполагаемое двукратное оледенение — днепровское (рисское) и валдайское (вюрмское), наступания и отступания Черного и Каспийского морей существенно меняли облик перешейка, создавая временами непреодолимые естественные преграды, делая многие местности недоступными или непригодными для обитания.

Надежные картографические изображения палеогеографии перешейка в среднем и верхнем плейстоцене отсутствуют, однако со времен Г. Абиха большинство ученых (А. Л. Рейнгард, В. П. Ренгартен, Л. А. Варданянц и др.) склонялось к представлениям о весьма мощных оледенениях Кавказских гор (измеряемых понижением снеговой линии в рисское время на 1000—1300 м, в вюрмское — на 600—700 м), во время которых происходили крупные сдвиги ландшафтно-климатических зон и значительные изменения в расселении растительных и животных видов. В промежутках между оледенениями: одицовский (рисс I—II) межстадиал (или межледниковье), длительное, как предполагают, микулинское (рисс-вюрмское) межледниковье, периодические потепления внутри вюрма — льды стаивали или отступали далеко в горы, лесные и горно-лесные ландшафты и зональность восстанавливались.

Этапы развития Черного, Азовского, Каспийского морей и Маныча находились в теснейшей связи с этими событиями. В трансгрессивные фазы, совпадающие с периодами межледниковий (лихвинского, микулинского), когда Маныч превращался в реку-пролив, а Азовское море — в проточный бассейн, моря эти разливались и образовывали единую водную преграду, в регрессивные же фазы, соответствующие в общем време-

---

¹⁶ При условии проведения нижней границы среднего плейстоцена под миндель-риссом.

¹⁷ Ашельские комплексы Цонской и Азыжской пещер близки кударскому, но возрастные взаимоотношения всех этих комплексов пока недостаточно ясны.

¹⁸ Н. К. Верещагин. Плейстоценовые позвоночные из пещеры Кударо I в Юго-Осетии и их значение для разработки истории фауны и ландшафтов Кавказа. «Докл. АН СССР», 112, 6, 1957, стр. 1347--1349.

нам оледенений, площадь Черного и Азовского морей, напротив, сильно сокращалась, и Маныч осушался¹⁹.

В период так называемой послекарангатской регрессии (начало валдайского оледенения) произошло осушение Маныча и всего Азовского моря. Дон прокладывал свою долину непосредственно к Керченскому проливу²⁰, а Черноморский бассейн достигал своего максимально регрессивного уровня (122 м ниже современного), при котором вдоль побережья Кавказа осушалась полоса моря шириной в 7,7—9,4 км²¹.

Приведенные палеогеографические данные в сочетании с археологическими свидетельствами допускают предположение о том, что человек проник на Кавказ, вероятнее всего, с юга, со стороны исходной шельско-ашельской ойкумены. В процессе расселения перед ним периодически возникали крупные природные преграды широтного простираения: горно-ледниковая (Большой Кавказ в эпохи оледенений) и водная (Маныч периодов трансгрессий Понто-Каспия). Значение этих природных факторов для расселения людей лишь начинает выясняться (факты оставления людьми высокогорных районов Большого Кавказа в периоды позднего ашеля — раннего мустье и верхнего палеолита, т. е. во времена, соответствующие, по всей видимости, риссу и главной стадии вюрма²²), тем не менее допустимо предположить, что: 1) периодические морские трансгрессии прерывали вероятные связи Кавказа с южнорусской равниной; 2) во времена рисского и, возможно, вюрмского оледенений горно-ледниковый барьер Большого Кавказа расчленил Кавказский перешеек на две изолированные или малосвязанные части (возможность связей вдоль морских побережий в обход Кавказских гор на современном уровне наших знаний исключить нельзя).

Таковы первые черновые наброски вероятной картины первоначального заселения Кавказа. Однако увязка отдельных этапов истории древнейшего населения Кавказа с этапами развития природы этой области, синхронизация этапов палеолита с эпохами ледникового периода в настоящее время затруднена, ибо необходимые для этой цели геологические, палеонтологические, радиологические (абсолютная датировка) и другие показатели крайне недостаточны. Нуждается прежде всего в уточнении или дополнительном подтверждении предложенная исходная дата заселения Кавказа (лихвинское межледниковье). Является гипотетическим и отнесение памятников верхнеашельского и раннемустьерского облика (типа позднего комплекса Сатани-дара, Арзни, Джрабера, части местонахождений Яштуха, Лаше-Балты, Абадзехской, Семияблони и др.) ко второй половине среднего плейстоцена (времена днепровского оледенения, одинцовского межледниковья, московского оледенения).

В эпоху теплого микулинского межледниковья на Кавказе, как и на Русской равнине²³, предполагается наличие условий, наиболее благо-

¹⁹ М. В. Муратов. Четвертичная история Черноморского бассейна в сравнении с историей Средиземного моря. «Бюлл. Моск. о-ва исп. природы», отд. геолог., т. XXXV (5), 1960; И. Г. Попов. Корреляция черноморских и каспийских четвертичных отложений. «Матер. Совещания по изучению четвертичных отложений», т. II. М., 1961.

²⁰ Н. И. Андрусов. Геологическое строение и история Керченского пролива. «Бюлл. Моск. о-ва исп. природы», отд. геолог., т. IV, № 1-2, 1926; И. С. Благоволин. Происхождение и история развития Керченского пролива. «Изв. АН СССР», серия географ., № 2, 1960.

²¹ А. Б. Островский. Регрессивные уровни Черного моря и связь их с переуглублениями речных долин Кавказского побережья. «Изв. АН СССР», серия географ., № 1, 1967.

²² В. П. Любин. Высокогорная пещерная стоянка Кударо I (Юго-Осетия). «Изв. Всесоюз. географ. о-ва», т. 91. Л., 1959; А. Н. Каландадзе. Цонская пещера и ее культура. «Пещеры Грузии», т. III. Тбилиси, 1965.

²³ В. П. Гричук. Палеогеография Северной Европы в позднем плейстоцене. «Последний европейский ледниковый покров». М., 1965.

приятствовавших процветанию и расселению раннего человечества. В это время, судя по широкому распространению мустьерских памятников, имели место повторное освоение горных районов, передвижения через Главный хребет, заселение центральной и восточной частей северного склона Большого Кавказа, проникновение в Прикаспье (Дагестан). Многие мустьерские памятники открытого типа, с известной долей вероятности, относятся именно к этой эпохе (местонахождения Дагестана, Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Карачаево-Черкессии, Прикубанья, Абхазии, Имеретии, Южной Осетии, Армении), однако памятники рассматриваемой эпохи, имеющие ясное стратиграфическое положение, пока неизвестны. К этому времени, возможно, относятся придонные культурные отложения Ахштырские пещеры.

Более уверенно, как это сейчас представляется, можно говорить о сопоставлении этапов геологической истории второй половины верхнего плейстоцена (валдайское оледенение) с заключительными этапами палеолита (позднее мустье, верхний палеолит). Первые сопоставления такого рода и суждения о размахе изменений ландшафтов и условиях жизни человека на Кавказе в период последнего оледенения можно сделать на основании характера палеоботанических и палеозоологических остатков, встреченных в позднемустьерских и верхнепалеолитических слоях пещерных стоянок сочинского Причерноморья (пещеры Кепшинская, Воронцовская, Навалишенская). Так, в мустьерском слое Кепшинской пещеры (среднее течение р. Мзымта, теснина Ахцу, зона современных широколиственных лесов, абсолютная высота 200—250 м) обнаружены кости тура, прометеевой полевки, кавказского улара²⁴ (определения Н. М. Ермоловой, И. М. Громова, Н. И. Бурчак-Абрамовича), а в пыльце — абсолютное преобладание среди древесных сосны при ничтожном количестве ели и пихты (все пыльцевые анализы выполнены М. Н. Клапчуком), что говорит о господстве весьма холодного климата.

Пыльцевые показатели позднемустьерских слоев Навалишинской и Воронцовской пещер, охватывающие большие промежутки времени валдайского оледенения (три — пять мустьерских слоев и слои верхнепалеолитические), отражают многократность изменений климата. В течение обитания человека в Навалишенской пещере, судя по пыльце, последовательно сменяли друг друга периоды (снизу вверх по разрезу): холодный (сосновые леса), сравнительно теплый и влажный (пихтово-сосново-ольховые леса), теплый и умеренно сухой (широколиственные леса), увлажнения и похолодания (пихтово-елово-ольховые леса) и, наконец, в верхнепалеолитическое время — сухой и холодный (леса исчезают).

Приведенные данные достаточно определенно документируют климатические потрясения, испытанные в вюрмское время одним из самых благодатных (субтропики) уголков Кавказа наших дней. В этих показателях намечаются, как кажется, два главных максимума похолодания эпохи вюрма (пыльцевые спектры нижнего и верхнего слоев Навалишенской пещеры фиксируют, как предполагается, оба максимума, флористические и фаунистические остатки из Кепшинской пещеры — лишь первый, более ранний), которые предположительно можно сопоставить с калининским и ошашковским оледенениями Русской равнины (по А. И. Москвитину).

---

²⁴ Улар (горная индейка) относится к числу наиболее характерных альпийских птиц Кавказа. В условиях современной зональности он гнездится на высоте от 1800 до 2400 м (см.: Л. А. Портенко. Птицы Кавказа. «Животный мир СССР», т. V. М.—Л., 1958, стр. 241). Прометеева полевка распространена на субальпийских и альпийских лугах, а также лугах верхней части лесного пояса западной части Кавказского перевалка. Наиболее низкорасположенные местонахождения известны на высотах около 1500 м над уровнем моря (см.: «Млекопитающие фауны СССР», ч. I. М.—Л., 1963, стр. 565).

Палеозоологические и палеоботанические свидетельства причерноморских пещер существенны не только как важные аргументы в вековом споре о масштабах древних оледенений Кавказа²⁵, но и как факты, выясняющие геологический и относительный возраст палеолитических стоянок и проливающие свет на условия жизни и хозяйственной деятельности древнейшего человека. В условиях сурового климата, сокращения пригодной для обитания площади, вероятного сужения пищевых возможностей местной флоры мустьерский человек сочинского Причерноморья вынужден был по-новому разрешать жизненно важные проблемы жилищ, сохранения тепла (одежда), питания, ведения охотничьего промысла.

---

²⁵ В этом споре, кстати сказать, в последнее время начинает возобладать точка зрения о сравнительно небольших отличиях физико-географической обстановки ледниковой эпохи от современной обстановки (см.: Л. И. Маруашвили. Целесообразность пересмотра существующих представлений о палеогеографических условиях ледникового времени на Кавказе. Тбилиси, 1956).

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

1

Одно из центральных мест в работах советских археологов занимает славянская тематика — вопрос о происхождении славян, история их древней культуры, образование известных по летописи древнерусских группировок, формирование древнерусской народности и государства. Значение исследований в этой области совершенно понятно и не требует какой-либо аргументации. Советские археологи-слависты накопили значительное количество неизвестных ранее данных о древних славянах; они прошли большой путь исканий, удачных и неудачных, которые продолжают в настоящее время и, вероятно, еще долгие годы будут привлекать к себе внимание.

Дореволюционное наследство, полученное в этой области советской наукой, было поистине ничтожным. В течение XIX и начале XX в. славяно-русская археология в России занималась почти исключительно средневековыми древностями. С большим размахом раскапывались древнерусские курганы, начало чему было положено в 50-х годах XIX в. известными раскопками А. С. Уварова в Ростово-Суздальской земле. В результате раскопок Д. Я. Самохвасова, Н. И. Булычева, В. Б. Антоновича, Н. Е. Бранденбурга, В. Э. Завитневича, В. И. Сизова и многих других археологов уже в конце XIX в. А. А. Спицын смог дать общую картину русских курганных древностей IX—XII вв. в своей известной работе «Расселение древнерусских племен по археологическим данным»¹. Небольшие раскопки производились и в некоторых древнерусских городах — Киеве, Новгороде, Старой Ладоге, причем внимание исследователей привлекали главным образом памятники архитектуры. Древности же более ранние, предшествовавшие Руси IX—XII вв., оставались не только не исследованными, но и почти не известными. В пределах восточнославянских земель в дореволюционный период подверглись раскопкам лишь некоторые группы памятников I тыс. н. э., отделенные друг от друга широкими территориальными и хронологическими лакунами, — «поля погребений» зарубинецкого и черняховского типа в Среднем Поднепровье, длинные курганы и сопки в северных восточнославянских областях, принадлежность которых к славянской тематике оставалась далеко не доказанной. Этногенетическая гипотеза В. В. Хвойки, который рассматривал зарубинецкие, черняховские и русские средневековые древности как памятники трех последующих друг за другом ступеней в развитии восточнославянской культуры Среднего Поднепровья, первоначально поддержанная А. А. Спи-

¹ ЖМНП, 1899, кн. VIII.

цыным, вскоре вызвала многочисленные возражения. Главными оппонентами В. В. Хвойки были немецкие археологи, полагавшие, что зарубиенские и черняховские «поля погребений» оставлены в Среднем Поднепровье германскими племенами, в частности готами. Ничего определенного не могла сказать археология о жизни и культуре восточных славян накануне образования Древнерусского государства. Отсутствие объективных археологических данных открывало перед дореволюционной историографией широкий простор для различного рода домыслов, в том числе для попыток изобразить восточных славян накануне возникновения Древнерусского государства в виде племен с чрезвычайно примитивными культурой и общественным строем. В настоящее время трудно поверить, что могла иметь место, например, «охотничья теория», авторы которой, в частности известный историк Н. А. Рожков, полагали, что древние славяне вплоть до IX—X вв. являлись преимущественно звероловами, не знающими земледелия или почти им не занимающимися. Историк В. О. Ключевский, не разделявший взгляды Н. А. Рожкова, рассматривал восточнославянские племена как бродячих земледельцев. Существовала «теория родового быта» в Древней Руси. Все эти и подобные им представления имели свое концентрированное выражение в пресловутой «норманской теории» возникновения Древнерусского государства.

Задачи борьбы молодой советской исторической науки с дворянско-буржуазными концепциями истории Древней Руси послужили для археологии в 20—30-х годах главным стимулом постановки широких исследований в области далекого восточнославянского прошлого. Вклад археологии в решение этих задач является весьма значительным. За истекшие 50 лет в пределах древнерусской территории — в Поднестровье, в Среднем и Верхнем Поднепровье и смежных областях Поволжья и Европейского Севера — была проделана большая работа по выявлению и изучению древностей I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э., имеющих то или иное отношение к славянской тематике. Конечно, приходится отметить, что и сейчас в восточнославянской археологии еще далеко не все известно. Наряду с областями, подвергшимися систематическим исследованиям, в пределах древней восточнославянской земли имеются местности, изученные недостаточно или совсем еще не затронутые археологическими работами. Но, несомненно, основные категории или группы древностей указанного периода в пределах старой восточнославянской территории уже выявлены, и в этом отношении вряд ли приходится ожидать каких-либо неожиданных новых открытий, которые могли бы радикально изменить имеющуюся картину. Задача ликвидации белых пятен — хронологических и территориальных — отходит ныне на второй план. Главной задачей — несравненно более сложной и трудоемкой — является сейчас исследование путем раскопок уже выявленных групп древностей, определение их отношений друг к другу, изучение на их основании конкретного исторического и этногенетического процесса.

2

На первых порах, в 20—30-х годах, особое внимание исследователей, занимавшихся дофеодальной славянской археологией, привлекли роменские городища днепровского Левобережья, получившие свое наименование от городища около г. Ромны Сумской обл., исследованного Н. Е. Макаренко в 1906 г. Наиболее значительные исследования этих древностей были произведены П. П. Ефименко в 1928—1929 гг. на далекой юго-восточной окраине восточнославянских земель — на Верхнем Дону и его притоке р. Воронеже². По имени исследованного тогда Боршевского городища

² П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 8, 1948.

древности этого типа стали нередко называть роменско-боршевскими или боршевскими.

Роменско-боршевские городища рассматривались в то время как своего рода эталон древней восточнославянской культуры, предшествующей культуре Древнерусского государства. Их относили не только к последним векам I тыс. н. э., о чем свидетельствовали монеты и другие находки, сделанные при раскопках, но и к третьей четверти этого тысячелетия, к антскому времени. В те же годы А. А. Спицын связал с известиями древних авторов о славянах-антах многочисленные находки предметов убора и украшения третьей четверти I тыс. н. э., сделанные в разное время в Среднем Поднепровье и составляющие нередко богатые клады³. В итоге создалось впечатление, что большой период древней жизни славян в Среднем Поднепровье, предшествующий образованию Древнерусского государства, уже освещен соответствующими археологическими данными.

Впечатление это было, однако, ошибочным. В конце 30-х годов И. И. Ляпушкиным было начато систематическое изучение роменских городищ днепровского лесостепного Левобережья, продолженное после окончания Великой Отечественной войны, в ходе которого на нескольких городищах были произведены значительные раскопки. Полному исследованию подверглось Новотроицкое городище в верхнем течении Псла — памятник уникальный, давший для науки значительно больше данных, чем все предыдущие исследования на городищах этого типа. Это объясняется тем, что поселение, остатками которого является Новотроицкое городище, погибло во время военного разгрома, сопровождавшегося пожаром, благодаря чему в развалинах жилищ и в других местах в пределах поселения сохранились многочисленные предметы бытового и производственного инвентаря и другие вещи, обычно не попадающие в руки археологов⁴.

Одним из результатов исследования на роменских городищах Левобережья было окончательное определение их времени. Оказалось, что роменские городища относятся к IX—X вв., может быть — к самому концу VIII в.⁵ К такому же выводу привели исследования на городищах этой культуры, произведенные в последующие годы на Дону А. Н. Москаленко и в бассейне Оки Т. Н. Никольской⁶.

Выяснилось, следовательно, что роменские городища не могут связываться с антами и их временем. Представленная ими культура являлась не столько предшественницей культуры Древней Руси, как предполагалось раньше, сколько ее современницей — культурой восточных древнерусских областей. Находки, сделанные на роменских городищах, особенно обильные на Новотроицком, свидетельствуют о таком уровне производства и культуры, который был характерен для Руси киевского периода, о пашенном земледелии, знакомом со всеми основными видами хлебных злаков, о торговле, о ремеслах, охвативших многие отрасли производства. Лишь глиняная посуда на роменских поселениях изготовлялась от руки, в домашних условиях. Но в X в. ей на смену мало-помалу пришла ремесленная кружильная керамика, что собственно и определило финал роменской археологической культуры. С этого времени древнерус-

³ А. А. Спицын. Древности антов. Сборник в честь А. И. Соболевского. Л., 1928.

⁴ И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, МИА, № 74, 1958; он же. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. МИА, № 104, 1961.

⁵ И. И. Ляпушкин. О датировке городищ роменско-боршевской культуры. СА, IX, 1947.

⁶ А. Н. Москаленко. Изучение славянских археологических памятников в бассейне Верхнего и Среднего Дона. «Славянский сборник», вып. I. Воронеж, 1958; он же. Городище Титчиха. Воронеж, 1965, стр. 142—150; Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н. э. МИА, № 72, 1959.

ский археологический материал Левобережья приобрел тот же облик, что и материал всех других областей Древнерусского государства.

Когда все это выяснилось, славянскую культуру антского времени стали искать среди древностей черняховского типа. Их время при этом определялось широко, в рамках второй и третьей четверти I тыс. н. э. Специфические черты этих древностей, свидетельствующие о тесных связях оставившего их среднеднепровского поселения с римской периферией, — масса римских монет первой половины I тыс. н. э., римское стекло, провинциально-римские фибулы, характерная керамика, изготовленная на гончарном круге и покрытая лощением, — как будто бы вполне соответствовали известиям древних авторов о славянах-антах, с рубежа V и VI вв. н. э. осаждавших северо-восточные балканские провинции Византийской империи. Черняховские племена считал славянами А. А. Спицын⁷. В таком качестве они фигурировали вплоть до начала 50-х годов в работах многих археологов⁸, а также в таких обобщающих трудах, как «Очерки по истории СССР»⁹ и «Нариси стародавньої історії УРСР»¹⁰. Отдельные защитники этой точки зрения имеются и в настоящее время¹¹.

Изменение взглядов многих исследователей на черняховские племена, как на славян-антов, непосредственных предшественников древнерусского населения, явилось прежде всего результатом изучения самих черняховских древностей. За 40—60-е годы на Украине в результате раскопок остатков черняховских поселений и «полей погребения» был накоплен огромный материал, во много раз превышающий по объему информации те данные, которыми располагала археология ранее. Е. В. Махно, Э. А. Сымановичем, Э. А. Рикманом и другими археологами было исследовано несколько могильников и остатков черняховских поселений¹². Большие раскопки были произведены М. А. Тихановой на поселении у с. Лепесовка в Поднестровье, материалы которых, к сожалению, остаются неопубликованными.

И выяснилось, что попытки археологов связать черняховские древности с антским временем, т. е. с VI—VII вв., оказались тщетными. Эти древности датируются второй четвертью I тыс. н. э., по мнению некоторых исследователей, — III—IV вв. Они относятся, следовательно, не к антскому периоду, а к предшествующему ему времени в истории юго-западных областей Европейской части нашей страны. Крушение черняховской оседлости явилось, по-видимому, результатом вторжения гуннов.

Это заключение, основанное на обширном новом материале, однако, не привело к возрождению упомянутых выше старых представлений о черняховском населении, как о готах. Если в начале 30-х годов А. А. Спицын не соглашался с этими представлениями — в частности, на том основании, что черняховские древности известны на огромной территории, лишь небольшая часть которой, судя по историческим данным, могла принадлежать готам, то теперь выяснилось, что территория эта была еще обширнее, чем она представлялась А. А. Спицыну. Она охватывала все пространство Украины, за исключением ее северных лесных областей, распространялась в Польшу, Словакию, Венгрию, Румынию. Очевидно, черняховская культура не могла принадлежать какой-либо од-

⁷ А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, X, 1948, стр. 69.

⁸ Например, Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 43 и сл.; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 158—172.

⁹ «Очерки по истории СССР», т. 2. М., 1958, стр. 63—82.

¹⁰ «Нариси стародавньої історії УРСР». Київ, 1957, стр. 322—355.

¹¹ М. Ю. Брайтчевський. Біля джерел слов'янської державності. Київ, 1964.

¹² «Черняховская культура», МИА, № 82, 1960; «Древности эпохи сложения восточного славянства». МИА, № 116, 1964; «История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры». М., 1967, и др.

ной этнической группировке, а объединяла разноэтничное население восточной и северной периферии римских владений. Черняховская культура — явление не «этнографическое», не самобытное, а своеобразный продукт первых этапов «великого переселения народов» — времени, когда племена Средней и Восточной Европы, порывающие с первобытным строем жизни, находящиеся в движении и жившие нередко чересполосно, овладевали ремесленными формами производства, нивелировавшими материальную культуру различных племен, развивали торговлю, также способствовавшую культурной интеграции, когда римские монеты превратились в важный элемент экономической жизни.

Большим успехом археологических исследований в западных областях Украины, проливших свет на роль готов в культурной жизни Северо-Западного Причерноморья, было выявление в 50-х годах неизвестных ранее бесспорных готских древностей, точно таких же, какие зарегистрированы в Южной Прибалтике и в ряде мест на берегах Вислы. Выяснилось, что северяне-готы, пришедшие в конце II—начале III в. в верховья Западного Буга, Припяти и Днестра, принесли туда свою самобытную и достаточно примитивную, провинциальную культуру, совсем непохожую на черняховскую¹³. Во время дальнейшего продвижения к югу, в пределах Волини и на Нижнем Днестре, готы мало-помалу потеряли свои специфические культурные особенности, известные по археологическим данным, и влились в число племен — носителей черняховской культуры. Когда они вышли на северо-западное побережье Черного моря, о чем известно по историческим данным, их материальная культура уже ничем не отличалась от черняховской. В результате этого в причерноморских областях, где в III—IV вв. находились готские «варварские государства», никаких специфических готских древностей не имеется. Пришельцы готы жили здесь в окружении местного населения — старого скифского и скифо-сарматского, гетского и дакийского, объединенного черняховской культурой. Имеется предположение, что в северных частях черняховского ареала могли обитать и некоторые славянские группировки, либо живущие здесь с глубокой древности, либо продвинувшиеся на Волинь из Повислесья в начале н. э., либо те и другие. Но это не более чем «рабочая гипотеза», пока что далеко не обоснованная фактическим материалом. Известно лишь, что в начале нашей эры в области Западной Волини продвинулись не только северяне-готы, но и какое-то количество населения с пшеворской культурой, характерной в это время для обитателей бассейна Вислы¹⁴. Но что это были за племена — славяне, или какие-то германцы, или те и другие, — пока неизвестно.

Таким образом, черняховские древности, характеризующие один из важнейших этапов древней истории юго-запада нашей страны, нельзя безоговорочно исключать из славянской археологической проблематики. Несомненно лишь, что в целом массив черняховского населения — это не славяне-анты, не генетический предшественник среднеднепровских славян периода Древней Руси.

3

Бесспорные восточнославянские древности третьей четверти I тыс. н. э. были обнаружены советскими археологами лишь в 50-х годах. Их выявление и исследование в ряде областей Поднепровья, на Волини, на Южном Буге и Днестре следует рассматривать в качестве одного из крупнейших достижений нашей славяно-русской археологии за последние десятилетия.

¹³ Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья. САИ, Д1-29, 1961, стр. 18, 19; он же. Могильник Брест-Тришин. КСИИ, вып. 100, 1965.

¹⁴ Г. Ф. Никитина. Население лесостепной полосы Восточной Европы в первой половине I тыс. н. э. Автореферат дисс. М., 1965.

Главная заслуга принадлежит в этом деле украинским ученым. О том, что это несомненно славянские древности, относящиеся к антскому и более позднему времени, свидетельствуют генетическая преемственность с ними древностей Руси IX—X вв., то, что аналогичные остатки культуры имеются в пределах старославянских земель в Польше, Чехословакии и Восточной Германии, наконец то, что такие древности найдены на Дунае — в Румынии и Болгарии — там, куда славяне продвинулись в VI—VII вв.

Что же представляют собой эти древности? Это остатки преимущественно небольших поселений, расположенных обычно на невысоких местах, недалеко от воды, что вполне соответствует сообщением византийского автора VII в. Маврикия Стратега о поселениях антов. Характернейшим элементом культуры, представленным на этих поселениях, являются жилища квадратные в плане, размером 4×4 м, нижняя часть которых углублена в землю. В одном из углов жилища располагались очаг или печь. Рядом с жилищем находятся обычно ямы-погребца, круглые в плане, со стенками, расширяющимися книзу и горизонтальным полом. Это постройки — жилища и погребца — того самого типа, который хорошо известен и по славянским древностям IX—XIII вв. в Поднепровье и в других славянских, восточнославянских и западнославянских землях. Поселениям сопутствуют бескурганые могильники с трупосожжениями. Обнаружено также, что кое-где еще в рамках третьей или в самом начале последней четверти I тыс. н. э. на смену бескурганым могильникам приходят курганы с трупосожжениями, характерные для языческого периода Древней Руси. Где-то в конце третьей четверти I тыс. н. э. наряду с неукрепленными поселениями возникали и отдельные укрепленные: то ли убежища, то ли замчища, сигнализирующие о первых шагах классовообразования.

Основным занятием населения того времени являлось земледелие, несомненно — пашенное; были развиты скотоводство и другие промыслы. Имеются данные о возникновении ремесел и о первых ремесленных поселениях — предшественниках древнерусских городов. Упомянутые выше клады и отдельные предметы убора и украшения, названные А. А. Спицыным «древностями антов», принадлежали именно этому населению. В настоящее время установлено, что большинство таких кладов и других находок относится к VII—VIII вв., т. е. уже к послеантскому периоду. Находки эти локализируются в Среднем Поднепровье и отсутствуют в более юго-западных, собственно антских областях. В связи с этим Б. А. Рыбаков предложил называть эти древности не антскими, а «древностями русов». Он сопоставил их ареал с границами древнейшей Русской Земли — старейшего очага восточнославянской государственности на Днепре, реконструируемого по данным летописи¹⁵.

Большая группа таких поселений исследована на Днепре ниже Киева. Это Каневское поселение, раскопанное Г. Г. Мезенцевой, селища на правом притоке Днепра р. Роси, целое «гнездо» поселений в нижнем течении другого днепровского притока — р. Тясмина у сел Пенькова и Стецовка, где раскопки были произведены Д. Т. Березовцом и В. П. Петровым. Наряду с поселениями VI—VII вв. там имеются и более поздние — VIII—IX вв., принадлежавшие тому же славянскому поселению. Такое же «гнездо» поселений и следы могильников, среди которых имеются ранние — VI—VII вв., были обнаружены А. В. Бодянским в Надпорожье. Там же, около балки Яцовой, А. Т. Смиленко были исследованы остатки поселения VIII—IX вв.¹⁶

¹⁵ Б. А. Рыбаков. Древние русы. СА, XVII.

¹⁶ Г. Г. Мезенцева. Канівське поселення полян. Київ, 1965; Д. Т. Березовец. Поселення уличей на Тясмині. МИА, № 108, 1963; В. П. Петров. Стецовка,

Несколько десятков славянских поселений второй половины I тыс. н. э. было обнаружено П. И. Хавлюком в поречье Южного Буга, в верхнем и среднем течении этой реки. Они также разновременны. Здесь имеются поселения ранние — VI—VII вв. и поселения последующего времени, как и в поречье Тясмина, позволяющие проследить эволюцию славянской культуры в течение трех-четырёх столетий¹⁷.

В этой же области, на р. Сухой Ташлык, притоке Тясмина, находится известное Пастырское городище, на котором В. В. Хвойка нашел большое число предметов VII—начала VIII в., относящихся к «древностям антов-руссов». Материалы новых раскопок, произведенных на городище в конце 40-х—начале 50-х годов М. Ю. Брайчевский, показали, что этот памятник не только одновременен упомянутым выше тясминским, надпорожским и южнобужским поселениям, которые его окружают, но и принадлежит тому же славянскому населению¹⁸. Но если все другие тясминские поселения являлись земледельческими, сельскими, то Пастырское поселение было местом сосредоточения ремесленников, изготовлявших бронзовые и серебряные украшения и занимавшихся кузнечным делом. В землянках Пастырского поселения, точно таких же, какие были на других поднепровских славянских селищах, кроме славянской лепной посуды, найдена кружальная посуда салтово-маяцкого типа. В небольшом количестве такая керамика, распространенная в это время в Северном Причерноморье среди болгарских и аланских племен, входивших в состав Хазарии, известна и на других тясминских, а также южнобужских поселениях. Очевидно, на Пастырском поселении жили и ремесленники-гончары. Продуктами своего ремесла поселок этот обслуживал, по-видимому, не только окрестное славянское население, но и обитателей западной части хазарских владений. А это было как раз то время, когда хазары распространили свою власть на юго-восточные славянские племена, о чем рассказывают старые предания, известные древнерусским летописцам.

В самые последние годы славянские поселения третьей четверти I тыс. н. э. были обнаружены В. А. Ильинской и А. И. Тереножкиным в области лесостепного среднеднепровского Левобережья — в верхнем течении рек Псла и Сулы, а также в нижнем течении Сейма¹⁹. Здесь же была сделана и одна старая находка — могильник с трупосожжением, обнаруженный в начале нашего века Н. Е. Макаренко у с. Артюховки²⁰. Тогда его время и культурная принадлежность не были определены. В свете новых данных, артюховская находка относится к поднепровским славянам VI—VII вв. Несколько таких же поселений с квадратными землянками и колоколовидными погребями исследовано автором этой статьи и Э. А. Сымановичем на Десне.

Все перечисленные поднепровские древности — правобережные и левобережные — имеют одну общую особенность. В более ранних комплексах среди керамики имеются сосуды реберчатых, биконических очертаний, не встречающиеся в третьей четверти I тыс. н. э. в других областях славянского мира. Это говорит, по-видимому, о том, что поднепровские славяне составляли особую локальную группу. Ее ареал в Среднем Поднепровье

поселения третьей четверти I тыс. н. э. Там же; А. Т. Брайчевская (Смирная). Поселения у балки Яцовой в Надпорожье. Там же.

¹⁷ П. И. Хавлюк. Раннеславянские поселения в средней части Южного Побужья. СА, 1961, № 3; он же. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга. МИА, № 108, 1963.

¹⁸ М. Ю. Брайчевский. Работы на Пастырском городище в 1949 г. КСИА, вып. XXXVI, 1951; он же. Нові розкопки на Пастырському городищі. АП, т. V, 1955.

¹⁹ В. А. Ильинская. Новые данные о памятниках середины I тыс. н. э. в днепровской левобережной лесостепи. «Славяне и Русь». М., 1968.

²⁰ Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, 1911, стр. 118, 119.

более или менее соответствовал ареалу уже упомянутых выше «древностей русов» («древностей антов» А. А. Спицына) и пределам восстанавливаемой по летописи древнейшей Русской Земли²¹. Примечательно, что в пределах земли древлян, которые не входили в число племен первичной Русской Земли, не найдено ни «древностей русов», ни реберчатой глиняной посуды, за исключением буквально двух-трех фрагментов.

Древности третьей четверти I тыс. н. э. в земле древлян, т. е. на Волыни, впервые были обнаружены в 1896 и 1919—1923 гг. С. С. Гамченко на р. Тетерев. Но они не получили тогда правильного истолкования и в 50-х годах были заново открыты Ю. В. Кухаренко. В последующие годы Ю. В. Кухаренко, В. К. Гончаровым и И. П. Русановой здесь производились значительные исследования, в ходе которых были раскопаны остатки нескольких поселений, исследованы могильники с сожжениями и два городища, расположенные на правых притоках Припяти Хотомель и Бабка²². В эти же годы аналогичные древности исследовались в западных областях Украины — на Днестре и Западном Буге. Это поселения первое и второе у Рипнева, поселения Плисненск (нижний слой), Незвиско, Зимно и многие другие²³.

Все эти поселения — волынские, днестровские и западнобужские — характеризуются теми же основными чертами, что и поднепровские, но их обитатели не изготовляли глиняной посуды биконических форм, характерной для ранних поднепровских поселений. Это незначительное, так сказать, «диалектное» отличие является, тем не менее, очень важным для выяснения генезиса восточнославянских группировок третьей четверти I тыс. н. э., речь о чем будет идти в конце этой статьи.

Таким образом, в настоящее время перед археологическими исследователями открылись широкие возможности изучения восточнославянского населения в период, предшествующий времени образования Древнерусского государства. Возможности эти успешно реализуются. Важно при этом отметить, что аналогичные древности интенсивно исследуются и за рубежом — в Польше, Чехословакии, Румынии, Болгарии и ГДР. Первые итоги этим исследованиям были подведены в 1965 г. в Варшаве на Первом Международном конгрессе славянской археологии.

4

Еще далеко не решен вопрос о славянских древностях второй половины I тыс. н. э. в Верхнем Поднепровье и по его северной и восточной периферии.

Археологические исследования, произведенные здесь в последние десятилетия, показали, что эта обширная область принадлежала восточным балтийским племенам, ассимилированным славянами к исходу I тыс. н. э. В южных и особенно восточных частях Верхнего Поднепровья памятники третьей четверти I тыс. н. э. — остатки поселений и могильники — характеризуются теми же самыми чертами, что и славянские древности в Среднем Поднепровье. Это небольшие поселения, расположенные преимущест-

²¹ П. Н. Третьяков. О древнейших русах и их земле. «Славяне и Русь». М., 1968.

²² Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья. САИ, Е1—57, 1961; он же. Памятники пражского типа на территории Приднепровья. «Slavia Antiqua», т. VII, 1960; В. П. Петров. Памятники корчакского типа. МИА, № 108, 1963; И. П. Русанова. Поселение у с. Корчак на Тетерева. Там же; В. К. Гончаров. Лука Райковецкая. Там же.

²³ В. Д. Баран. Раннеславянское поселение у с. Рипнева (Рипнев II) на Западном Буге. МИА, № 108, 1963; В. В. Аулик. Славянское поселение у с. Рипнева (Рипнев I) Львовской обл. Там же; Г. И. Смирнова. Раннеславянское поселение у с. Незвиско Станиславской обл. «Исследования по археологии СССР (Сборник в честь М. И. Артамонова)». Л., 1961.

венно на низких местах, недалеко от воды. При раскопках на них обнаруживаются основания обычных квадратных жилищ-полуземлянок и колоколовидные ямы-погребя. Поселениям сопутствуют могильники и курганы с сожжениями. Керамика, находимая при раскопках, характеризуется такими же особенностями, что и посуда из славянских поселений Среднего Поднепровья: здесь налицо реберчатые, биконические формы сосудов.

В северных частях Верхнего Поднепровья древности этого времени имеют другой характер; в них нельзя не видеть памятники культуры балтийских племен. Это остатки поселений и городищ-убежищ типа городища Тушемля, на которых сохранились следы наземных деревянных построек столбовой конструкции, обычно длинных, разделенных на секции с очагом в каждой из них. Вместе с ними в Верхнем Поднепровье имеется значительное число памятников, этническую принадлежность которых определить пока невозможно. Они сочетают в себе в том или ином соотношении как балтийские, так и славянские элементы, отражая картину постепенного поглощения местного населения пришельцами — славянами²⁴. Таковы материалы Колочинского городища, Акатовского могильника, Лахтеевского и Демидовского городищ и многих других.

Следовательно, дифференциация славянских и балтийских древностей второй половины I тыс. н. э. в Верхнем Поднепровье еще не закончена. Более того — полностью она, по-видимому, никогда не будет проведена, так как процесс ассимиляции местного населения был длительным и древности смешанного характера отражают реальную картину. Но среди археологов все это порождает различные сомнения. Имеются исследователи, склонные думать, что в третьей четверти I тыс. н. э. Верхнее Поднепровье имело в основном балтийское население, а славяне появились там очень поздно, буквально накануне возникновения Древнерусского государства²⁵. Существует и другая точка зрения, в соответствии с которой большинство верхнеднепровских древностей третьей четверти I тыс. н. э. рассматривается в качестве славянских²⁶.

К числу древностей, этническая принадлежность которых все еще считается дискуссионной, относятся и наиболее отдаленные группы памятников второй половины I тыс. н. э., находящиеся на окраинах днепровского бассейна и, главным образом, за его северными пределами. Дореволюционная славяно-русская археология, внимание которой, как указано выше, было поглощено преимущественно средневековыми курганами, выявила здесь две группы древних курганов: длинные курганы (в области верхнего течения Днепра, Волги и Западной Двины, а также в пределах старых псковских земель) и высокие курганы — сопки (в пределах Новгородских земель). Длинные курганы уже давно связываются с северо-западной восточнославянской группировкой — кривичами. Но некоторые исследователи считают их погребальными сооружениями балтов или западных финно-угорских племен. А. А. Спицын, весьма интересовавшийся этими памятниками, не раз менял свое мнение об их этнической природе. Что касается сопок — величественных больших курганов, содержащих остатки трупосожжений, то их первоначально приписывали норманам, варягам. Но затем выяснилось, что сопки относятся к более раннему времени, чем время появления варягов в Восточной Европе. Их стали счи-

²⁴ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 254—273.

²⁵ В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. Автореферат доктор. дисс. М., 1966; И. П. Русанова. Славянские памятники второй половины I тыс. н. э. на северо-западе Украины и юге Белоруссии. «Древности Белоруссии». Минск, 1966.

²⁶ Л. Д. Поболь. Основные итоги изучения памятников позднего этапа заруби-нецкой культуры в Белорусском Поднепровье. «Древности Белоруссии», Минск, 1966

тать либо славянскими, либо балтийскими, либо, наконец, финно-угорскими древностями.

В конце 30-х годов Н. Н. Чернягиным была составлена карта сопок и длинных курганов, убедительно показавшая, что первая группа древностей — сопки — действительно укладывается в пределы летописной земли славян Новгородских, а вторая — в пределы земли кривичей²⁷. В конце 40-х годов С. А. Таракановой была сделана попытка доказать, что эти памятники относятся не только ко второй половине I тыс. н. э., но и ко второй четверти этого тысячелетия²⁸, что, однако, не было убедительным. Ф. Д. Гуревич обратила внимание на то, что длинные курганы имеются в Понеманье и бассейне Западного Буга²⁹. Интересное исследование посвятил длинным курганам В. В. Седов, также полагавший, что это кривичские древности. Он привел, в частности, ряд доказательств существования генетической преемственности между длинными курганами и раннесредневековыми курганами древнерусского Северо-Запада³⁰.

Вопрос, однако, остается окончательно не решенным. Новые раскопки длинных курганов на Смоленщине, произведенные Е. А. Шмидтом, показали, что среди находок богато представлены балтийские (латгальские) элементы³¹. Но вместе с тем обнаружилось, что длинные курганы относятся не только к третьей четверти I тыс., но и к более позднему времени — к IX—началу X в., т. е. ко времени, когда данная территория, несомненно, принадлежала летописным кривичам.

В свете последних исследований, лингвистических и археологических, произведенных в области Верхнего Поднепровья, становится очевидным, что вплоть до последних столетий I тыс. н. э. здесь кое-где оставались «островки» балтийского населения. Очевидно, кривичи не были чисто славянским племенным объединением; они были объединением, возникшим на последнем этапе первобытной истории и, кроме славян, включали в свой состав ассимилируемые балтийские группировки. Недаром некоторые исследователи-филологи рассматривали кривичей в качестве смешанного балто-славянского «племени».

Что касается новгородских сопок, то их раскопки за последние десятилетия не производились, если не считать исследования разрушенных старолadoжских сопок, проведенного Н. Н. Гуриной и С. Н. Орловым³². Совсем не исследовались места поселков, принадлежавших населению, насыпавшему сопки и длинные курганы. В пределах старых Новгородских земель в нескольких пунктах обнаружены бескурганные могильники с трупосожжениями, из которых лишь один — могильник в Старой Ладoge — подвергся небольшим исследованиям³³. Взаимосвязь этих могильников с сопками и длинными курганами остается невыясненной. Словом, древности северных восточнославянских земель еще ждут серьезного исследования.

5

Когда речь идет о тематике первобытной славянской археологии, об этногенезе славян, о славяно-скифских или славяно-балтийских отноше-

²⁷ Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. МИА, № 6, 1941.

²⁸ С. А. Тараканова. Длинные и удлиненные курганы. СА, XIX, 1954.

²⁹ Ф. Д. Гуревич. О длинных и удлиненных курганах в Западной Белоруссии. КСИА, вып. 72, 1958.

³⁰ В. В. Седов. Кривичи. СА, 1960, № 1.

³¹ Е. А. Шмидт. Длинные курганы у дер. Цуркови в Смоленском районе. СА, 1958, № 3, и др. публикации.

³² С. Н. Орлов. Сопки волховского типа около Старой Ладogi. СА, XXII, 1955; он же. Новые сведения о сопках волховского типа в районе Старой Ладogi. СА, 1958, № 1.

³³ С. Н. Орлов. О раннеславянском грунтовым могильнике с трупосожжением в Старой Ладoge. СА, 1960, № 2.

ниях и связях или других подобных вопросах далекого прошлого, нередко можно столкнуться с выражением недоумения по поводу того, что эти вопросы никак не получают окончательного решения, что археологи-слависты не находят общего языка, спорят друг с другом, их точки зрения меняются.

Все это совершенно понятно и неизбежно. В настоящее время, говоря о далеком прошлом, славяно-русская археология уже не может удовлетвориться какой-либо односложной схемой. Ее задача дать зарисовку конкретной, живой истории. А последняя у древних славян была очень непростой. Она протекала в той части Европы, где в течение I тыс. н. э., да и раньше происходили неоднократные перемещения древних племен, шла борьба племен и народностей с Римской империей и между собой, в ходе которой подвергались ассимиляции и исчезали целые этнические группировки, совершались коренные изменения в области быта и культуры. Время «великого переселения народов» с его неоднократными модификациями в области культуры, отделившее в Средней Европе первобытность от раннего средневековья, в частности и славянскую первобытность от славянского средневековья, является для археологов как бы барьером, по одну сторону которого, начиная с раннего средневековья, история и история культуры славян в основном прозрачны и понятны, а по другую — до крайности затемнены. Этот барьер археологам очень трудно преодолеть. Они строят свои этногенетические концепции, изучая эволюцию в развитии материальной культуры. Время же «великого переселения народов» не знало эволюции — это не один, а целая серия перерывов постепенности в развитии культуры на широкой европейской территории.

Но имеется и другая причина, тормозящая мобилизацию усилий для решения вопросов славянского этногенеза. Над исследователями продолжают довлеть представления о древних славянах, созданные славянской филологией, причем не последнего времени, а «классической», конца XIX в. Общие черты в раннесредневековой культуре славян на территории СССР, Польши, Чехословакии и других стран рассматриваются как доказательство их происхождения от единого «народа», жившего «длительной совместной жизнью ... на сравнительно небольшой территории» вплоть до VI—VII вв. н. э., когда славяне широко расселились по Центральной, Южной и Восточной Европе³⁴. Поиски этой небольшой территории являются, однако, явно бесперспективными. Об ее существовании можно было думать в конце XIX—начале XX в., когда археология в Средней и Восточной Европе делала лишь первые свои шаги. В настоящее же время степень археологической изученности старого славянского ареала такова, что мысль о возможности выявления какой-то особой новой группы древностей, принадлежавших первобытному славянскому «народу», при этом весьма многочисленному, вскоре заселившему без малого половину Европы, является явно беспочвенной, как и сама мысль о первобытном «народе».

По мнению автора этих строк, которое разделяется многими исследователями в СССР и за рубежом, древние славяне были обитателями значительных пространств в Средней и Восточной Европе еще на рубеже и в начале н. э. Их археологическими памятниками являются зарубинецкие древности на Украине и значительная часть пшеворских древностей в пределах территории Польши, где славяне жили в то время чересполосно с начавшими свое движение к югу германскими группировками. Из пределов этой области — Повисленья, Верхнего Поднестровья и Среднего Поднепровья — еще в начале нашей эры, на первых этапах «великого переселения народов», славяне начали свое продвижение на северо-восток,

³⁴ И. И. Ляпушкин. К вопросу о культурном единстве славян. «Исследования по археологии СССР (Сборник статей в честь М. И. Артамонова)». Л., 1961, стр. 208.

в Верхнее Поднепровье и на юг, в пределы современной Чехословакии, достигшее кульминации после середины I тыс. н. э., когда славяне перешли Дунай, вторглись на Балканский полуостров, вышли на Балтийское море и заняли обширные пространства в пределах Европейской части СССР.

Общие черты раннесредневековой культуры славянских племен в разных частях Средней, Восточной и Южной Европы объясняются не только и не столько общностью происхождения и родством этих племен, сколько возросшими историческими связями между ними накануне и в период расселения, когда вместе с распадом первобытного строя начался процесс формирования народностей и консолидации их культуры³⁵.

В свете имеющихся сейчас данных представляется весьма перспективной гипотеза о формировании раннесредневековых поднепровских славянских группировок на основе позднезарубинецких племен, продвинувшихся в первые века нашей эры в южные и юго-восточные области Верхнего Поднепровья, лежащие за пределами черняховского ареала³⁶. По мнению В. Д. Барана, западные восточнославянские раннесредневековые группировки могли сложиться на основе населения, оставившего северо-западные варианты черняховских древностей. Эта гипотеза, возникшая в самые последние годы, имеет под собой серьезные основания в материалах керамики и истории домостроительства. Как известно, северо-западные черняховские группировки имели ряд специфических особенностей, связывающих их, с одной стороны, с той же зарубинецкой, с другой — с пшеворской культурами. Что касается славянских племен в Повисленье, то сложная задача их поисков мало-помалу решается археологической наукой Польши. Население Повисленья в пшеворское время находилось в движении, и многие элементы материальной культуры у германцев и славян были общими. Таким элементом, в частности, являлись предметы вооружения — наиболее яркая «руководящая форма» пшеворских древностей, имевшая, как известно, латенское, кельтское происхождение.

Таким образом, «штурм» обрисованного выше «барьера», преграждающего путь к расшифровке первобытных славянских древностей, так или иначе ведется. Но различное толкование форм и характера этногенетического процесса, отсутствие вследствие этого дружных согласованных усилий в этой области замедляют исследование. Когда «барьер» будет преодолен, на очередь встанут задачи поисков славянских или «праславянских» древностей I тыс. до н. э. и еще более отдаленного периода. В какой-то мере эти поиски ведутся и в настоящее время, именно под этим углом зрения исследуются древности эпохи бронзы и раннего железного века в правобережных частях Украины, но их конечные результаты целиком зависят от решения вопроса о славянских племенах первой половины I тыс. н. э.

---

³⁵ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне..., стр. 190—230, 240—272.
³⁶ П. Н. Третьяков. Зарубинецкая культура и поднепровские славяне. СА, 1968, № 4.

М. А. ДЭВЛЕТ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЮЖНОЙ СИБИРИ
В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Октябрьская революция явилась решающим рубежом в деле археологического изучения Южной Сибири. В трудные для молодой республики годы непосредственно после окончания гражданской войны в Сибири были взяты под охрану государства целые районы, славящиеся богатством археологических памятников. Заповедными были объявлены и курганы Минусинских степей¹.

Задача подлинно исторического изучения сибирских древностей, оказавшаяся не под силу дореволюционным исследователям, требовала скорейшего решения, поскольку «то обстоятельство, что на месте богатейшая коллекция (собрание Минусинского музея. — М. Д.) не была сколько-нибудь правильно разработана, привело к тому, что ею пользовались все представители фашизирующей буржуазной науки на Западе, которые только касались вопросов истории Евразии, вопросов этногенеза, например финнов, и т. п., обосновывая всяческие миграционные движения, завоевания эпохи бронзы и пр.»².

Первое десятилетие археологических исследований в Южной Сибири ознаменовалось накоплением систематизированного контрольного материала, необходимого для решения вопроса о происхождении, развитии древних культур, проведением предварительных хронологических подразделений и установлением последовательности культурно-исторических эпох.

Честь детальной разработки енисейского палеолита принадлежит Н. К. Ауэрбаху, В. И. Громову и Г. П. Сосновскому, которые в 1923—1928 гг. исследовали ряд палеолитических стоянок на Енисее, в том числе произвели большие раскопочные работы на Афонтовой горе у Красноярска³. В поисках путей для решения новых исторических задач советские археологи совершенствовали методику полевых исследований. Афонтова гора явилась одной из первых палеолитических стоянок, раскопанных широкими площадями. Н. К. Ауэрбах, В. И. Громов, Г. П. Сосновский датировали эту стоянку верхним палеолитом, показав, что предыдущие

¹ Отчет о работе Отдела музеев и охраны памятников 1917—1922 гг. ЦГАОР, ф. 2307, оп. 3, д. 53, л. 4. Однако наладить подлинную охрану древних памятников в 20-е годы еще не удалось.

² С. В. Киселев. Отзыв на проект экспозиции археологического отдела Минусинского музея. Архив Минусинского музея, оп. 3, д. 104, л. 43.

³ Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки Северной Азии. «Тр. II Международной конференции АИЧПЕ», вып. V, 1934; он же. Позднепалеолитические стоянки Енисейской долины. «Изв. ГАИМК», вып. 118, 1935; он же. Поселение на Афонтовой горе. Там же; Н. К. Ауэрбах и В. И. Громов. Материалы к изучению Бирюсинских стоянок. Там же.

исследователи (И. Т. Савенков, Де-Бай) сильно преувеличивали возраст некоторых орудий, относя их ко времени мустьерской культуры. Работу по систематизации и классификации памятников бронзового и железного века бассейна Среднего Енисея выполнили С. А. Теплоухов и С. В. Киселев, а для Алтая — М. П. Грязнов.

С. А. Теплоухов происходил из семьи потомственных уральских биологов и археологов⁴. В 1913 г. он получил средства от Казанского университета для поездки в Урянхайский край (Тува) с целью орнитологических сборов. Проезжая через Минусинские степи, С. А. Теплоухов видел множество курганов, познакомился с красочным бытом хакасов, побывал в жемчужине археологии — Минусинском музее и твердо решил, что будет заниматься археологией Минусинских степей. Летом 1920 г. он отправился в первую археологическую поездку по Минусинскому краю по поручению Томского университета под руководством С. И. Руденко. Давая оценку исследованиям, произведенным его предшественниками в области археологического, этнографического и антропологического изучения в Минусинском крае, С. А. Теплоухов писал, что «в литературе до настоящего времени имеется лишь сырой материал, который в большинстве случаев очень трудно обработать и привести в стройную систему... Археологический материал освещает главным образом культуру классической минусинской бронзы без всякой связи с предшествующими культурами... Мною, — писал С. А. Теплоухов, — были поставлены в 1920 и 1921 гг. следующие задачи: по этнографии — выяснить особенности и генезис некоторых элементов культуры современных инородцев, по антропологии — собрать материал для выяснения типологического отличия как современных инородцев, так и доисторических народностей, поскольку это позволит количество остеологического материала, добытого путем раскопок; и, наконец, по археологии — найти погребения, относящиеся к различным культурным эпохам, и установить типологическую хронологию доисторических культур»⁵.

Так как разобратся в уже раскопанных погребальных памятниках было очень сложно, С. А. Теплоухов избрал следующий метод исследований: он решил произвести раскопки на одном небольшом участке, где есть памятники всех типов, что исключило бы возможность локальных различий⁶. С этой целью С. А. Теплоухов изучил коллекции случайных находок в Минусинском и Красноярском музеях, ездил два месяца с разведкой по степям, и наконец, его выбор пал на район с. Батени, «так как находящаяся здесь стоянка дала при исследовании материал, относящийся к самым разнообразным эпохам, начиная, по-видимому, с палеолита и кончая поздним железом. При исследовании указанного района выяснилось, что на площади 5 кв. верст имеется по семь-восемь могильников, различных по внешнему виду. Нахождение различных погребений на ограниченной размерами площади исключает возможность принять их за местные вариации»⁷.

В первых раскопках С. А. Теплоухова принял участие юный коллектор геологической партии, ныне известный археолог-сибиревед М. П. Грязнов, собиравший в 1920 г. материалы о курганах и каменных изваяниях Минусинского края⁸.

⁴ Сведения по биографии С. А. Теплоухова любезно сообщил мне М. П. Грязнов.

⁵ С. А. Теплоухов. Письмо в Российскую академию истории материальной культуры от 5 мая 1922 г. Архив ЛОИА, 1922 г., оп. 1, д. 75, л. 1.

⁶ С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. «Материалы по этнографии», т. III, вып. 2. Л., 1927, стр. 58.

⁷ Экспедиция С. А. Теплоухова в Минусинский край. Переписка об организации экспедиции. Архив ЛОИА, 1922 г., оп. 1, д. 75, л. 1.

⁸ С. Т[еплоухов]. Этнологические исследования в Сибири. «Наука и ее работники», 1922, № 3-4, стр. 47.

В 1920 г. экспедицией Теплоухова были раскопаны три могилы афанасьевской культуры, одна — андроновской, одна — карасукской, две — тагарской. В результате планомерных исследований 1920—1928 гг. С. А. Теплоухов наметил четкую периодизацию археологических культур Хакасско-Минусинской котловины⁹.

«Предлагаемая классификация, как и всякая схема вообще, является, конечно, в той или иной степени гипотетичной, — писал С. А. Теплоухов, — ... не сомневаюсь, что при дальнейших углубленных исследованиях Северной и Центральной Азии в предлагаемую классификацию будут внесены коррективы и дополнения и она освободится от значительной доли недочетов, избежать которых возможно лишь при большой коллективной работе»¹⁰.

В 1923 г. археолог В. А. Городцов по заданию Главнауки совершил поездку по Сибири с целью обследования музеев. Его поразило огромное богатство Южной Сибири археологическими памятниками, и к их изучению с 1928 г. приступил его ученик, аспирант Научно-исследовательского института археологии и искусствознания Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук С. В. Киселев.

Еще совсем молодой ученый, но уже необычайно целеустремленный и глубоко эрудированный, С. В. Киселев с энергией и страстью, свойственными его натуре, принялся за освоение материалов малоисследованного края. Изучению его далекого прошлого он посвятил всю свою жизнь.

В 1928 г. он произвел первые раскопки на Среднем Енисее, положившие начало планомерным многолетним полевым исследованиям, которые С. В. Киселев с 1930 г. всегда проводил совместно с Л. А. Евтюховой. Его первый полевой сезон 1928 г. без преувеличения можно назвать научным подвигом. При наличии скромных средств, в частности сэкономленных от аспирантской стипендии, он произвел значительные по масштабам раскопки и разведки по трем большим маршрутам. В задачу первого маршрута, охватившего ближайшие окрестности Минусинска, входило выяснение мест раскопок, производившихся в конце прошлого века. Второй маршрут — г. Минусинск, села Городок и Кочергино — имел основной целью регистрацию памятников левого берега р. Тубы. Третий маршрут, пролежавший по бассейну р. Амыла, был особенно важен, так как его задача состояла в том, чтобы выяснить, памятники каких культур проникают дальше всего на восток, в подтаежную часть края.

Разведкой было зарегистрировано 17 курганов афанасьевской культуры, около 500 карасукских могил, 945 тагарских курганов, таштыкские и кыргызские погребальные сооружения, а также другие памятники. Разведка установила, что наибольшее количество древних погребальных сооружений расположено вдоль рек, где разновременные погребения часто встречаются в непосредственной близости. Степные пространства, как показала разведка, заняты почти исключительно тагарскими курганами, которые проникают на восток дальше, чем памятники других культур.

⁹ С. А. Теплоухов. Следы доисторической жизни в Минусинском крае. «Географический вестник». Пг., 1922, т. I, вып. 2-3, стр. 27—29; «Отчетная выставка этнографического отдела за 1923 г.» Пг., 1924; С. А. Теплоухов. Палеоэтнографические исследования в Минусинском крае. «Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг.» Л., 1926, стр. 88—94; он же. Древние погребения в Минусинском крае. «Материалы по этнографии», т. III, вып. 2, Л., 1927, стр. 57—112; он же. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении). «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 2, Л., 1929, стр. 41—58; он же. Древнеметаллические культуры Минусинского края. «Природа», 1929, № 6, стр. 539—551; он же. Курганы и могилы. «Сибирская советская энциклопедия». М., 1929.

¹⁰ С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур... стр. 58.

Раскопки, имевшие целью накопление контрольного материала, необходимого для систематизации и классификации уже имеющихся коллекций, были произведены около с. Кривинского, на Тагарском острове, в заимке Усть-Тесь, у с. Тесь, на р. Тубе и у с. Кочергино.

Анализу материалов, полученных в результате раскопок 1928 г., и описанию памятников была посвящена первая печатная работа С. В. Киселева¹¹. Эта новая группа источников явилась основой классификации археологических культур, в частности тагарской¹².

В 1929 г. С. В. Киселев продолжил разведки и раскопки афанасьевских, карасукских, тагарских и таштыкских погребений на правом берегу Енисея, у сел Сыда, Усть-Сыда и Быстрая, тогда же им было заэстампировано более 80 писаниц. Анализу техники нанесения этих наскальных рисунков посвящена специальная статья, в которой С. В. Киселев подчеркнул значение наскальных рисунков как источников, существенно дополняющих наши сведения по быту различных групп древнего населения Южной Сибири¹³.

М. П. Грязнов с середины 20-х годов производил систематические исследования в Южной Сибири, в результате чего в 1929 г. он опубликовал первую классификацию каменных изваяний Хакасско-Минусинской котловины¹⁴, впоследствии переработанную¹⁵. М. П. Грязнов принял участие и в работах на Алтае, где начиная с 20-х годов производились значительные по масштабам полевые исследования, в частности раскопки экспедиции Русского музея под руководством С. И. Руденко. В 1927 г. М. П. Грязнов раскопал широко известный курган в Шибе, а в 1929 г. — курган с вечной мерзлотой — первый Пазырыкский. Благодаря этим исследованиям был собран большой и полноценный материал, позволивший М. П. Грязнову в 1930 г. создать классификацию археологических культур Алтая¹⁶.

В 30-е годы советские археологи-сибиреведы впервые пытались на основе общих закономерностей развития человеческого общества, сформулированных в работах классиков марксизма-ленинизма, осветить новые стороны в истории сибирских племен, выявить внутренние причины изменений в хозяйстве, культуре и социальном строе древних народов. К таким работам относится опубликованный в 1933 г. очерк С. В. Киселева «Разложение рода и феодализм на Енисее»¹⁷, где обобщен огромный фактический материал.

Несмотря на некоторые ошибки социологического характера, она сыграла большую роль в изучении истории Сибири.

С 30-х годов наряду с центральными учреждениями широкие полевые исследования на Среднем Енисее развернули краеведческие музеи, в особенности Минусинский и Красноярский.

С 1928 г. свои исследования в области культур бронзового и железного века лесостепной полосы начал археолог Красноярского музея

---

¹¹ С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. «Ежегодник Гос. музея им. Н. М. Мартыанова», т. VI, вып. 2. Минусинск, 1929, стр. 97.

¹² С. В. Киселев. Тагарская культура. «Тр. секции археологии РАНИОН», вып. 4, 1929. Термин «тагарская культура», предложенный С. В. Киселевым, ныне прочно вошел в археологическую терминологию.

¹³ С. В. Киселев. Значение техники и приемов изображения некоторых енисейских писаниц. «Техника обработки камня и металла». М., 1930.

¹⁴ М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер. Древние изваяния Минусинских степей. «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 2. Л., 1929.

¹⁵ М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами. СА, XII, 1950.

¹⁶ М. П. Грязнов. Древние культуры Алтая. Новосибирск, 1930.

¹⁷ С. В. Киселев. Разложение рода и феодализм на Енисее. «Изд. ГАИМК», вып. 65, 1933.

В. Г. Карцов. Он произвел раскопки Ладейского и Ермолаевского городищ, стоянок Усть-Собакинской и Есаульской, а также курганов у Военного городка, оз. Учум, сел. Ужур, Есаульское и др. Наряду с этим им производилось археологическое обследование района с целью учета памятников и их картографирования. Результатом деятельности В. Г. Карцова явилась работа «Материалы к археологии Красноярского района»¹⁸, в которой даны описание археологических памятников, известных ранее по литературе или открытых автором, и опыт систематизации археологического собрания Красноярского музея по эпохам: каменный, палеометаллический и неометаллический периоды.

С начала 1930 г. исследования археологических памятников в Хакасско-Минусинской котловине начала ученица В. А. Городцова В. П. Левашева. По окончании в 1926 г. Московского университета В. П. Левашева работала в Омском краеведческом музее, а затем с 1930 г. в течение 16 лет — в Минусинском музее, где ею в археологическом отделе была проведена огромная работа. Приехав в Минусинск, В. П. Левашева решила прежде всего проверить сведения дореволюционных исследователей о наличии археологических памятников, продолжая тем самым работу, начатую С. В. Киселевым. Планируя деятельность археологического отдела музея, В. П. Левашева писала: «Учет памятников является особенно важной задачей в настоящий момент, потому что в связи с развертыванием крупного строительства многим памятникам грозит разрушение... необходимо принять спешные меры для спасения их путем научных раскопок и обследований тех памятников, которые окажутся на территории крупных построек...»¹⁹.

В 1930 г. была проведена первая совместная экспедиция Красноярского и Минусинского музеев по заданию общества изучения Сибири под руководством археолога Красноярского музея В. Г. Карцова. В. П. Левашева участвовала в экспедиции от Минусинского музея. Экспедиция прошла по маршруту Минусинск—Быстрая—Лугавское—Шушенское (правый берег Енисея)—Откнинский улус (в настоящее время территория г. Абакана)—Подкунинский улус—Мохов улус—Красный Яр (левый берег Енисея). В результате работ были зафиксированы древние памятники по пройденному маршруту и произведены раскопки 49 курганов.

В 1934—1935 и 1937 гг. Саяно-Алтайская экспедиция под руководством С. В. Киселева (ИИМК) и Л. А. Евтюховой (ГИМ) работала на Алтае по трассе строительства Чуйского тракта. Были произведены разведки и раскапывались погребальные памятники от эпохи бронзы до тюркского времени включительно. Тогда же Л. А. Евтюховой было начато изучение алтайских каменных изваяний тюркского времени. В дальнейшем, изучив изваяния Тувы и Монголии и применив оригинальный метод их исследования, она издала большую серию этих памятников²⁰.

Сотрудник Бийского музея С. М. Сергеев производил раскопки на Алтае и в районе Верхней Оби, где ряд интересных памятников был исследован А. П. Марковым, А. Т. Кузнецовой, С. С. Черниковым, Г. П. Сосновским, М. П. Грязновым и др.

---

¹⁸ В. Г. Карцов. Материалы к археологии Красноярского района. Красноярск, 1929.

¹⁹ В. П. Левашева. План полевых научно-исследовательских работ Археологического отдела Гос. Минусинского музея им. Н. М. Мартыанова на 1930—1934 гг. Архив Минусинского музея, оп. 3, д. 60.

²⁰ Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. «Тр. ГИМ», вып. XVI, 1941; Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА, № 24, 1952.

Рис. 1. «Вход» Большого Салбыкского кургана. Вид с севера. Раскопки С. В. Киселева в 1954 г.

Раскопками таштыкских родовых склепов на Уйбатском чаа-тасе в 1936—1937 гг. был выявлен особый вид памятников этой культуры. Происходящая из этих склепов большая серия погребальных, часто портретных, масок позволила Г. Ф. Дебецу определить антропологический тип населения того времени и установить, что именно в таштыкское время в Хакасско-Минусинской котловине в результате смешения местного европеоидного населения с монголоидными племенами происходил процесс формирования современного хакасского народа. Исключительны по своему значению материалы из раскопок Уйбатского (1936—1937 гг.) и особенно Копёнского чаа-тасов (1939—1940 гг.). В огромных каменных курганах кыргызской (древнехакасской) знати на Копённом чаа-тасе были найдены золотая и серебряная посуда с древнетюркскими надписями и ювелирные украшения конского убора художественной работы местных мастеров, создавших на основе более древних местных традиций и образцов искусства соседних цивилизаций свое искусство. Эти находки по-новому осветили многие ранее не известные стороны древнехакасского общества.

Также большое значение имеют и раскопки пока единственного из известных кыргызского поселения у с. Малые Копёны (1940 г.)²¹.

Накануне войны начались раскопки замечательного дворца гуннского наместника около колхоза «Сила», близ Абакана, которые были продолжены уже после войны в 1945—1946 гг.²² Экспедиция, которой руководили Л. А. Евтюхова, В. П. Левашева и С. В. Киселев, была комплексной, помимо центральных учреждений, в ней принимали участие Красноярский, Абаканский и Минусинский музеи.

²¹ Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Чаа-тас у с. Копены. «Тр. ГИМ», вып. XI, 1940; Л. А. Евтюхова. Кыргызское поселение у с. М. Копены. КСИИМК, вып. XVI, 1947.

²² Л. А. Евтюхова и В. П. Левашева. Раскопки китайского дома близ Абакана. КСИИМК, вып. XII, 1946; Л. А. Евтюхова. Развалины дворца в «Земле Хягас». КСИИМК, вып. XXI, 1947.

Целиком на археологических материалах были написаны обобщающие статьи в макетах двух томов «Истории СССР», вышедших накануне войны, где разделы по археологии Сибири от первобытности до раннего средневековья принадлежат перу М. П. Грязнова, а раздел «Кыргызы» написан С. В. Киселевым. В 1939 г. вышла научно-популярная работа В. П. Левашевой²³.

Довоенные годы характеризовались накоплением, систематизацией и анализом источников, разработкой предварительных классификаций археологических культур. Тем самым была заложена основа для создания общей концепции древней истории Южной Сибири. После завершения многолетней подготовительной работы настало время для исторических обобщений.

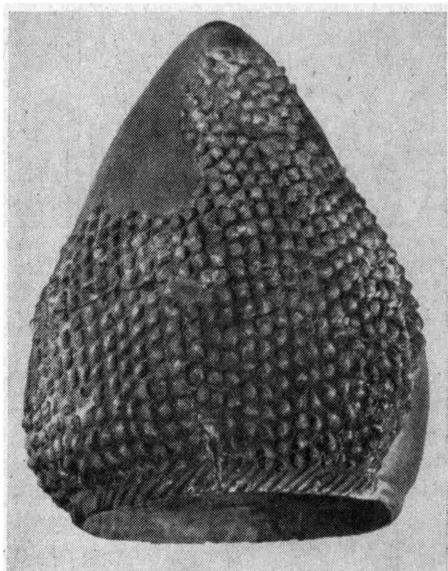

Рис. 2. Сосуд афанасьевской культуры. Могильник Карасук III. Раскопки М. П. Грязнова в 1965 г.

Великая Отечественная война прервала полевые археологические исследования. В тяжелых условиях войны только Минусинский музей продолжал археологические работы. В 1942 г. археологический отряд, руководимый В. П. Левашевой, вошел в состав комплексной экспедиции Минусинского музея по выявлению местных сырьевых ресурсов. Задачей археологического отряда являлось выявление и учет археологических памятников по общему маршруту экспедиции, определение ареалов древних культур. Конечным пунктом разведки было с. Саянское.

В годы войны советские археологи продолжали работать над созданием широких картин исторического развития, базирующихся на вещественных источниках.

В 1948 г. вышла в свет книга Л. А. Евтюховой «Археологические памятники Енисейских кыргызов (хакасов)», в которой она, выделив круг памятников и опираясь главным образом на материалы своих раскопок, выявила важнейшие особенности хозяйства, быта и культуры древних предков современных хакасов²⁴.

²³ В. П. Левашева. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939.

²⁴ Л. А. Евтюхова. Археологические памятники Енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948.

В 1949 г. вышла в свет монография С. В. Киселева «Древняя история Южной Сибири»²⁵, удостоенная в 1950 г. Государственной премии СССР и премии им. М. В. Ломоносова. Эта многолетняя работа С. В. Киселева явилась наиболее полным сводным трудом, обобщившим все предшествующие археологические исследования и охватывающим огромный хронологический период — около трех тысячелетий — от неолита до создания и расцвета средневековых государств вплоть до монгольского нашествия в XIII в. С. В. Киселев выделил основные этапы исторического пути, пройденного древним населением Южной Сибири, и показал своеобразие развития каждого из них. Значительное внимание в книге уделено местным особенностям хозяйства, быта и культуры древнего населения Южной Сибири, установлено, что культурное развитие происходило не изолированно от соседних цивилизаций, а в тесной связи с ними. С. В. Киселев во многом пересмотрел господствовавшие представления и сделал ряд ценных выводов о путях развития и разложения родового строя и о возникновении феодальных отношений. Разрешив основные проблемы происхождения древнего населения и современных народов, прежде всего алтайцев и хакасов, С. В. Киселев воссоздал неписаную историю Южной Сибири. Высоко оценивая монографию С. В. Киселева, А. В. Арциховский писал, что «в изучении Южной Сибири книга С. В. Киселева открывает новую эру. Эпоха подготовительных работ (продолжавшаяся более ста лет) закончена, впервые написана древняя история этой страны; создать ее удалось только потому, что автор руководствовался методологией марксизма-ленинизма. Все будущие исследования Южной Сибири будут в течение многих десятилетий опираться на эту книгу»²⁶.

После выхода в свет «Древней истории Южной Сибири» начался новый этап в археологическом изучении Южной Сибири. Дальнейшие работы шли по линии дополнений, уточнений, развития положений, разработанных в этом труде. Для бассейна Среднего Енисея это работы Ю. С. Гришина, Л. А. Евтюховой, Л. Р. Кызласова, В. П. Левашевой, А. Н. Липского, Э. А. Новгородовой, Р. В. Николаева, М. Д. Хлобыстиной, Н. Л. Членовой и др.

Л. Р. Кызласов занимался изучением и раскопками памятников таштыкской культуры (Сырский, Изыхский и другие могильники). Значительный интерес представляет его монография, посвященная таштыкской эпохе²⁷. В этой работе Л. Р. Кызласов дал исторический очерк, всесторонне освещающий жизнь предшественников и предков хакасов в эпоху раннего железного века и устанавливающий этногенетические связи современных народов других районов Сибири с древним населением Саяно-Алтайского нагорья.

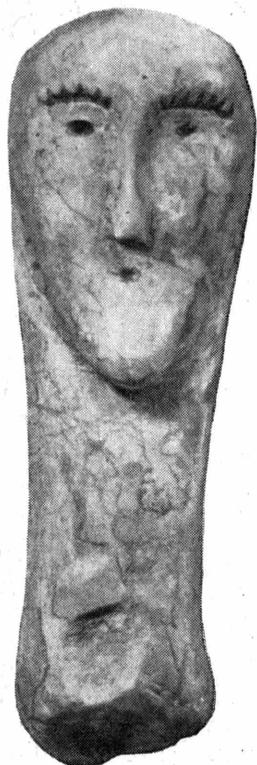

Рис. 3. Головка из кургана окуневской культуры. Могильник Сыда В. Раскопки М. П. Грязнова в 1965 г.

²⁵ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, 1949.

²⁶ А. В. Арциховский. Рец на кн.: С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. ВИ, 1949, № 7.

²⁷ Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха. М., 1960.

Из полевых исследований послевоенного периода особо следует отметить раскопки С. В. Киселевым в 1954—1956 гг. Большого Салбыкского кургана — самого грандиозного на Саяно-Алтайском нагорье (рис. 1). Материалы из этого кургана позволили во многом пересмотреть прежние представления о социальном строе тагарских племен.

Большое количество разновременных археологических памятников раскопано А. Н. Липским, им же собрана для Хакасского областного музея большая коллекция древних каменных изваяний.

На Алтае в послевоенное время особый интерес представляют исследования курганов пазырыкского времени. В 1947—1949 гг. под руководством С. И. Руденко производились раскопки в долине Пазырык, в горном Алтае, а в 1950 и 1954 гг. в Центральном Алтае в бассейне р. Урсула и на р. Караколе. Ставшие всемирно известными Пазырыкские и Башадарские курганы с вечной мерзлотой сохранили замечательные произведения древнего искусства, впервые показавшие высокий уровень культуры племен, населявших Алтай в скифское время²⁸.

Благодаря работам Северо-Алтайской экспедиции Государственного Эрмитажа и Института истории материальной культуры в течение трех лет (1946, 1947 и 1949 гг.) был получен огромный материал, позволивший М. П. Грязнову проследить историю древних племен лесной части правобережья Оби с эпохи бронзы до XVII в.²⁹ Судьбы этих племен слугались иными путями, чем в горных и предгорных районах Алтая. Тем самым была заполнена еще одна лакуна в сибирской археологии.

В последние годы на Алтае интересные исследования проводят Б. Х. Кадиков, С. С. Сорокин, А. П. Уманский и др.

Новый этап в истории археологического изучения бассейна среднего течения Енисея открывают работы Красноярской археологической экспедиции Института археологии АН СССР под руководством М. П. Грязнова, производившей исследования во многих пунктах зоны затопления Красноярской ГЭС. Широкие и планомерные разведки и раскопки привели к значительному пополнению фактических данных.

В результате работ Красноярской экспедиции открыто и исследовано на Среднем Енисее значительное количество палеолитических местонахождений и стоянок (З. А. Абрамова, С. Н. Астахов). Наиболее полно изучено поселение Кокорево I (Забочка), ставшее эталонным памятником на Енисее. Полученные материалы позволили внести дополнения и уточнения в периодизацию Г. П. Сосновского.

Неолит на Среднем Енисее был изучен чрезвычайно слабо. До сих пор неолитические могильники здесь не известны, обнаружены лишь отдельные могилы. В 1967 г. впервые на Енисее Л. П. Зяблиным было открыто поселение неолитического времени с сохранившимся культурным слоем и каменным инвентарем. Исследование этого поселения, надо полагать, внесет изменения в наши представления о культурно-исторических связях в неолитическую эпоху на Енисее.

Материалы, полученные Красноярской экспедицией в результате раскопок курганов афанасьевской культуры, по-новому освещают некоторые вопросы, связанные с ее изучением (рис. 2). Неожиданным оказалось открытие железных изделий в погребении афанасьевской эпохи. Это железные обоймицы кожаного (?) «браслета», обшитого аргиллитовыми пуговками-бляшками. Следовательно, железо на Среднем Енисее было известно еще на заре бронзовой эры и использовалось, как и в странах

²⁸ С. И. Руденко. Культура скифов Алтая, М., 1949; он же. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953; он же. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960; он же. Искусство Алтая и Передней Азии. М., 1961; М. П. Грязнов. Древнее искусство Алтая, М., 1958.

²⁹ М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.—Л., 1956.

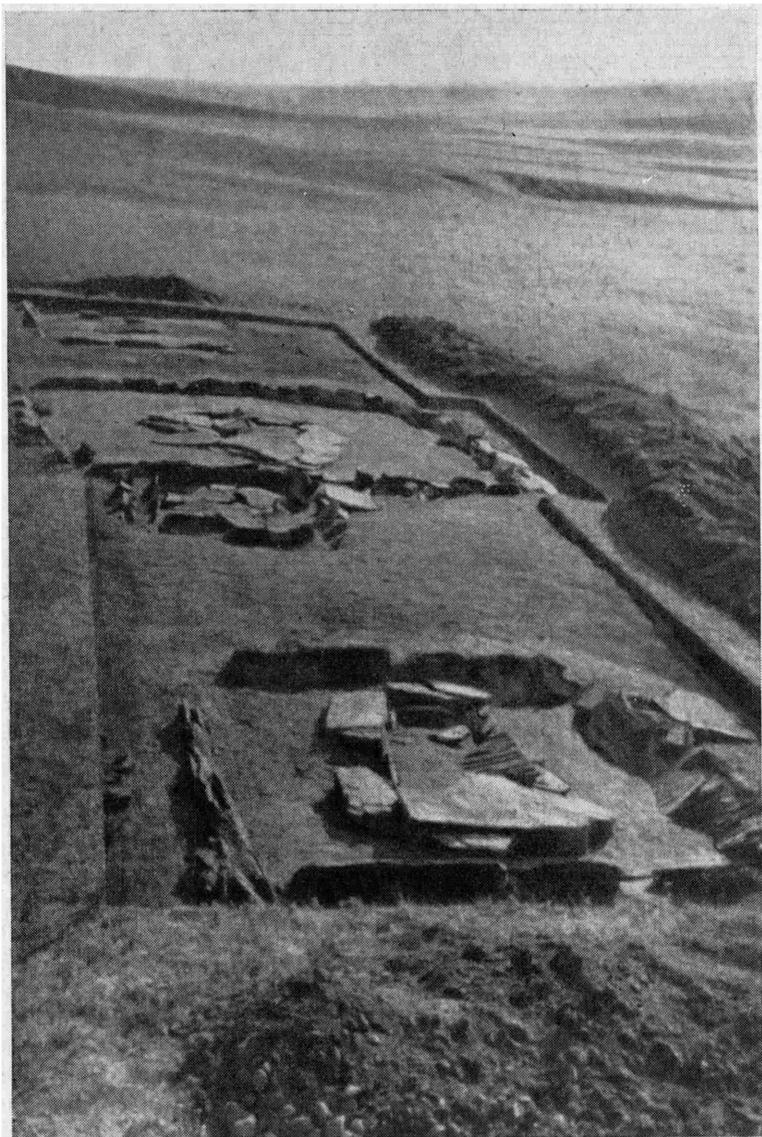

Рис. 4. Карасук I, ограда. Раскопки М. П. Грязнова в 1961 г.

древней цивилизации, для декоративных целей. Особенно интересны наблюдения над устройством надмогильных сооружений афанасьевской культуры.

Многими новыми наблюдениями и находками пополнились представления об окуневской культуре³⁰ (рис. 3). Особого внимания заслуживают произведения искусства из могильника Черновая VIII (Г. А. Максименков). Среди них миниатюрные каменные головки женщин и женские лица, выгравированные на костяных пластинах, выбитые на плитах изображения птиц, зверей и чудовищ. Находки в Черновой дали основания для датировки окуневским временем древних идолов Енисея, прежде известных под названием «карсукские каменные изваяния»³¹.

³⁰ Г. А. Максименков. Окуневская культура в Южной Сибири. «Новое в советской археологии». М., 1965; он же. Окуневская культура. «Материалы по древней истории Сибири». Улан-Удэ, 1964.

³¹ Э. Б. Вадецкая. Древние идолы Енисея. Л., 1967.

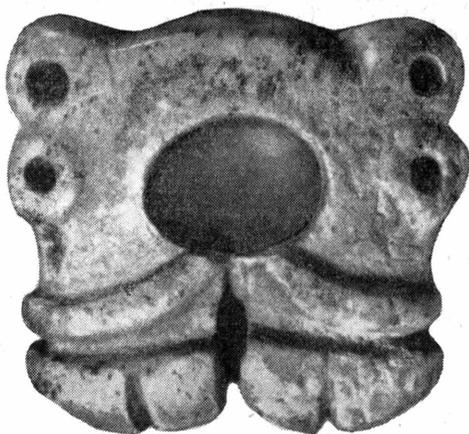

Рис. 5. Роговая пластина с изображением двух головок кабана. Кичик-Кюзюр I, курган 2, могила 5. Раскопки М. П. Завитухиной в 1965 г.

Систематическое исследование памятников андроновской культуры создало источниковедческую базу для пересмотра ряда спорных вопросов происхождения, относительной хронологии и социального строя андроновских племен Енисея. Производились раскопки могильников, поселений и стоянок андроновской эпохи, изучены наземные жилища и землянки. Полевые исследования М. П. Грязнова показали, что наиболее южный пункт распространения памятников андроновской культуры на правобережье Енисея находится всего в 30 км от Минусинска. Тем самым было доказано, что племена андроновской культуры расселялись по всей степи Хакасско-Минусинской котловины, а не только в ее северо-западной части, как предполагалось ранее.

В результате работ Красноярской экспедиции объем материалов по карасукской культуре на Среднем Енисее увеличился в несколько раз (рис. 4). М. П. Грязнов выделяет памятники позднекарасукского времени (X—VIII вв. до н. э.), названного им каменнолозским этапом. Раскопаны не только могилы, но и землянки этого времени³².

Широко исследовались курганы тагарской культуры (А. Д. Грач, М. П. Грязнов, М. П. Завитухина, Л. П. Зяблин, Г. А. Максименков, М. Н. Пшеницына, Я. А. Шер) (рис. 5), кроме них, раскопано несколько жилищ и «литейная мастерская». Новые данные получены в результате раскопок курганов сарагашенского этапа этой культуры с коллективными захоронениями и курганов, содержащих индивидуальные погребения родовой знати, а также памятников тесинского этапа — бескурганых могил и огромных земляных курганов³³.

В меньшей степени исследовались Красноярской экспедицией памятники таштыкского и кыргызского времени.

Копировались наскальные рисунки в зоне затопления (Я. А. Шер), причем техника копирования постоянно совершенствуется. Писаницы датируются в основном поздней бронзой, тагарским и кыргызским временем.

Научная разработка материалов, добытых в результате работ Красноярской экспедиции Института археологии АН СССР, поможет осветить многие еще темные страницы древней истории Южной Сибири.

³² Ряд исследователей (Э. А. Новгородова, М. Д. Хлобыстина, Н. Л. Членова) полагают, что памятники этого типа генетически с карасукской культурой не связаны.

³³ М. П. Грязнов, М. Н. Пшеницына. Курганы IV—III вв. до н. э. на оз. Сарагаш. КСИА, вып. 107, 1966; М. Н. Пшеницына. Новый тип памятников III—II вв. до н. э. на Енисее. КСИА, вып. 102, 1964; Я. А. Шер, А. М. Прокофьева. Каменка I — могильник начала тагарской культуры на Енисее. КСИА, вып. 107, 1966.

А. Д. ГРАЧ

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ТУВЕ

Тува — труднодоступный горно-степной и горно-таежный край, расположенный в самом географическом центре Азиатского материка. Тува является одной из богатейших археологических сокровищниц Центральной Азии¹, но в течение столетий край оставался неисследованным.

Еще в XVII — первой половине XVIII в. от землепроходцев, среди которых одними из первых были послы к Алтын-хану В. Тюменец и И. Петров (1617 г.) и участники некоторых экспедиций XVIII в. — казаки, «дети боярские», были получены сведения о наличии в Туве загадочных развалин древних городов² и буддийских святилищ. Эти данные привлекли внимание крупных исследователей Сибири, участников академических экспедиций Д. Г. Мессершмидта, Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелина, а также Ф. И. Страленберга. Первые исследователи пришли в Туву только в последней трети XIX в. — это были Г. Н. Потанин (1877 г.), А. В. Адрианов, первый археолог-тувиновед (1879, 1881 гг.), Д. А. Клеменц (1885 г.), а также финские ученые И. Р. Аспелин (1887—1889 гг.) и А. О. Гейкель (1889 г.), предпринявшие путешествие в Центральную Азию во имя мифической идеи поиска здесь прародины финских народов. Первые археологические раскопки на территории Тувы были проведены А. В. Адриановым в 1915—1916 гг. (материалы этих работ так и остались неопубликованными, раскопки велись в районах Усть-Элегеста и Ден-Терека).

Важное значение имели работы, проведенные в Туве известным археологом-сибиреведом С. А. Теплоуховым после образования в 1921 г. Тувинской Народной Республики. В 1926, 1927, 1929 гг. С. А. Теплоухов провел разведывательные маршруты и раскопал более 160 различных памятников³. После долгого перерыва небольшие археологические работы

¹ Историографию археологических исследований в Туве см.: Л. Р. Кызласов. Краткая история археологического изучения Тувы. «Вестник МГУ», серия IX (история), 1965, № 3, стр. 52—72.

² Отвечая на вопросы дьяков в Тобольской приказной избе, В. Тюменец и И. Петров сообщили: «А из Киргиз (из Минусинской котловины. — А. Г.) мы шли до Золотого царя Кунган-Чея (Алтын-хана. — А. Г.) месяц конем, а горами каменными шли 10 ден, от Киргиз бывали полаты, а ныне де то место пусто» (см.: «Русско-монгольские отношения, 1607—1636. Сборник документов. М., 1959). Л. Р. Кызласов, несомненно, прав, отождествляя «палаты» и «хоромы», встреченные в Туве русскими послами, с развалинами уйгурских крепостей VIII—IX вв. (Л. Р. Кызласов. Указ. соч., стр. 52).

³ «Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1929 г.», ч. II. Исследования Монгольской и Танну-Тувинской народных республик. Археологическая Тувинская экспедиция (отд. отт.); Л. Р. Кызласов. Указ. соч., стр. 65, 66.

были проведены экспедициями Тувинского республиканского музея под руководством Н. М. Богатырева (1941—1942 гг.)⁴ и Д. В. Данзын-оола (1943—1945 гг.).

Несравненно более широкие археологические исследования развернулись после вхождения Тувы в состав СССР, совершившегося в 1944 г. Важную роль в планировании работ в Туве сыграла Саяно-Алтайская археологическая экспедиция АН СССР и ГИМ, проведенная в 1947 г. под руководством Л. А. Евтюховой и С. В. Киселева и выявившая многочисленные археологические комплексы⁵. Л. А. Евтюховой и С. В. Киселевым был сделан вывод первостепенного исторического значения — вывод о несомненном сходстве различных археологических памятников Тувы с комплексами Алтая и Монголии и об отличии древностей Тувы от археологических объектов Минусинской котловины⁶.

Многие труднодоступные территории юго-запада и запада Тувы (Монгун-Тайга, западный Овюр и др.) к началу 50-х годов все еще оставались белыми пятнами, и поэтому здесь были развернуты широкие разведывательные маршруты, открывшие многочисленные археологические памятники (Саяно-Алтайская экспедиция Института этнографии АН СССР, А. Д. Грач, 1953 и 1955 гг.)⁷. В 1953 г. начал археологические исследования С. И. Вайнштейн, руководивший экспедицией Республиканского музея, а затем ТНИИЯЛИ. В 1960—1968 гг. археологическую экспедицию ТНИИЯЛИ возглавлял М. Х. Маннай-оол. В 1955—1960, 1962 гг. в Туве работала экспедиция МГУ под руководством Л. Р. Кызласова.

В 1957 г. развернула свои исследования Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция Института этнографии АН СССР (начальник экспедиции и ее этнографического отряда — Л. П. Потапов, начальник археологического отряда — А. Д. Грач, начальник второго археологического отряда — С. И. Вайнштейн, затем В. П. Дьяконова)⁸.

Материалы перечисленных археологических работ были весьма широко использованы при составлении первой «Истории Тувы», опубликованной на русском и тувинском языках.⁹ Также на двух языках была издана первая научно-популярная брошюра об археологических памятниках Тувы, написанная М. Х. Маннай-оолом¹⁰.

Принципиально новый этап в развитии археологических исследований в Туве наступил с организацией в 1965 г. Саяно-Тувинской археологической экспедиции Института археологии АН СССР (СТЭАН), в задачи которой входит всестороннее изучение памятников древних культур, расположенных в зоне будущего водохранилища Саянской ГЭС в центральной Туве и Саянской трубе (начальник экспедиции — А. Д. Грач). Работы СТЭАН, самой крупной из действующих в настоящее время советских экспедиций, рассчитаны на 1965—1972 гг.¹¹ СТЭАН руководствуется

⁴ Н. Богатырев. О тувинских памятниках древности. «Под знаменем Ленина—Сталина» (политико-экономический журнал ЦК Тувинской Народно-революционной партии), № 2, Кызыл, 1942.

⁵ Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Саяно-Алтайская экспедиция. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 120—127.

⁶ Там же, стр. 126.

⁷ А. Д. Грач. Археологические исследования в западной Туве. КСИЭ, вып. XXIII, 1955, стр. 19—33; он же. Обследование археологических памятников западной Тувы. УЭ ТНИИЯЛИ, вып. II. Кызыл, 1954, стр. 155—166, табл. I—IV (приложение второе).

⁸ «Тр. ТКЭАН», т. I, II. 1961, 1966.

⁹ «История Тувы», т. I. М., 1964; «Тываның төөгүзү», т. I. Кызыл, 1966.

¹⁰ М. Х. Маннай-оол. Археологические памятники Тувы. Кызыл, 1964.

¹¹ В работах СТЭАН ежегодно принимает участие шесть-семь полевых отрядов и авиагруппа, 120—150 сотрудников полевого штата — тувинцы, ленинградцы, москвичи. Работами полевых отрядов СТЭАН в разные полевые сезоны руководили А. М. Мандельштам (1965—1968 гг.), С. Н. Астахов (1965—1968 гг.), Ю. И. Трифонов (1965—1968 гг.), М. Х. Маннай-оол (1965 г.), И. У. Самбу (1966—1968 гг.),

единым перспективным планом пропорционального изучения основных исторических эпох при неуклонном соблюдении комплексности разных исследовательских дисциплин (археология, этнография, антропология, палеолингвистика, геология и изучение природной среды).

В зоне водохранилища, как это показали разведывательные работы, проведенные нами в 1962 г., находятся богатейшие серии памятников, характеризующие все основные эпохи истории Центральной Азии от палеолита до XVIII—XIX вв. включительно.

Каменный век¹². Уже более 40 лет назад С. А. Теплоухов (1926 г.) обнаружил на дюнах Ангачи у оз. Чедер первые каменные орудия. Однако палеолит и неолит Тувы и сейчас остаются наименее исследованными периодами. Такое положение создалось потому, что все те находки, которые были обнаружены до самого недавнего времени, были зафиксированы попутно с изучением более поздних памятников, а специальных исследований не велось. В 50-х—начале 60-х годов было обнаружено немало каменных орудий—нуклеусов, отщепов в Чаа-Хольском районе (Ф. А. Головачев, М. К. Сандак), в Овьуре (Л. Р. Кызласов, М. Х. Маннай-оол, Л. Г. Нечаева, А. Д. Грач), на Хемчике (С. И. Вайнштейн).

В результате работ палеолитического отряда СТЭАН в 1965—1967 гг. под руководством С. Н. Астахова число известных стоянок и пунктов находок увеличилось почти втрое (только в 1966 г. было обнаружено 39 пунктов и стоянок). Поисковые маршруты охватили широкие и зачастую труднодоступные территории, включая Саянскую трубу и низовья Хемчика. В итоге проведенных работ появилась возможность приступить к составлению хронологической колонки памятников палеолита и неолита. Важнейшая исследовательская работа на будущее—определение места памятников палеолита и неолита в пределах сибирско-центральноазиатской зоны.

Эпоха бронзы и памятники монгун-тайгинского типа. Эпоха бронзы на территории Тувы долгое время была представлена лишь случайными находками, составляющими весьма немногочисленную группу предметов характерного карасукского облика. Эти вещи, найденные вне комплексов, естественно, не давали возможности даже для минимальной характеристики эпохи¹³.

Первая стоянка эпохи бронзы зафиксирована в 1965 г. в урочище Биче-Оймак (пункт Ак-Даш, правобережье Улуг-Хема). Здесь обнаружена стоянка-мастерская, выявлены пять слоев, насыщенных кремневыми отщепами и обломками, имеется керамика, обломок глиняной литейной формы для ножа, бронзовая подвеска в виде клыка кабарги. В 1966 г. на могильнике Куйлуг-Хем I было обнаружено и первое погребение эпохи бронзы с типично карасукским инвентарем (нож, лапчатая подвеска).

В тесной связи с исследованием эпохи бронзы находится изучение особой группы комплексов, получивших название памятников монгун-тайгинского типа (они получили такое наименование по месту раскопок курганов этого типа в высокогорном районе юго-западной Тувы—в Монгун-Тайге),

---

С. М. Бичеоол, Д. Г. Савинов (1965 г.). Краткие информации о работах за 1965—1968 гг. опубликованы в ежегодных сборниках: «Археологические открытия 1965, 1966, 1967, 1968 гг.». М., 1966, 1967, 1968, 1969.

¹² Об исследовании памятников палеолита и неолита см.: Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении). «Вестник МГУ», серия IX (история), 1958, № 4, стр. 72—74, табл. I; С. И. Вайнштейн. Археологические исследования в Туве в 1955 г. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. IV, 1957, стр. 38—39; М. Х. Маннай-оол. Археологические исследования в Овьурском районе. Там же, вып. IX, 1961, стр. 229.

¹³ Попытку выделения по этим материалам двух этапов эпохи бронзы см.: Л. Р. Кызласов. Указ. соч., стр. 74, 75, табл. 1.

к которым относится абсолютное большинство курганов Тувы и сопредельных с нею территорий Центральной Азии¹⁴.

Погребения монгун-тайгинского типа, хотя и распадаются на ряд вариантов, объединяются следующими основными признаками:

1. Все погребения этого типа располагаются вблизи уровня древней поверхности почвы — в валунно-плитовых камерах или каменных ящиках, либо в неглубоких могильных ямах с плитовым перекрытием.

2. Устойчива закономерность положения и ориентировки погребенных: как правило, на боку, с подогнутыми ногами, головой на запад, северо-запад, юго-запад.

Датировка погребений монгун-тайгинского типа чрезвычайно трудна, так как в них почти никогда нет инвентаря (даже если погребения непотревоженные). Тем не менее, тезис о глубокой древности этих памятников из года в год получает все больше обоснований. Здесь следует особо упомянуть раскопки комплексов на могильнике Куйлуг-Хем I, где курганы монгун-тайгинского типа оказались перекрыты курганами скифского времени; монгун-тайгинские погребения могильника Бай-Даг II, где были найдены каменные наконечники стрел в сочетании с бронзовыми поделками; керамику афанасьевского типа и окрашенный костяк в монгун-тайгинских погребениях могильника Аргалыкты II, и, наконец, находки в некоторых погребениях вещей скифского облика (Саглы, Тора-Тал-Арты, Кожээлиг-Хову). Все это говорит о том, что монгун-тайгинцы были древним населением Тувы и Монголии, обитавшим на этой территории с эпохи бронзы до скифского времени.

Разработка монгун-тайгинской проблемы является делом настоятельной необходимости и большой исследовательской перспективы.

Скифское время¹⁵. В VII—III вв. до н. э. на территории Тувы, Монголии, Алтая и Восточного Казахстана¹⁶ были распространены памятники пазырыкско-сакского круга.

¹⁴ О памятниках монгун-тайгинского типа см.: А. Д. Грач. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.). «Тр. ТКЭАН», т. I, 1960, стр. 51, 53—62; он же. Археологические раскопки в Кара-Холе и Монгун-Тайге (полевой сезон 1958 г.). Там же, стр. 82—86, 108—120, 144—146; он же. Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге (из материалов полевого сезона 1959 г.). «Тр. ТКЭАН», т. II, 1966, стр. 81—95; он же. Проблема соотношения культур скифского времени Тувы, Алтая и Минусинской котловины в свете новейших исследований. «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР». Баку, 1965, стр. 69; В. В. Волков. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967, стр. 46—48.

¹⁵ С. И. Вайнштейн. Памятники скифского времени в западной Туве (по материалам археологических исследований 1954 г.). УЗ ТНИИЯЛИ, вып. III, 1955, стр. 78—102; он же. Археологические исследования в Туве в 1955 г. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. IV, 1956, стр. 33—35, 39, 40; он же. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VI, 1958, стр. 33—35, 39, 40; он же. Памятники казылганской культуры. «Тр. ТКЭАН», т. II, 1966, стр. 143—184; Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы, стр. 75—89, табл. II; А. Д. Грач. Могильник Саглы-Бажи II и вопросы археологии Тувы скифского времени. СА, 1967, № 3, стр. 215—233; М. Х. Маннай-оол. Новые материалы скифского времени в Туве (по материалам археологических исследований ТНИИЯЛИ в 1962—1963 гг.). УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XI, 1964, стр. 278—284; он же. Тува в скифское время (уюкская культура). Автореферат канд. дисс. М., 1967; Н. Л. Членова. Первые комплексы раннескифского времени из Тувы. КСИА, вып. 107, 1966, стр. 47—53; В. Н. Полторацкая. Памятники эпохи ранних кочевников в Туве. «Археологический сборник», вып. 8. Л., 1966, стр. 78—102.

¹⁶ О соотношении комплексов скифского времени Тувы с памятниками других территорий см.: Н. Л. Членова. Место культуры Тувы скифского времени в ряду других «скифских» культур Евразии. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. IX, 1961, стр. 133—155; А. Д. Грач. Проблема соотношения культур скифского времени Тувы, Алтая и Минусинской котловины в свете новейших исследований, стр. 86—88; он же. Проблемы археологии Тувы и Алтая скифского времени. «Тезисы докладов и сообщений на конференции по вопросам скифо-сарматской археологии». М., 1966, стр. 78—80.

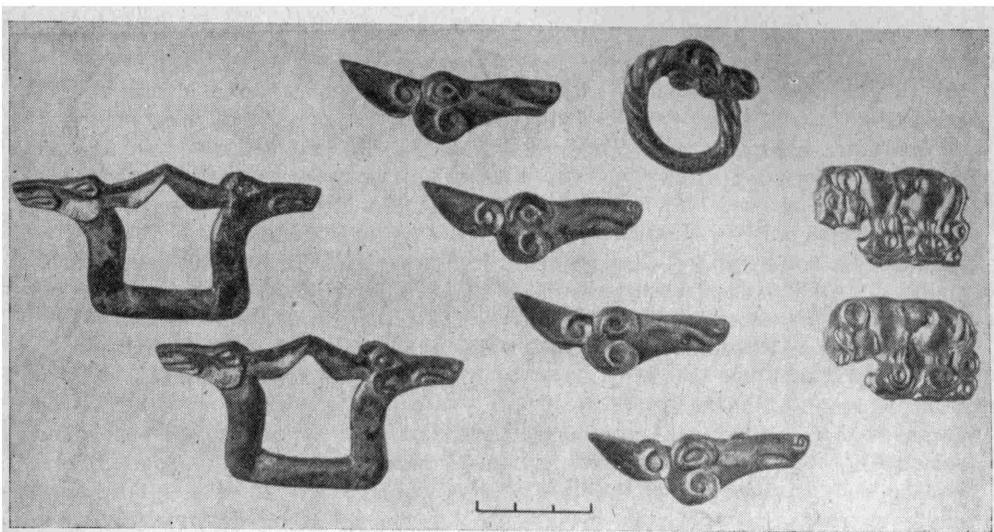

Рис. 6. Произведения искусства скифского времени. Могильник Куйлуг-Хем I, бронза и золото

Первые курганы скифского времени в Туве, раскопанные А. В. Адриановым (1916 г.) и С. А. Теплоуховым (1926, 1929 гг.), дали сравнительно небольшое количество материалов, так как все курганы оказались разграбленными. Раскопки памятников скифского времени возобновились после долгого перерыва в Сут-Хольском, Чаа-Хольском и Бай-Тайгинском районах под руководством С. И. Вайнштейна (1954, 1955, 1959 гг.), М. Х. Маннай-оола — в Центральной и Южной Туве (1961—1963 гг.), А. Д. Грача — в высокогорных районах Западной Тувы (Монгун-Тайга, Кара-Холь, Саглы, 1957, 1958, 1960—1962 гг.).

Особое место среди памятников скифского времени Тувы занял могильник Саглы-Бажи II — первый неогрabenный могильник пазырыкского этапа, содержащий погребения в мерзлоте. Он дал первоклассный комплекс находок — своего рода эталон для историко-археологической расшифровки многих других памятников Саяно-Алтайской зоны, столь сильно потревоженных древними охотниками за курганными ценностями.

Ранний этап скифского времени в Туве — VII—VI вв. до н. э. — долгое время оставался лакуной и характеризовался главным образом лишь случайными находками. В 1967 г. на могильнике Алдыы-Бель I были открыты первые комплексы с инвентарем, характерным для VII—VI вв. до н. э. и идентичным инвентарю тасмолинских курганов, раскопанных М. К. Кадырбаевым в Казахстане.

Погребения в камерах-срубках, датируемые V—IV и V—III вв. до н. э., центральноазиатского варианта памятников типа пазырыка, исследованы во многих пунктах центральной, южной и западной Тувы (Казылган, Кокзаль, Озен-Ала-Белиг, Саглы-Бажи II, Кузуленги I, Улуг-Оймак I, II, Ховужук, Урбюн III, Аргалыкты VIII и др.) и имеют следующие черты погребального ритуала: ориентация камер сторонами на северо-восток, северо-запад, юго-запад, юго-восток или по странам света, ориентировка погребенных — головами на северо-запад, запад, положение — на левом боку с подогнутыми ногами.

Пока единственный памятник алтайского варианта культуры пазырыкского типа найден и раскопан в Саглы (коллективное погребение в камере-срубке, ориентация камеры — сторонами по странам света, ориентировка погребенных — головами на восток, положение — на правом боку с подогнутыми ногами, имеется сопроводительное погребение коней в убранстве).

Памятники скифского времени Тувы позволяют уже сейчас по-новому разработать ряд важных вопросов древней этногеографии, экономики, социального строя. Раскопки в Туве открыли новый вариант памятников пазырыкского круга¹⁷, дали материал для суждения о трех основных социальных слоях: вожди объединений племен — (курганы типа Улуг-Хорум в Саглы); средний слой аристократии местных племен (памятники типа Саглы-Бажи и др.); массовое рядовое население (поздняя группа погребений монгун-тайгинского типа, синхронная пазырыкским памятникам скифского времени Тувы). Вопрос о сосуществовании и взаимоотношениях населения, оставившего курганы пазырыкского типа с монгун-тайгинским, заслуживает самого углубленного рассмотрения. Выясняются формы семейных взаимоотношений (так называемая большая неразделенная семья), наличие возрастных классов, положение женщины в обществе пазырыкской эпохи.

Наиболее насущные проблемы исследования памятников скифского времени — разработка характеристики раннего этапа и конечной фазы скифского времени на территории Тувы. Для расширения данных о всех слоях общества в скифское время необходимо в ближайшее время произвести раскопки больших курганов — памятников высшей кочевой знати (в качестве первого такого объекта нами намечен к раскопкам курган Улуг-Хорум в Саглы). Необходимо также продолжать всестороннее рассмотрение проблемы взаимоотношения археологических памятников скифского времени Тувы с памятниками Минусинской котловины, Монголии, Казахстана и Средней Азии.

Гунно-сарматское время¹⁸. Эта бурная эпоха в истории Центральной Азии, охватывающая первые века до н. э. — первые века н. э., является временем сложения крупных объединений типа, близкого к государственному, включавших большие массы кочевого населения. Археологические памятники гунно-сарматского времени в Туве распадаются на две основные категории — погребальные и поминальные комплексы.

Памятники гунно-сарматского времени также исследованы в центральных районах Тувы А. В. Адриановым, С. А. Теплоуховым, С. И. Вайнштейном, Л. Р. Кызласовым и — на крайнем западе — А. Д. Грачом. Среди памятников этого времени заметное место занимает могильник Кок-эль (раскопками руководил С. И. Вайнштейн, в последние годы — В. П. Дьяконова), где девять курганов-кладбищ включали 322 погребения, характеризующих культуру и быт рядового населения.

Памятники гунно-сарматского времени интенсивно изучаются всеми курганными отрядами СТЭАН: могильники Часкал I, II, Даштыг-Шоль, Бай-Даг I, II А. М. Мандельштамом (1965—1967 гг.), Аргалыкты I, VI,

¹⁷ Имеются попытки объединить все памятники скифского времени Тувы в одну археологическую культуру (по С. И. Вайнштейну — казылганскую, по Л. Р. Кызласову — уюкскую, с последним определением солидаризовался М. Х. Маннай-оол): С. И. Вайнштейн. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ, стр. 230—232; Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы, стр. 75—89; М. Х. Маннай-оол. Тува в скифское время (уюкская культура), стр. 5—7; ср. однако: А. Д. Грач. Могильник Саглы-Бажи II и вопросы археологии Тувы скифского времени, стр. 225—227.

¹⁸ С. И. Вайнштейн. Археологические исследования в Туве в 1955 г.; он же. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг., стр. 219, 221—226, 232, 233; Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы, стр. 89—99; С. И. Вайнштейн, В. П. Дьяконова. Памятники в могильнике Кокэль конца I тысячелетия до нашей эры — первых веков нашей эры. Тр. ТКЭАН, т. II, 1966, стр. 185—292; С. И. Вайнштейн, В. П. Дьяконова. Уникальные находки из раскопок древних курганов Тувы. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VIII, 1960, стр. 192, 194—197; А. Д. Грач. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в центральной Туве, стр. 48—50; он же. Археологические раскопки в Кара-Холе и Монгун-Тайге, стр. 86—98. По Л. Р. Кызласову — памятники гунно-сарматского времени объединяются понятием шурмакской культуры, по С. И. Вайнштейну — сыынчурекской культуры.

VIII, XI, XII, Кара-Тал I, II, III Ю. И. Трифоновым (1965—1967 гг.), Ховужук М. Х. Маннай-оолом (1965 г.), Урбюн III Д. Г. Савиновым (1965 г.), Куйлуг-Хем II и Ортаа-Хем I И. У. Самбу (1966—1967 гг.), Улуг-Оймак II, Куйлуг-Хем I, Алды-Бель I А. Д. Грачом (1965—1967 гг.).

Погребальный обряд гунно-сарматского времени имеет значительное число вариантов — труположения в гробах или могилах со стенками из плит, ориентировка — преимущественно головой на запад, северо-запад, положение — вытянутое на спине, очень часты многократные захоронения под общим наземным сооружением, трупосожжение (последняя интерпретация — Л. Р. Кызласов). Поминальные памятники обычно имеют под центром наземного сооружения вкопанный на уровне древней поверхности почвы сосуд, как правило, с характерным для гунно-сарматского времени арочным орнаментом. Очень часто погребальные курганы имеют поминальные дополнения.

Из числа открытий последних лет следует особо упомянуть раскопки на могильнике Бай-Даг II, где исследованы два крупных погребальных комплекса — наземные сооружения трапециевидной в плане формы, с пристройкой сходной формы, на дне ям глубиной до 5,5 м — срубы, внутри которых гробы с золотыми фигурными обкладками. Эти памятники являются уменьшенным в масштабе повторением пышных погребений ноинлинского типа. Несомненный интерес представляет открытие впускного скорченного погребения в каменном ящике с инвентарем гунно-сарматского времени и бронзовой бляхой с изображением борьбы грифа и кошачьего хищника (Урбюн III).

Неотложной задачей изучения комплексов гунно-сарматского времени Тувы является разработка абсолютной и относительной хронологии — отсутствие дифференцированной хронологии является серьезным тормозом в дальнейшей разработке истории Тувы конца I тысячелетия до н. э. — первой половины I тысячелетия н. э.

Древнетюркское время (VI—начало X в. н. э.) — время существования государств центрально- и среднеазиатских тюрков, уйгуров и енисейских кыргызов. Роль археологических памятников в разработке проблем этногенеза и истории культуры тувинцев, алтайцев, хакасов, киргизов и других тюркоязычных народов определяет особое значение новых поисков и исследований объектов древнетюркского времени.

Древнетюркские племена Тувы составляли часть одной из основных историко-этнографических зон этой эпохи — зоны расселения племен, входивших в союз каганатов центрально- и среднеазиатских тюрков (две другие, меньшие по территории зоны, были заняты племенами енисейских кыргызов и курыкан)¹⁹.

В различных районах Тувы открыты и исследованы курганы древних тюрков²⁰ — на крайнем западе Тувы (могильники Калбак-Тыттыг-Хем,

¹⁹ А. Д. Грач. Хронологические и этно-культурные границы древнетюркского времени. «Тюркологический сборник». М., 1966, стр. 188—193; он же. Древнетюркская археология в СССР. «Филология и история тюркских народов (тезисы докладов). Тюркологическая конференция в Ленинграде». Л., 1967, стр. 52—54.

²⁰ О раскопках древнетюркских курганов Тувы см.: С. И. Вайнштейн. Археологические раскопки в Туве 1953 г. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. II, 1954, стр. 141—143, 148—153; он же. Археологические исследования в Туве в 1955 г., стр. 35, 36; он же. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг., стр. 218—220, 233; А. Д. Грач. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в центральной Туве, стр. 9—12, 17—40, 69—72; он же. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге, стр. 73, 120—143, 146—148; он же. Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге, стр. 81, 96—99, 105; он же. Древнетюркское погребение с зеркалом Цинь-вана в Туве. СЭ, 1958, № 4, стр. 18—34; С. И. Вайнштейн. Памятники второй половины I тысячелетия в западной Туве. Тр. ТКЭАН, т. II. 1966, стр. 292—347; Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата (VII—VIII вв.). «Вестник МГУ», серия IX (история), № 1, 1960, стр. 51—56; он же. Этапы средневековой истории

Рис. 7. Каменное изваяние VII—VIII вв. н. э. Монгун-Тайга

Узук-Усту, Коп-Кожээ и др. — А. Д. Грач, 1957—1959 г.), в центральной Туве (могильник Хендерге — С. И. Вайнштейн, 1954 г.; Аргалыкты I, VIII, IX, Кара-Тал I, III, IV — Ю. И. Трифонов, 1965—1967 г.; Часкал II — А. М. Мандельштам, 1966 г.).

К 1968 г. в разных районах Тувы было раскопано 72 погребения с труположением, относящихся к древнетюркскому времени, из них 59, т. е. 79%, — неграбленных. Для сравнения укажем, что на территории соседней с Тувой Монголии раскопано всего 24 кургана, относимых к древнетюркскому времени, однако 14 (58%) потревожены настолько, что не могут быть с полной достоверностью отнесены к данной эпохе. На Алтае к древнетюркскому времени отнесено разными исследователями 94 погребения, однако 29 должны быть исключены из общего числа ввиду нечеткости признаков, а из остающихся 65 курганов 10 (15%) — разграблены, и имеется только 55 непогробоженных погребений²¹. Если учесть, что Алтай и Монголия подверглись сравнительно интенсивному изучению уже с XIX в., количество древнетюркских погребений, к настоящему времени известных в Туве, следует признать весьма высоким.

Погребальные памятники древних тюрков Тувы относятся к следующим хронологическим группам.

1. Погребения с трупосожжением.

Остатки трупосожжений находятся в кольцевых выкладках из валунов или обломков горных пород, возле погребений поминальные комплексы — стелы в оградках из плит. Датируются временем до первой четверти VII в. н. э. включительно.

2. Наземные курганные сооружения — из валунов и обломков горных пород, форма в плане округлая, труположения с конем; ориентировка — человек головой на восток, конь — на запад. Датировка VII—VIII вв. н. э.

3. Наземные курганные сооружения из валунов и обломков горных пород, форма в плане округлая, труположения с конем, ориентировка

Тувы. Там же, 1964, № 4, стр. 69—74, 81—82; он же. История Тувы в средние века. Автореферат докт. дисс. М., 1966; М. Х. Маннай-оол. Итоги археологических исследований ТНИИЯЛИ в 1961 г. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. X, 1963, стр. 238—241; А. Д. Грач. Древнетюркские курганы на юге Тувы. КСИА, вып. 114, 1968; он же. Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии. «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 207—213; Г. В. Длужневская. Типы погребений древнетюркского времени на территориях Тувы, Алтая и Монголии. «Филология и история тюркских народов (тезисы докладов). Тюркологическая конференция в Ленинграде». Л., 1967, стр. 55—57.

²¹ Все цифровые данные получены из свода древнетюркских погребений Тувы, Алтая и Монголии, составленного сотрудницей СТЭАН Г. В. Длужневской.

человека — головой на север, северо-запад, коня — головой на юг, юго-восток. Датировка — VIII—IX вв. н. э.²²

4. Наземные сооружения — уплощенные выкладки из валунов и обломков горных пород, форма в плане округлая, труположения без сопроводительного захоронения коня, ориентировка — головой на север, северо-запад. Датировка — IX—X вв. н. э.²³

Археологические памятники позволяют отчетливо судить о том, что основным видом хозяйственной деятельности древних тюрков Тувы было развитое кочевое скотоводство, что высокого уровня достигло развитие ремесла и прикладное искусство²⁴ и что больших для своего времени размеров достигла добыча руды и плавка металлов (для перевозки руды к местам плавки использовали специально сооруженные дороги).

Данные раскопок погребений свидетельствуют о резкой дифференциации древнетюркского общества — в одних курганах погребены люди, облаченные в шелка, снабженные многими дорогими вещами и сопровождаемые боевыми конями в богатых, нередко золотых, уборах, в других погребениях — люди малоимущие, с незначительным количеством малоценных бытовых предметов, вместо коня — взнузданный баран.

Большое значение для рассмотрения вопросов истории древних тюрков имеют обнаруженные в Туве енисейские рунические тексты, нанесенные в большинстве случаев на каменных стелах. По числу обнаруженных камнеписных текстов Тува занимает первое место среди всех территорий тюркского мира — с конца XIX в., когда были начаты поиски надписей, до 1966 г. в Туве найдено 60 текстов. Из основных публикаций большую ценность представляют издания енисейских текстов Тувы, выполненные С. Е. Маловым²⁵. В течение ряда лет интенсивную работу по собиранию и изучению енисейских надписей Тувы вел И. А. Батманов, издававший тексты в сотрудничестве с А. Ч. Кунаа²⁶. Серьезных результатов добились тувинский лингвист З. Б. Арагачи²⁷. Первую надпись южнее хребта Танну-Ола обнаружил и опубликовал Ю. Л. Аранчин²⁸.

Первое место в Центральной Азии и Южной Сибири занимает Тува и по количеству древнетюркских каменных изваяний — к настоящему времени известно около 150 экз.²⁹, большинство которых было обнаружено исследователями на местах установки. Более всего их было найдено

²² Ко второй и третьей группам относятся и кенотафы без останков человека, но с захоронениями коней, с бытовым инвентарем и вооружением. При раскопках в Туве зафиксированы факты, когда вместо реальных останков человека в погребения помещались куклы.

²³ Иные варианты классификации и датировки древнетюркских погребений Тувы см.: Л. Р. Кызласов. Тува в эпоху тюркского каганата (VI—VIII вв.), стр. 51—56; он же. Этапы средневековой истории Тувы, стр. 66—84; С. И. Вайнштейн. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве). СЭ, 1966, № 3, стр. 60—81.

²⁴ А. Д. Грач. *Turchi antichi, centri e correnti*. Enciclopedia universale dell'arte. Venezia—Roma, 1966, p. 239—254, tabl. 65—68.

²⁵ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков (тексты и переводы). М.—Л., 1952; он же. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 69—75.

²⁶ И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин. Современная и древняя енисейка. Фрунзе, 1962; «Памятники древнетюркской письменности Тувы», вып. I—III. Кызыл, 1963, 1963, 1965.

²⁷ З. Б. Арагачи. Памятник с Элегеста. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. IX, 1961, стр. 235—237; З. Б. Арагачи, Д. М. Насилов. О надписи из Хая-Ужу. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. X, стр. 257—267; З. Б. Арагачи. Новые эпиграфические находки в Туве. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. X, стр. 247—256.

²⁸ Ю. Л. Аранчин. О древних камнеписных памятниках на территории Тувинской автономной области. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 1, 1953, стр. 55—58.

²⁹ Впервые научный анализ этого вида памятников Тувы был сделан Л. А. Евтюховой (см.: Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА, № 24, 1952, стр. 72, 77—94, 102—118, прилож. 2; А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы (по материалам исследований 1953—1960 гг.). М., 1961.

в Монгун-Тайге, по долинам рек Каргы и Моген-Бурен. Они являются весьма ценным источником для изучения истории, культуры, социального строя и религии древнетюркских племен, а также выделения основных историко-этнографических и политических зон.

Вопрос о семантике древнетюркских изваяний с давних пор и до настоящего времени остается дискуссионным³⁰.

Первая четверть IX в. в политической истории Центральной Азии и Южной Сибири отмечена активизацией и выходом на более широкую арену енисейских кыргызов. Многолетняя борьба завершилась тем, что к 840 г. енисейские кыргызы сокрушили уйгурский каганат — конные полчища кыргызского кагана Ажо перевалили через Саяны, а затем и через Танну-Ола, предали огню и мечу города и кочевья засаянских тюрков и воцарились в Центральной Азии до начала X в. В Туве раскопаны многочисленные погребения кыргызских воинов³¹ — в центральной Туве (работы А. В. Адрианова — 1915—1916 гг., С. А. Теплоухова — 1926, 1927 гг., М. Х. Маннай-оола — 1961, Л. Р. Кызласова — 1956—1962 гг.), могильник Тора-Тал-Арты на Ак-Суге (А. Д. Грач, 1959 г.), в зоне водохранилища Саянской ГЭС в Улуг-Хемском районе — могильники Эйлиг-Хем III и Алды-Бель (А. Д. Грач, 1965—1967 гг.), Ортаа-Хем II (И. У. Самбу, 1967 г.).

Енисейские кыргызы рассчитывали на долгое владычество в Центральной Азии — именно поэтому богатые их погребения обнаружены южнее хребта Танну-Ола (могильник Саглы-Бажи I, А. Д. Грач, 1960 г.).

Основные черты древнекыргызских погребений: округлые наземные сооружения диаметром от 2—3 до 16 м. Остатки трупосожжений и ритуальных дополнений располагаются на уровне древней поверхности почвы или в неглубоких грунтовых ямах, находящихся под центром наземного сооружения. Эти черты совпадают с тем, что зафиксировано в «метрополии» енисейских кыргызов — Минусинской котловине (Уйбатский и Копенский чаа-гасы, Капчалы I).

Кыргызские погребения Тувы часто комбинируются со стелами, на которых нанесены эпитафии от имени знатных лиц. Так, например, на кыргызском могильнике Эйлиг-Хем III были найдены три стелы с надписями, две из которых содержали имена погребенных под курганами знатных лиц. Текст на стеле знатного воителя Багыра гласил:

- 1) От моей домоправительницы (матери), от вас (я отделился?)
- 2) Его геройская доблесть. Вал (лагерь, крепость, укрепление?)
- 3) Мое геройское имя — Багыр...
- 4) Сто богатырей...³²

В другой стеле (оттуда же) упоминался Кара-Йаш³³, на стеле с Алды-Беля упоминается полководец Бери³⁴.

Инвентарь кыргызских курганов содержит импортные вещи, доставленные нередко из очень отдаленных стран, — так, в кургане Багыра был

³⁰ Л. Р. Кызласов. Рец. на кн.: А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы. СА, 1964, № 1, стр. 349—355; он же. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей. СА, 1964, № 2, стр. 27—39; А. Д. Грач. По поводу рецензии Л. Р. Кызласова. СА, 1965, № 3, стр. 302—306; Л. Р. Кызласов. По поводу одного ответа. СА, 1965, № 4, стр. 282—286; Я. А. Шер. Рец. на кн.: А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы. СА, 1964, № 1, стр. 355—357.

³¹ Л. Р. Кызласов. Этапы средневековой истории Тувы, стр. 78—83; А. Д. Грач, Л. Г. Нечаева. Краткие итоги полевых исследований, произведенных археологическим отрядом ТКЭАН в 1959 г. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VIII, 1960, стр. 186—189; Л. Г. Нечаева. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты, «Тр. ТКЭАН», т. II, 1966, стр. 108—142; М. Х. Маннай-оола. Итоги археологических исследований ТНИИЯЛИ в 1961 г., стр. 240—242.

³² И. А. Батманов и А. Ч. Кунаа. Памятники древнетюркской письменности Тувы. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XIII, 1965, стр. 11, 12.

³³ Там же, стр. 9, 10.

³⁴ Там же, стр. 17, 18.

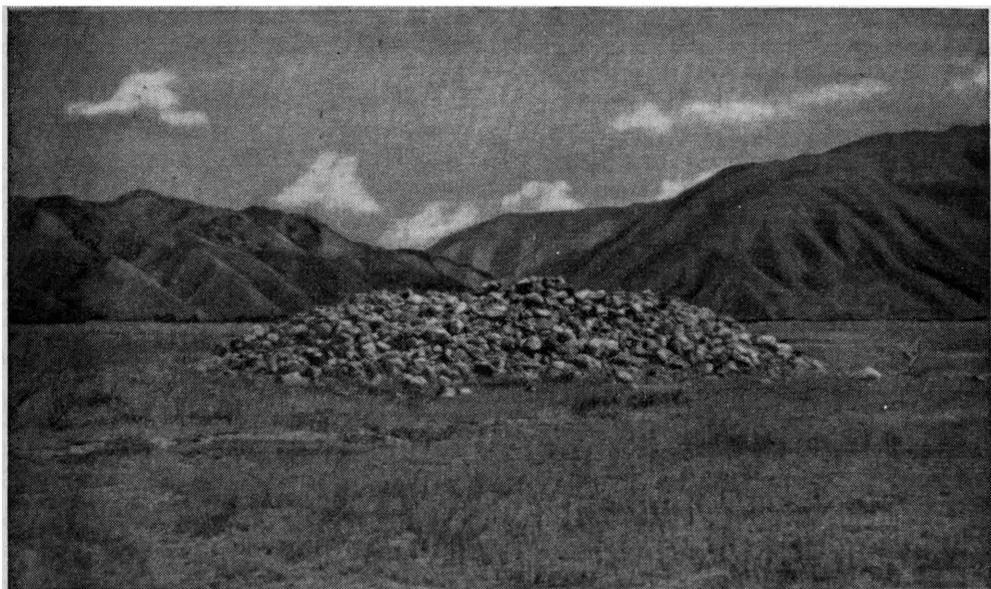

Рис. 8. Курган Багыра. 1-й отряд СТЭАН, 1965 г.

найден клинок арабской работы (на обеих сторонах сабли — арабские надписи, клинок орнаментирован), а в богатом кыргызском погребении в Саглынской долине обнаружены тибетские надписи на бересте.

Кыргызы были вытеснены из Центральной Азии киданями обратно на Средний Енисей, и именно там их застали бурные события эпохи образования монгольской империи и поход Джучи 1207 г.³⁵

Главные задачи дальнейших исследований памятников древнетюркского времени Тувы в общих чертах совпадают с основными задачами древнетюркской археологии в СССР: поиск и раскопки новых вариантов памятников древнетюркского времени, изучение погребального обряда, составление карты локальных этнических вариантов древнетюркского мира. Особое внимание следует обратить на разработку вопросов экономики и социального устройства, взаимоотношений кочевого населения с центрами оседлой цивилизации в Туве и за ее пределами, истории экономических и культурных связей.

Центры оседлой цивилизации³⁶. Большой вклад в изучение центров оседлой цивилизации в Туве был внесен работами С. И. Вайн-

³⁵ Иная точка зрения проводится в ряде работ Л. Р. Кызласова, который полагает, что кыргызское владычество в Туве продолжалось вплоть до монгольского времени и, соответственно, датирует ряд памятников енисейской письменности XI—XII вв. (Л. Р. Кызласов, О древних границах государства древних хакасов в IX—XII вв. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VII, Абакан, стр. 56—77; он же. Этапы средневековой истории Тувы, стр. 66, 78, 52—83; он же. Новая датировка памятников енисейской письменности. СА, 1960, № 3, стр. 93—120). Большинство исследователей эти взгляды Л. Р. Кызласова не разделяют (см.: И. А. Батманов. О датировке енисейских памятников древнетюркской письменности. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. X, 1963, стр. 291—302; Л. Г. Нечаева. Погребения с трупосождением могильника Тора-Тал-Арты, стр. 140—142; С. И. Вайнштейн. Курганы и стела в урочище Хербис-Баары. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. X, 1963, стр. 265, 266; он же. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры, стр. 78; А. Д. Грач. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени, стр. 190—192).

³⁶ О раскопках древних городов Тувы см.: С. И. Вайнштейн. Средневековые оседлые поселения и оборонительные сооружения в Туве. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VII, 1959, стр. 260—274; он же. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг., стр. 228, 229; он же. Древний Пор-Бажын. СЭ, 1964, № 6, стр. 103—114; Л. Р. Кызласов. Средневеко-

штейна и Л. Р. Кызласова, чьи исследования еще раз подтвердили широко известную теорию о значении городской цивилизации в истории Центральной Азии, выдвинутую С. В. Киселевым³⁷.

Поскольку оседлые поселения гунно-сарматского времени пока не обнаружены (хотя такая возможность отнюдь не исключена), древнейшими центрами оседлой цивилизации являются уйгурские города-крепости, возникшие в середине VIII в. н. э. Целая цепь их протянулась между хребтами Саянским и Танну-Ола: они встречены в Бай-Тайгинском и Дзун-Хемчикском районах — в долине р. Хемчик, в Сут-Холе — по среднему течению Хемчика, в Улуг-Хемском районе — группа городищ в районе современного города Шагонара и городище Бажын-Алаак у пос. Чаа-Холь. Все эти городища в принципе однотипны — они подчетыреугольные в плане, имеют оборонительные стены с башнями, крепостные ворота, ров и отличаются лишь размерами. От городища к городищу тянется во многом загадочное, гигантское по протяженности сооружение, так называемая «дорога Чингиз-хана» — вал не вполне ясного пока назначения и характера. Крепости составляли единую оборонительную систему, совершенно очевидно нацеленную против все возрастающей угрозы с севера — со стороны енисейских кыргызов. Характерно, что один из городов-крепостей Сут-Холя — Болгаш-Бажин — прикрывает один из Саянских горных проходов. Следы оборонительных сооружений были недавно обнаружены в Саянской трубе. Одно из уйгурских городищ находится на крайнем юго-востоке Тувы — это древний Пор-Бажин, возвышающийся на острове оз. Тере-Холь. Первые раскопки, произведенные здесь С. И. Вайнштейном, открыли превосходную архитектуру, остатки стенных росписей.

Большой интерес представляют исследованные Л. Р. Кызласовым более поздние поселения, особенно неукрепленное городище Ден-Терек³⁸. В изучении уйгурских городов, которое продолжается и в настоящее время силами СТЭАН, особое внимание предполагается уделить исследованию не только собственно городских комплексов, но и их периферии. Важное значение приобретает и разработка проблемы взаимодействия оседлых центров и кочевых племен.

Петроглифы³⁹. По числу открытых и зафиксированных наскальных изображений разных эпох Тува занимает первое место в Центральной Азии. Многотысячные скопления петроглифов были открыты на южных отрогах хребта Танну-Ола — пункты Овюр I—XXI, на крайнем западе

вые города Тувы. СА, 1959, № 3, стр. 66—75; он же. Этапы средневековой истории Тувы, стр. 67—69, 84—88; он же. Городище Ден-Терек. «Древнемонгольские города». М., 1965, стр. 59—119.

³⁷ С. В. Киселев. Древние города Монголии. СА, 1957, № 2; см. также: Древнемонгольские города. М., 1965.

³⁸ См.: Л. Р. Кызласов. Городище Ден-Терек. В отношении датировки Ден-Терека и одновременных ему памятников автором раскопок в начале было предложено уверенное отнесение его к киданьскому времени (XII—начало XIII в.). Более того, Л. Р. Кызласов предположил даже, что город этот, «видимо, являлся центром северной провинции государства кара-китаев (Сяляо)» (см.: Л. Р. Кызласов. Средневековые города Тувы, стр. 75—78). Несколько позднее Л. Р. Кызласов отказался от этой датировки и, естественно, исторической интерпретации памятника и выдвинул датировку временем после 1207 г., т. е. после завоевания Тувы монгольскими войсками, отнеся его к первой половине XIII в. (см.: Л. Р. Кызласов. Городище Ден-Терек, стр. 113—117). Вопрос, очевидно, нуждается в дополнительном исследовании.

³⁹ А. Д. Грач. Петроглифы Тувы, I (Проблема датировки и интерпретации, этнографические традиции). МАЭ, т. XVII, 1957, стр. 385—428, табл. прилож. I—XXXII; он же. Петроглифы Тувы, II. (Публикация комплексов, обнаруженных в 1955 г.). МАЭ, т. XVIII, 1958, стр. 339—384, табл. прилож. I—XIV; Н. Л. Членова. Несколько писаниц юго-западной Тувы. СЭ, 1956, № 4, стр. 45—63; Д. Г. Савинов. Наскальные изображения Центральной Азии и Южной Сибири. «Вестник ЛГУ», № 20, вып. 4, 1964, стр. 139—145; М. Х. Маннай-оол. Древнее изображение горного козла в Туве. СА, 1967, № 1.

Тувы — в Бай-Тайге и Монгун-Тайге, в Барун-Хемчикском районе — Теве-Хая, Бижиктиг-Хая, Чурук-Малдыг-Хая, в центральной Туве — в Улуг-Хемском районе.

Петроглифы Тувы подразделяются на несколько хронологических групп: одна из древнейших — изображения скифского времени (VII—III вв. до н. э.), с которой смыкаются изображения на так называемых «оленных камнях», изображения гунно-сарматского времени, изображения древнетюркского времени — это — главным образом тамгообразные фигуры горных козлов типа Чуруктуг-Кырлан.

Важные открытия в области наскального искусства принесли новейшие исследования в Саянской трубе. Здесь, казалось бы — в труднодоступных местах, были открыты первоклассные комплексы — древние святилища, расположенные на левом и правом берегах Енисея — у мест впадения рек Чинге и Мугур-Саргол⁴⁰. Среди этих комплексов особое внимание привлекает галерея портретных масок шаманов древних охотничьих и скотоводческих племен, комбинирующихся с изображениями диких животных — быков, горных козлов, архаров, маралов. Один из древнейших пластов изображений относится к эпохе бронзы. Маски-личины в рогатых уборах, во многих случаях имеют изображения татуировки. В пределах святилища на Мугур-Сарголе обнаружены древние погребения, по внешнему виду близкие погребениям монгун-тайгинского типа. Исследование петроглифов Саянского каньона продолжается.

К Монгольскому времени относится единственная в своем роде группа изображений — сцена с верблюдами на скале Теве-Хая.

Помимо интересного смыслового содержания, петроглифы являются ценным источником по истории культурных и этнических связей⁴¹. Так, например, тамгообразные изображения козлов древнетюркского времени зафиксированы в зоне великого движения тюркских племен — в Монголии, Туве, на Алтае, в Казахстане и Средней Азии.

Специально проведенные зоологами исследования древних петроглифов Тувы позволили определить виды животных, некогда обитавших в пределах Тувы и ныне совершенно исчезнувших, — таких, как антилопа-оронго (ныне встречающаяся на северной границе Тибета), дикий верблюд и дикая лошадь (ныне обитающие в Монголии)⁴².

Позднейшие погребения XVII—XIX вв.⁴³ Позднейшие памятники, изучаемые комплексно-археологическими и этнографическими методами, пролагают своего рода ретроспективный мост от современных этнографических объектов к эпохам зачастую глубокой древности.

Погребения XVII—XIX вв. — впускные захоронения в наземных сооружениях более древних курганов — были исследованы в центральной Туве (А. В. Адрианов, С. А. Теплоухов, С. И. Вайнштейн, Л. Р. Кызла-

⁴⁰ Эти комплексы были открыты Д. Е. Евтифьевым (автомехаником из пос. Чаа-Холь, ныне сотрудником СТЭАН) и С. В. Макаровым. В исследовании и фиксации этих памятников в разные годы принимали также участие А. А. Формозов и А. Д. Грач.

⁴¹ «Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. III, 1959, стр. 121—124.

⁴² Р. Л. Потапов. К истории фауны Центральной Азии (о наскальных изображениях животных в Туве). МАЭ, т. XVII, 1957, стр. 429—431; он же. О некоторых наскальных изображениях животных в горах Танну-ола и Монгун-Тайги. МАЭ, т. XVIII, 1958, стр. 385—389.

⁴³ Об исследованиях позднейших памятников Тувы см.: Н. Богатырев. О тувинских памятниках древности; Л. П. Потапов. Некоторые итоги работ Тувинской экспедиции. СЭ, 1959, № 5, стр. 118—120; В. П. Дьяконова. Поздние археологические памятники на территории западной Тувы. «Тр. ТКЭАН», т. I, 1960, стр. 151—166; она же. Поздние археологические памятники Тувы. Там же, т. II. М.—Л., 1966, стр. 348—357, табл. I—V; М. Х. Маннай-оол. Археологические исследования в Овюрском районе в 1961 г., стр. 206; Л. Р. Кызласов. Курганы тувинцев. «Вестник МГУ», серия IX (история), 1964, № 5, стр. 82—91.

Рис. 9. Древнешаманские личины эпохи бронзы. Мугур-Саргол

сов, Ю. И. Трифионов, И. У. Самбу, А. М. Мандельштам, А. Д. Грач), в Монгун-Тайге (А. Д. Грач, В. П. Дьяконова), в Овюре (М. Х. Маннай-оол, А. Д. Грач), на Хемчике (В. П. Дьяконова). Основные черты погребального обряда тувинцев XVIII—XIX вв. — труположение, положение — вытянутое на спине, ориентировка головой на восток, северо-восток, в ногах — сопроводительные погребения одного или двух коней, некоторые из этих погребений исключительно богаты инвентарем. С исследованием позднейших погребений связано и исследование ритуальных дополнений в виде серий бытовых предметов, помещенных в наземные сооружения древних курганов, отмеченных в Монгун-Тайге, на Ортаа-Хеме и Куйлуг-Хеме.

Исследования в области археологической этнографии Тувы мы будем развивать и дальше во все возрастающих масштабах. Весьма перспективной представляется разработка проблемы локальных вариантов и увязка их с этническими группами населения Тувы. Необходимо ускорить и накопление более детально и целеустремленно собранного этнографического материала по погребальному обряду тувинцев.

Основная тенденция, которую следует развивать при изучении археологических памятников Тувы, — рассмотрение этих комплексов на широком фоне исторических процессов, протекавших на территориях Великого пояса степей. Это положение должно сохранять силу при рассмотрении всех исторических эпох — каменного века, эпохи бронзы, скифского времени, гунно-сарматского времени, древнетюркского времени, памятников II тысячелетия н. э.

Исследования в Туве показали, что археологические памятники этого района Центральной Азии имеют не только локальное значение — в силу взаимосвязанности исторических процессов они имеют ключевое значение для разработки ряда проблем древней истории Монголии, Южной Сибири, Казахстана и Средней Азии. Именно поэтому необходимо возможно скорее преодолеть все еще имеющиеся лакуны и, в частности, преодолеть серьезное отставание в поиске и исследовании погребальных комплексов XI—XVI вв. (это отставание характерно сейчас как для сопредельных с Тувой Алтая, Монголии и Минусинской котловины, так и для более отдаленных территорий).

Следует отметить и территориальную неравномерность археологического изучения Тувы. Почти совершенно не охвачены археологическими работами восточные зоны республики — Тоджа и Тере-Холь — горно-таежные районы. Между тем исследование этих территорий представляет большой интерес — там в отличие от скотоводческих горно-степных районов центральной, южной и западной Тувы сохранился охотничье-оленоводческий этнографический комплекс⁴⁴.

Благодаря археологическим исследованиям в Туве был получен ответ на вопрос, волновавший путешественников, ученых, политических деятелей и прежде всего самих тувинцев, — вопрос о том, когда и под влиянием каких причин Тува стала отсталым краем, а тувинский народ был поставлен на грань гибели. Археологические исследования свидетельствуют о том, что еще на пороге II тысячелетия н. э. Тува стояла на уровне многих цивилизаций и культур тогдашнего мира, а разрушение культурно-исторических ценностей (в частности, городских центров) явилось следствием тех же причин, что и в других районах Азии: роковую роль сыграли опустошительные захватнические войны и иноземная колонизация, сопровождавшаяся жестокой эксплуатацией покоренных земель. Именно эти явления были причиной многовекового регресса, который был остановлен только великими революционными преобразованиями XX века.

Тува — некогда отсталый район земного шара, беспощадно угнетавшийся иноземными поработителями, — превратилась теперь в неуклонно развивающуюся республику, и то, что именно здесь сформировался один из крупнейших центров полевых археологических исследований в СССР, является зримой приметой современности, является неуклонным свидетельством внимания советских ученых к истории любого народа, большого или малого, интереса к истории любой территории нашей страны, как бы отдаленна эта территория ни была.

---

⁴⁴ С. И. Вайнштейн. Тувинцы-тоджинцы (историко-этнографические очерки). М., 1961.

Ю. А. КРАСНОВ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ
ИСТОРИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

История земледелия первобытного и ранних этапов классового общества на территории нашей страны — один из важнейших разделов истории материальной культуры, изучаемой археологами. Советская археология достигла немалых успехов в этом направлении, о чем свидетельствует резкое увеличение количества публикаций, посвященных проблемам истории земледелия. В дореволюционной археологической литературе работы подобного рода насчитывались единицами, они посвящались преимущественно отдельным находкам земледельческих орудий¹. Лишь В. В. Хвойко пытался в какой-то мере осветить хозяйство трипольского населения. Им впервые в отечественной археологии были применены для этой цели и палеоботанические данные². В общих работах по археологии вопросы истории земледелия либо не затрагивались вообще, либо в лучшем случае рассматривались лишь в плане констатации этого вида хозяйственной деятельности. Ныне мы располагаем большим количеством работ, рассматривающих проблему истории земледелия с различных точек зрения. Рост научных исследований археологов по истории земледелия — результат широкого размаха полевых работ и накопления в связи с этим большого фактического материала, которым не располагала дореволюционная археология. Создание прочной источниковедческой базы позволило перейти к конкретному рассмотрению истории земледельческого хозяйства древних племен и народов нашей страны. Привлечению внимания исследователей к вопросам истории производительных сил вообще, а в земледелии в частности, способствовала диалектико-материалистическая методология.

Разработка проблем истории земледелия велась советскими археологами в двух важнейших направлениях: с одной стороны, в направлении изучения земледельческой техники и ее развития, с другой — влияния земледелия на развитие производственных отношений, в частности выяснения роли земледелия в сложении классовых обществ.

Изучением древнего земледелия занимаются археологи совместно с представителями биологических дисциплин. Исследование найденного при раскопках палеоботанического материала — остатков культурных растений и сопутствующих им сорняков — является теперь неотъемлемой

¹ Ф. А. Теплоухов. Земледельческие орудия пермской чуди. «Пермский край», т. I, Пермь, 1892; А. Штукенберг. Земледельческие орудия древних болгар. «Уч. зап. Казанского ун-та», т. IV, 1896; В. Я. Толмачев. Древнейшие заступы, найденные на восточном склоне Среднего Урала. ИАК, вып. 60, СПб., 1916.

² В. В. Хвойко. Начало земледелия и бронзовый век в Среднем Поднепровье. «Тр. XIII АС», т. I, М., 1907.

частью многих археологических публикаций и обобщающих работ. Как в археологической, так и в биологической литературе появились работы, специально посвященные исследованию зерновых остатков из археологических памятников³. Предприняты первые попытки создания истории культурных растений с учетом археологических данных⁴, опыты использования палеоботанического материала как полноценного исторического источника для выяснения путей распространения земледелия, культурных связей, форм земледельческого хозяйства⁵. В этом плане особое значение имеют работы А. В. Кирьянова, в течение многих лет не только проводившего определения сотен палеоботанических образцов из археологических раскопок, но и разработавшего новую методику исследования палеоботанического материала, указавшего на связь характера и степени засоренности зерновых остатков сорняками с техникой и системами земледелия⁶.

Весьма ценными и перспективными являются палеогеографические и палинологические исследования мест древних поселений и их периферии, проводившиеся у нас в последние годы. Такие работы позволяют восстановить характер природной среды и рассматривать древнее земледелие в связи с конкретной экологической обстановкой и теми изменениями, которые происходили в ней благодаря вмешательству человека. Разработка методов определения пыльцы культурных злаков дает возможность использовать палинологические данные для констатации наличия земледелия и определения состава возделываемых растений⁷.

На помощь типологическому изучению сельскохозяйственных орудий из археологических раскопок приходят методы исследования их механических свойств⁸ и функционального назначения орудий по следам ра-

³ Укажем лишь некоторые из них: К. А. Фляксбергер. Хлебные злаки из Ковшаровского городища. «Научные изв. Смоленского гос. ун-та», т. III, вып. 3, 1926; он же. Находки культурных растений доисторического периода. «Тр. ИИИТ», серия 1, вып. 2. М.—Л., 1934; он же. Находки хлебных растений в областях, прилегающих к Черному морю. КСИИМК, вып. VIII, 1940; Т. М. Минаева, А. Д. Фурсаев. Ботанические находки в археологическом материале. «Советская ботаника», 1934, № 3; В. Л. Менабде. Ботанико-систематические данные о хлебных злаках древней Колхиды. «Сообщ. Груз. филиала АН СССР», т. 1, № 9, 1940; С. Туманян. Культурные растения урартского периода в Армянской ССР. «Изв. АН Арм. ССР», серия, естествен. наук, 1944, № 1—2; А. В. Кирьянов. К вопросу о земледелии в Новгородской земле в XI—XII вв. КСИИМК, вып. XLVII, 1952; он же. К вопросу о земледелии волжских болгар. КСИИМК, вып. 57, 1955; он же. Зерна хлебных растений из Мулаали-депе и Хоуз-депе. «Изв. АН Тадж. ССР», 1962, № 2; М. М. Якубцинер. О составе зерновых культур Старой Ладоги. КСИИМК, вып. 58, 1954; А. П. Расиньш. Культурные и сорные растения в материалах археологических раскопок на территории Латвийской ССР. ВЭИИП, т. 1. М., 1959; В. Н. Негруль. Археологические находки семян винограда. СА, 1960, № 1.

⁴ Ф. Х. Бахтеев. К истории культуры ячменя в СССР. МИЗ, сб. II. М.—Л., 1956; М. М. Якубцинер. К истории культуры пшеницы в СССР. Там же.

⁵ Ю. А. Краснов. К истории раннего земледелия в лесной полосе Европейской части СССР. СА, 1965, № 2.

⁶ А. В. Кирьянов. Материалы по истории земледелия из раскопок Гродно. МИА, № 41, 1954; он же. История земледелия в Новгородской земле X—XV вв. МИА, № 65, 1959.

⁷ Г. Н. Лисицына. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. МИА, № 128, 1965; Г. Н. Лисицына, В. М. Массон, В. И. Сарияниди, И. Н. Хлопин. Итоги археологического и палеогеографического изучения Геокюрского оазиса. СА, 1965, № 1; Р. В. Федорова. Применение спорово-пыльцевого анализа при археологических исследованиях. КСИИМК, вып. 72, 1958; она же. О земледельческих культурах в древнем Хорезме по данным пыльцевого анализа. «Тр. Хорезмской комплексной экспедиции», т. IV, 1959; она же. Уничтожение леса и примитивное земледелие в каменном веке по современным экспериментам и пыльцевым анализам. СА, 1962, № 1; А. А. Величко, В. А. Падин, Р. В. Федорова. О комплексном изучении Арельского поселения на р. Десне. СА, 1962, № 2.

⁸ И. И. Никишин. Некоторые замечания о почвообрабатывающих орудиях. КСИИМК, вып. XVI, 1947; В. П. Левашова. Сельское хозяйство. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.» «Тр. ГИМ», вып. 32, 1956; Ю. Ф. Нови-

боты⁹. Эти методы применяются пока в ограниченных масштабах. Однако они намного расширяют возможности археологии в изучении земледелия.

Основное внимание обращалось на изучение земледельческого хозяйства отдельных территорий нашей страны в различные эпохи. Наиболее успешно ведутся исследования земледелия древней Руси. Именно в свете полученных советскими археологами данных окончательно развеян миф о позднем появлении земледелия у славян и его низком уровне в эпоху Киевской Руси, бытовавший в буржуазной историографии. На конкретном археологическом материале установлено, что именно продуктивное земледелие восточного славянства стало одним из краеугольных камней того экономического фундамента, на котором возникла феодальная Киевская Русь, что земледелие восточных славян оказало прогрессивное влияние на эту форму хозяйственной деятельности ряда других народов Восточной Европы. Кроме многочисленных статей, посвященных отдельным памятникам древнерусского земледелия, созданы крупные обобщающие труды¹⁰, рассматривающие характер и развитие древнерусского земледелия в его связи с историей общества, в которых использован и систематизирован большой археологический, исторический и палеоботанический материал.

Плодотворные работы ведутся по изучению античного земледелия. Одним из важнейших достижений советской античной археологии по праву следует считать изучение сельскохозяйственной периферии городов Северного Причерноморья, техники и организации земледелия здесь. Выяснена большая роль земледелия в ряде городов Причерноморья, собран значительный материал о взаимовлиянии античного и местного земледелия в этом районе нашей страны¹¹.

Советскими археологами проделана большая работа по изучению ирригации и орошаемого земледелия в Средней Азии. Получены конкретные данные о характере оросительных каналов и методах их постройки, изучена история развития ирригационных сооружений для некоторых районов, создана ее периодизация. Стала ясной роль орошаемого земледелия как базы развития классового общества. Важно отметить, что эти работы проводятся комплексно археологами, палеогеографами и палеоботаниками¹².

ков. Генезис плуга и этнография. СЭ, 1963, № 2; он же. Механика почвообрабатывающих орудий, экологические условия и этническая специфика. «VII Международный конгресс антропологические и этнографические наук». М., 1964.

⁹ С. А. Семенов. Жатвенные кремневые ножи из поздненеолитического поселения Лука-Врублевская. СА, т. XI, 1959; он же. Древнейшие каменные серпы. СА, т. XXI, 1957; он же. Первобытная техника. МИА, № 54, 1957; Г. Ф. Коробкова. Определение функций костяных и каменных орудий с поселения Джейтун по следам работы. «Тр. ЮТАКЭ», т. X. Ашхабад, 1961; она же. Орудия труда и хозяйства неолитических племен Средней Азии (по данным функционального анализа). Автореферат канд. дисс. Л., 1966.

¹⁰ П. Н. Третьяков. Сельское хозяйство и промыслы. «История культуры Древней Руси», т. I. М.—Л., 1951; А. В. Кирьянов. История земледелия в Новгородской земле X—XV вв.; В. П. Левашова. Сельское хозяйство; В. И. Довженок. Земледелие у восточных славян в I тысячелетии н. э. и в эпоху Киевской Руси. МИЗ, сб. I. М.—Л., 1952; он же. Землеробство древней Руси. Київ, 1961.

¹¹ В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953; С. Ф. Стрелецкий. Клеры Херсонеса Таврического. «Херсонесский сборник», вып. IV. Симферополь, 1961; И. Т. Кругликова. Исследование сельской территории европейского Боспора. СА, 1957, № 1; она же. Исследования сельских поселений Боспора. ВДИ, 1963, № 2; она же. Роль земледелия в античных государствах Северного Причерноморья в ранний период их существования. КСИА, вып. 109, 1967; А. Н. Щеглов. Исследование сельской округи Калос Лимена. СА, 1967, № 3.

¹² Д. Д. Букин и др. История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства. «Хлопковое дело», 1924, № 3-4; Б. А. Латынин. Некоторые вопросы методики изучения истории ирригации Средней Азии. СА, 1959, № 3; он же. Вопросы истории ирригации и орошаемого земледелия древней Ферганы. Л., 1962; Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957; С. П. Толстов, Б. В. Адрианов. Новые материалы по истории развития ир-

Неоценимое значение для изучения ранних этапов земледелия имеет открытие и исследование раннеземледельческих культур Средней Азии¹³, Закавказья¹⁴, дальнейшее всестороннее изучение Триполья, открытие одновременных и предшествовавших ему культур на юго-западе СССР¹⁵. Возраст земледельческого хозяйства на территории нашей страны в свете этих исследований представляется теперь гораздо большим, чем это принято было думать. И хотя характер земледелия этих древнейших очагов производящего хозяйства изучен еще далеко не полностью, сам факт их открытия, всестороннее исследование материальной культуры и связей создают необходимые предпосылки для дальнейших работ по изучению ранних этапов земледельческого хозяйства южных и юго-западных районов нашей страны, их истоков и значения для развития земледелия других территорий СССР.

На основании археологического материала написан ряд статей и монографических исследований о земледелии древних племен Кавказа¹⁶, Прикубанья¹⁷, территории Скифии¹⁸, области распространения черняховской культуры¹⁹, Прибалтики²⁰, Прикамья и Приуралья²¹, Поволжья²², обла-

---

ригации в Хорезме. КСИЭ, вып. XXVI, 1957; Г. Н. Лисицина. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении.

¹³ В. М. Массон. Южнотуркменский центр раннеземледельческих культур. «Тр. ЮТАКЭ», т. X. Ашхабад, 1961; он же. Джейтунская культура. Там же; он же. Средняя Азия и древний Восток. М.—Л., 1964.

¹⁴ О. А. Абибуллаев. Поселение Кюль-Тепе. МИА, № 67, 1959; он же. Археологические раскопки холма Кюль-Тепе. Автореферат канд. дисс. Баку, 1959; О. М. Джапаридзе. Культура раннеземледельческих племен на территории Грузии. «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук». М., 1964.

¹⁵ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949; она же. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднепровья. МИА, № 84, 1961; она же. Новые открытия на территории СССР и вопросы позднеэнеолитических культур Дунайско-Днепровского междуречья. СА, 1958, № 1; С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская. МИА, № 23, 1951; Т. С. Пассек, Е. К. Черныш. Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР. САИ, Б—1—11. М., 1963; В. И. Маркевич. Исследования неолита на Среднем Днестре. КСИА, вып. 105, 1965.

¹⁶ Б. Б. Пиотровский. Основные этапы древнейшего земледелия в Армении. «Историко-филологический журнал», № 3-4, 1951; Т. А. Бунятов. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957; он же. Земледелие в древнем и средневековом Азербайджане. «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук». М., 1964; Н. А. Арутюнян. Земледелие и скотоводство Урарту. Ереван, 1964; В. Г. Котович. О хозяйстве населения горного Дагестана в древности. СА, 1965, № 3.

¹⁷ Н. В. Анфимов. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. МИА, № 23, 1951; Т. М. Минаева. К истории земледелия на территории Ставрополя. «Материалы по изучению Ставропольского края», вып. 10. Ставрополь, 1960.

¹⁸ П. Д. Либеров. К истории земледелия у скифских племен Поднепровья эпохи раннего железа в VI—II вв. до н. э. МИЗ, сб. I. М.—Л., 1952; Б. А. Шрамко. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе. СА, 1961, № 1.

¹⁹ Э. А. Рикман. Находки сельскохозяйственных орудий и зерен злаков на селищах черняховского типа. КСИИМК, вып. 77, 1959; Э. А. Рикман, Э. В. Янушевич. Земледелие у племен черняховской культуры (по материалам памятников Днестровско-Прутского междуречья). «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы». Кишенев, 1966.

²⁰ Х. А. Моора, Х. М. Лиги. К истории сельского хозяйства в Прибалтике в период образования феодальных отношений. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы». Вильнюс, 1964.

²¹ А. В. Шмидт. К вопросу о земледелии в восточноуральском родовом обществе. ИГАИМК, № 106, 1935; В. А. Оборин. К истории земледелия у древних коми-пермяков. СЭ, 1956, № 2.

²² П. Д. Степанов. К вопросу о земледелии древней мордвы. СЭ, 1950, № 3; он же. Из истории земледелия в Нижнем Поволжье (с древнейших времен до XVI в.). «Тр. Саратовского областного музея краеведения», вып. 1, 1956; А. В. Кирьянов. К вопросу о раннеболгарском земледелии. МИА, № 61, 1958.

стей лесной зоны Европейской части СССР²³ и некоторых других районов нашей страны. Разделы о хозяйстве, в том числе — о земледелии, присутствуют теперь в каждой крупной работе, посвященной той или иной археологической культуре или отдельным памятникам²⁴. Это свидетельствует о том, что вопросам истории земледелия уделяют внимание все советские археологи. Несмотря на спорность многих содержащихся в этих работах положений, а подчас — и слабую доказательность их, в научный оборот введены основные археологические данные по истории земледелия значительной части нашей страны, сделаны ценные наблюдения о закономерности развития этой формы хозяйства.

Советские археологи занимались и другой тематикой, связанной с историей земледелия. Разрабатывались вопросы истории отдельных категорий сельскохозяйственных орудий в их связи с развитием земледельческого хозяйства²⁵, проблемы закономерностей исторической смены систем земледелия²⁶. Ряд работ посвящен земледельческим культам, отражению земледелия в календаре²⁷. В советской археологической литературе обсуждались вопросы становления земледельческого хозяйства и закономерностей развития раннеземледельческих племен²⁸, времени возникновения и первичных форм земледелия²⁹, проблема происхождения земледелия в Европе³⁰. Методически интересна начатая недавно работа по конкретному анализу экономики древних земледельцев³¹.

Своеобразным итогом работ советских археологов в области изучения истории земледелия является недавно вышедшая в свет коллективная работа «Возникновение и развитие земледелия», являющаяся первым опытом сводной работы по истории земледелия, написанной на основании археологического материала³².

---

²³ Ю. А. Краснов. К истории раннего земледелия...; он же. О системах и технике земледелия в лесной полосе Европейской части СССР. СА, 1967, № 2; он же. Распространение пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы. СА, 1968, № 2; он же. Земледелие и животноводство в лесной полосе Европейской части СССР во II тысячелетии до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. Автореферат канд. дисс. М., 1966.

²⁴ См., например: А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. ИГАИМК, вып. 119. М.—Л., 1935; А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952; М. Х. Шмидехельм. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955; В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, № 73, 1959; Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, № 118, 1962.

²⁵ С. Н. Бибииков. Из истории каменных серпов на юго-востоке Европы. СА, 1962, № 3; Б. А. Шрамко. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника. СА, 1964, № 4; Ю. А. Краснов. Из истории железных серпов в лесной полосе Восточной Европы. КСИА, вып. 107, 1967.

²⁶ Н. Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе. ИГАИМК, т. XIV, вып. I, 1933; В. М. Слободин. К вопросу о развитии и смене систем земледелия. МИЗ, сб. I. М.—Л., 1952; Ю. А. Краснов. О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Европейской части СССР.

²⁷ Б. А. Шрамко. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Причерноморья. СА, 1957, № 1; Б. А. Рыбаков. Календарь IV в. из земли полян. СА, 1962, № 4; он же. Космогония и мифология земледельцев энеолита. СА, 1965, № 1, 2.

²⁸ В. С. Титов. Первое общественное разделение труда. Древнейшие земледельческие и скотоводческие племена. КСИА, вып. 88, 1962; И. Н. Хлопин. Некоторые вопросы развития древнейших земледельцев. «Исследования по археологии СССР», Л., 1961.

²⁹ Ю. Ф. Новиков. О возникновении земледелия и его первоначальных формах. СА, 1959, № 4.

³⁰ В. С. Титов. Древнейшие земледельцы в Европе. «Археология Старого и Нового Света». М., 1966.

³¹ С. Н. Бибииков. Хозяйственно-экономический комплекс развитого триполья (опыт изучения первобытной экономики). СА, 1965, № 1.

³² «Возникновение и развитие земледелия». М., 1967.

Таким образом, только в советский период археология в нашей стране смогла подойти к конкретному разрешению проблем одной из важнейших сторон производства древности — земледельческого хозяйства. По сути дела, почти все те знания, которыми мы располагаем ныне о древнем земледелии на территории нашей страны, получены советской археологией. Важнейшие итоги работ в этом направлении — накопление большого фактического материала и введение его в научный оборот, построение первых опытов периодизации истории земледелия, создание ряда обобщающих работ по истории этой отрасли хозяйства отдельных областей нашей страны в различные эпохи, выяснение роли земледелия в развитии общества, его культуры, в сложении классовых отношений, выработка и успешные опыты применения данных естественных наук для решения вопросов истории земледелия.

Достигнутые успехи отнюдь не означают, что все или большинство проблем, связанных с историей земледелия, решены или находятся в стадии разрешения. С сожалением приходится констатировать, что о земледельческом хозяйстве древних племен мы знаем, пожалуй, меньше, чем о любой другой отрасли хозяйственной деятельности, хотя бы и игравшей меньшую роль в жизни людей. Ярким примером этого может служить следующий факт: до сих пор нет полной ясности в вопросе о характере земледелия такой прекрасно изученной археологической культуры, как трипольская, хотя ведущая роль земледелия в хозяйстве трипольцев не вызывает сомнений. Что же и говорить о других древних племенах, в хозяйстве которых земледелие играло значительно меньшую роль!

Это положение в значительной мере объясняется хорошо известными объективными трудностями изучения земледельческого хозяйства по археологическим данным. Их преодоление лежит на пути значительно более широкого, чем сейчас, целенаправленного внедрения в практику археологии таких современных методов исследования, как палеоботанический и палинологический анализ, изучение следов работы на древних орудиях и определение их функционального назначения. До сих пор никто не занимался у нас систематическим просмотром массового керамического материала с целью выявления отпечатков зерен культурных растений, хотя таким путем могут быть получены новые и интересные данные об истории культурных растений.

Но дело не только в объективных трудностях. Лишь незначительная часть археологов занимается историей земледелия, историей земледельческих орудий, систем земледелия, историей культурных растений в связи с развитием земледельческого хозяйства. Большинство исследователей касаются этих вопросов попутно, при изучении отдельных археологических культур, обычно в относительно узких хронологических рамках. Между тем создание подлинно научной истории древнего земледелия, выявление общих закономерностей его возникновения, распространения и развития требует специального исследования в широких хронологических рамках и на широкой территории. Крайне важно усиление целенаправленных лабораторных исследований уже имеющегося материала для его правильного истолкования и исторического осмысления.

История земледелия древних обществ была и остается предметом исследования прежде всего археологов. Но она требует комплексного изучения, широкого привлечения данных других дисциплин — биологии, агрономии, этнографии и др. Данные этих наук должны дополнять археологический материал. Так, генетика и география растений могут дать ценнейшие сведения о возможных путях формирования культурных растений и очагах их происхождения, о сходстве и различии их в отдельных экологических и историко-культурных областях. Не могут быть плодотворными усилия археологов по восстановлению методов ведения земледельческого хозяйства в древности без широкого привлечения данных агрономической

науки и теории почвообрабатывающих орудий. Неоценимую помощь в создании истории древнего земледелия может оказать этнография. В ряде случаев этнографический материал может и должен стать отправным пунктом в воссоздании картины древнего земледельческого хозяйства. Речь идет не о привлечении отдельных случайных аналогий, а о применении к данному конкретному случаю общих закономерностей развития древнего земледельческого хозяйства, которые прослеживаются у всех или у большинства народов. К сожалению, далеко не все такие закономерности выявлены и этнографами. Очень важным, на наш взгляд, является выделение по этнографическим материалам таких признаков в материальной культуре, которые были бы характерны для определенных стадий развития земледелия и определенных его форм и в то же время в достаточно массовом количестве обнаруживались бы в археологическом материале. Это намного обогатит возможности археологии в деле изучения истории земледелия. К сожалению, такой комплексный подход к проблемам древнего земледелия далеко не всегда наблюдается в нашей науке.

Обратимся к некоторым общим проблемам истории земледелия, которые представляются нам наименее разработанными или вызывающими различные толкования, но без решения которых изучение истории древнего земледелия нашей страны не может успешно развиваться.

Ряд нерешенных вопросов связан с проблемой возникновения земледелия. Существует значительное расхождение между археологической датировкой этого события (ранний неолит) и биологическими данными о возрасте большинства культурных растений, который многими исследователями исчисляется подчас десятками тысячелетий³³ и во всяком случае относится ко времени задолго до начала неолита³⁴. Конечно, археология располагает более точными данными для датировок таких явлений, чем биология. Однако нельзя сбрасывать со счетов веские данные ботаники, тем более, что наша наука не выработала пока четких критериев определения начала земледелия по археологическим данным. Приведу лишь два примера. Весьма многочисленные находки жатвенных ножей известны в настоящее время в мезолите некоторых областей Передней Азии (Натуф, Белдиби и др.). Обычно они истолковываются как орудия для срезания диких злаков — ячменя и пшеницы, т. е. как свидетельства развитого и специализированного собирательства. По-видимому, это — заблуждение. Дикие злаки убирать серпом или жатвенным ножом нельзя из-за большой ломкости их колосковых стержней и крайне легкой самоосыпаемости зерен еще до полного созревания. Это является биологически важным и необходимым для диких растений признаком, приспособлением для самосева. Утрата этого признака должна рассматриваться как скачкообразное новообразование, появившееся, вероятно, под влиянием культуры³⁵. Очевидно, таким образом, наличие жатвенных ножей должно свидетельствовать об определенной, отнюдь не начальной фазе в истории культурных растений, а следовательно — и земледелия. Но тогда возникновение земледелия отодвигается по крайней мере на эпоху мезолита. Другой пример. Наиболее ранние находки остатков метельчатого проса (*Panicum miliaceum* L.) в археологическом материале сделаны на севере Балканского полуострова и в триполье, где датируются V—IV тыс. до н. э. Но родину этого вида проса следует искать в районах, прилегающих к Центральной Азии, где обнаружено наибольшее

³³ Н. И. Вавилов. Центры происхождения культурных растений. «Тр. по прикладной ботанике и селекции», т. XVI, вып. 2, Л., 1926, стр. 137; В. Л. Комаров. Происхождение культурных растений М.—Л., 1938, стр. 72; П. М. Жуковский. Культурные растения и их сородичи. М., 1950, стр. 65.

³⁴ В. А. Менабде. К истории культуры пшеницы. «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук». М., 1964.

³⁵ П. М. Жуковский. Указ. соч., стр. 67, 103 и др.

разнообразие известных его разновидностей³⁶. Только оттуда этот злак мог попасть в Европу, причем не через страны Передней Азии, как большинство других растений, ибо здесь нет столь ранних находок проса. Вероятно, путь его распространения проходил севернее — через Причерноморье. Значит, племена этого района уже в V тыс. до н. э., если не раньше, должны были знать земледелие. Но археология такими данными пока не располагает. Эти примеры дают ясное представление о том, насколько важны для нас выработка критериев наличия земледелия по археологическому материалу и усиление работ по целенаправленному выявлению остатков культурных растений в материалах раскопок. Возможно, что такие работы позволят значительно удревнить начало земледелия и включить в районы распространения древнейшего земледелия новые территории, в том числе и в пределах нашей страны.

Важен и другой вопрос — о центрах возникновения земледелия в Старом Свете. Очевидно, таких центров было несколько, и они в большей или меньшей степени совпадают с центрами современного сортового многообразия культурных растений, выделенных Н. И. Вавиловым и его последователями³⁷. Один из таких центров находится в Передней Азии; археологические и биологические данные о нем полностью совпадают³⁸. Другой центр (или центры) следует искать в районах, прилегающих к Центральной Азии, где были, по-видимому, в очень раннее время доместифицированы просо, некоторые виды ячменя и другие растения. Как с точки зрения ботаники, так и археологически этот возможный очаг формирования многих важных культурных растений и возникновения земледелия еще слабо изучен, хотя его значение для распространения этого вида хозяйства на территории нашей страны могло быть огромным.

Важной и пока еще далеко не разработанной у нас темой является история культурных растений, которые со времени появления земледелия стали необходимым составным элементом человеческой культуры. Их возникновение и развитие, распространение из относительно ограниченных районов первоначального формирования по огромным пространствам Старого и Нового Света есть результат целенаправленной хозяйственной и научной деятельности человека. Поэтому история культурных растений есть часть истории человеческого общества, а сама проблема их возникновения, развития и распространения представляет не только биологическую, но и историческую проблему. Эта проблема не может быть решена без самого широкого участия археологов. Более того, создание древней истории культурных растений в их связи с историей общества и его хозяйства — дело прежде всего историков древнего общества, археологов. Ее разработка требует обобщения и исторической интерпретации уже накопленных данных, а также усиления целенаправленных палеоботанических и палинологических исследований прежде всего в тех районах, через которые земледелие распространялось в пределы нашей страны и которые до сих пор остаются слабо изученными в этом отношении. Это — Средняя Азия, Кавказ в широком понимании, Северное Причерноморье. Следует заметить, что в зарубежной археологии в этом направлении делаются большие усилия, появилась особая отрасль науки — палеоэтноботаника, занимающаяся историей культурных растений в связи с историей человеческого общества³⁹. Однако в своих работах зарубежные исследователи почти

³⁶ Н. И. Вавилов. Центры происхождения культурных растений, стр. 51—53; П. М. Жуковский. Указ. соч., стр. 148.

³⁷ Н. И. Вавилов. Центры происхождения культурных растений; он же. Проблема происхождения мирового земледелия в свете современных исследований. М.—Л., 1932.

³⁸ В. С. Титов. Первое общественное разделение труда; В. М. Массон. Средняя Азия и древний Восток.

³⁹ H. Helbaek. Die Paleethnobotanik des Nahen Ostens und Europas. «Opuscula ethnologica memoriae Ludovici Biroscra». Budapest, 1959.

полностью игнорируют палеоботанические исследования на территории нашей страны, что создает искаженную картину распространения земледелия.

Целый комплекс нерешенных или спорных вопросов связан с проблемой истории и основных закономерностей развития земледельческой техники. Один из них — о технике земледелия до появления плуга⁴⁰. В нашей науке господствует точка зрения о мотыге как древнейшем и единственном орудии обработки почвы на ранних этапах развития земледелия и об особой, всеобщей стадии мотыжного земледелия, предшествовавшей земледелию пашенному⁴¹. Вряд ли эта точка зрения верна, во всяком случае в ее категоричной форме. Она противоречит современным данным этнографии, свидетельствующим о существовании различных форм земледелия, характеризующихся применением иных ручных орудий для первичной обработки земли, игнорирует ряд археологических данных о распространении в древности разнообразных орудий для вскапывания земли — от простой «палки-копалки» до орудий для проведения борозд типа кельтского *cashgrom'a* и функционально сходных с ним⁴². Против нее говорят и некоторые лингвистические данные, указывающие, что в ряде языков термины «копать», «рыть» были перенесены на действие, производимое пахотными орудиями. Но мотыгой не роют и не копают; для обозначения действия, производимого мотыгой, в этих языках существуют особые понятия. Следовательно, не мотыга, а иное, роющее, копающее орудие типа лопаты играло важнейшую роль в доплужном земледелии этих народов. Разрешение этого спорного вопроса лежит на путях приведения в соответствие этнографических и археологических данных по вопросам техники древнего земледелия. Большую роль должны сыграть исследования механических свойств и функционального назначения древних почвообрабатывающих орудий. Свое слово должны сказать и производственные эксперименты.

Важной вехой в истории земледелия явилось изобретение плуга. Следует предполагать, что это событие впервые произошло в древних очагах земледельческого хозяйства, в частности на Ближнем Востоке. Однако полной ясности о времени появления упряжных пахотных орудий, о времени и путях их распространения в Старом Свете, в том числе и на территории нашей страны, пока нет. Главная причина в том, что остатки древних плугов, изготовлявшихся из дерева, их изображения и следы древних пашен встречаются лишь случайно и далеко не везде, где можно предполагать наличие пашенного земледелия. Больших надежд на увеличение числа подобных находок нет. Очевидно, следует искать иные, косвенные данные о применении плуга в древности. По этнографическим и археологическим данным следует искать такие культурные явления, которые, с одной стороны, бесспорно сопутствуют пашенному земледелию и не характерны для племен, не знающих такового, а с другой стороны — в значительном количестве представлены в археологическом материале. Только таким путем можно будет более или менее точно выяснить время появления плуга, пути его распространения, проверить возможность самостоятельного возникновения упряжных пахотных орудий в различных районах. Первые опыты в этом направлении имеются⁴³, но они требуют дальнейшего усовершенствования.

⁴⁰ Здесь и далее слово «плуг» употребляется в широком смысле, обозначая все вообще типы упряжных пахотных орудий.

⁴¹ См., например: В. М. Слободин. К вопросу о развитии и смене систем земледелия, стр. 23, 51, 77; В. И. Довженко. Землеробство древней Руси, стр. 95.

⁴² Ю. А. Краснов. О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Европейской части СССР.

⁴³ Ю. А. Краснов. О возникновении пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы.

Тесно связан с этой проблемой и вопрос о типах древних плугов, их эволюции, местных особенностях и хронологических отличиях, не разрабатывающийся у нас ни археологами, ни этнографами. Далеким формальным является и вопрос о генезисе плуга, о том, из какого ручного орудия возник первый плуг: из мотыги, лопатообразного орудия или орудия для проведения борозд. Решение его — важное звено в выяснении техники доплужного земледелия.

Очень мало данных имеется по вопросу о времени появления других земледельческих орудий: бороны, молотильной доски, цепа и т. п. Очевидно, эти вопросы должны решаться не только на основании прямых археологических данных, но и косвенным путем, как и вопрос о появлении и распространении упряжных пахотных орудий.

Внесение ясности в сложные вопросы техники древнего земледелия даст ключ и к решению вопросов о системах земледелия, приемах и методах ведения земледельческого хозяйства, о которых в нашей науке имеется лишь самое общее представление. Ждут еще обоснованного разрешения вопросы о том, было ли первой формой земледелия орошаемое (при естественном орошении), богарное, подсечное или с использованием открытых пространств, где и как сложились эти формы земледелия и многие другие.

В этом плане представляется перспективным изучение систем и методов ведения земледельческого хозяйства, исходя из типов употреблявшихся в тот или иной период почвообрабатывающих орудий⁴⁴, а также по следам древних полей. Последние, к сожалению, известны у нас только в Сибири и Средней Азии, но и там не изучались в должной мере. В силу ряда причин следы древних полей вряд ли могут быть обнаружены на большей части территории нашей страны. Но их открытие при внимательном отношении исследователей можно ожидать в некоторых районах Прибалтики.

Во всей полноте, с учетом всех археологических, палеоботанических и этнографических данных должен быть решен вопрос о путях распространения земледелия на территории нашей страны. Пока в советской археологии затронуты лишь отдельные звенья этой сложной проблемы. В частности, совсем не затрагивался вопрос о том, как и в каких формах навыки ведения земледельческого хозяйства передавались от одних народов к другим. Естественно, что такой вопрос может решаться лишь с учетом этнографических данных.

Весьма перспективным аспектом изучения древнего земледелия представляется выделение локальных особенностей его в отдельных районах (по составу возделываемых культур, особенностям сельскохозяйственной техники, системам земледелия, приемам ведения земледельческого хозяйства и т. п.). Изучение таких различий может дать многое как для понимания связи экологии с технологией земледелия, так и для изучения этнической истории. Ведь особенности земледельческой культуры разных народов, складывающиеся в определенных исторических условиях и детерминируемые прежде всего социально-экономическими условиями и природной средой, при определенных условиях на длительное время закрепляются традицией и могут стать отражением этнической специфики данного народа. Этот вопрос в последнее время оживленно дискутируется как у нас, так и за рубежом, преимущественно в этнографической литературе, причем высказаны диаметрально противоположные взгляды⁴⁵.

---

⁴⁴ Ю. Ф. Новиков. Генезис плуга и этнография; он же. Механика почвообрабатывающих орудий, экологические условия и этническая специфика.

⁴⁵ Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков. Некоторые вопросы агроэтнографических исследований. СЭ, 1967, № 1; Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов. Некоторые проблемы агроэтнографии Юго-Восточной Азии. СЭ, 1967, № 3.

Большой материал в этом плане может дать и археология⁴⁶. Эта проблема интересна не только для истории земледелия, но и в общетеоретическом плане.

Следует упомянуть и такую проблему, как влияние развития земледелия на рост народонаселения, что явилось одним из важнейших факторов развития человеческой культуры. В нашей науке эта тема совершенно не затрагивалась, хотя материал для ее разработки имеется.

Таков далеко не полный перечень нерешенных проблем, стоящих перед историками раннего земледелия. Эти проблемы настолько многообразны и сложны, что потребуют объединенных усилий коллектива исследователей-археологов и представителей других дисциплин, который специально занимался бы разработкой проблем истории раннего земледелия, координировал и обобщал ведущиеся в этом направлении работы.

Разработка истории земледелия древних племен и народов нашей страны, безусловно, является одной из важнейших задач археологической науки, и решение этой задачи требует самого пристального внимания.

---

⁴⁶ Ю. А. Краснов. Земледелие и животноводство в лесной полосе Европейской части СССР; он же. О некоторых сторонах балто-финно-угорских взаимоотношений в западной части Волго-Окского междуречья. КСИА, вып. 119, 1968.

Е. Н. ЧЕРНЫХ

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙШЕЙ МЕТАЛЛУРГИИ В СССР ЗА 50 ЛЕТ

Изучение истории древнейшей металлургии всегда складывалось из исследования трех основных тем: 1) внешних признаков конечного продукта металлургического производства — металлического инвентаря, т. е. назначения, форм и размеров предмета; 2) внутренних и скрытых от невооруженного глаза исследователя признаков — химический состав металла и технология производства изделия; 3) развития горного дела и выплавки металлов.

Под древнейшей мы понимаем здесь металлургию меди и бронзы эпохи раннего металла. Настоящий обзор не коснется более поздних эпох — раннего железа и средневековья. Такой подход и выбор обусловлен преимущественно тем исключительным значением, которое имели и имеют сейчас металлические находки для решения ряда кардинальных вопросов первобытной истории нашей страны (хозяйство, хронология, связи). В изучении истории позднейших периодов металл уже никогда не играл подобной роли.

Первое появление металла в быту древних общин, возникновение металлургии и металлообработки знаменовало собой их переход к новому техническому и хозяйственному этапу развития. В этот момент по сравнению с предыдущими периодами резко возрастает роль близких и особенно далеких связей и диффузий. Локализация производства меди, вызванная ограниченностью минеральных ресурсов этого металла, способствует развращиванию древней меновой торговли в таких широких масштабах, которые до тех пор были неизвестны. Металл передвигался с людьми, осуществлявшими обмен и вместе с этим вольно или невольно разносившими новые идеи и технические новшества. Чрезвычайно расширялся кругозор человека.

Роль этих контактов, обменов и диффузий в ускорении технического и социального развития человеческого общества вряд ли была меньшей, нежели эффект от простого повышения производительности труда, вызванного применением нового, высококачественного рабочего материала, на что преимущественно и делался упор в прошлых и даже сравнительно недавних работах. Мне кажется, что теперь можно подходить к этому вопросу с более правильных позиций.

Открытие металлургии привело к первому радикальному изменению взгляда человека на неизменность и постоянство окружающей его мертвой природы. Впервые один из ее продуктов — зеленый камень — мог быть превращен человеческими руками в красное тяжелое и ковкое вещество — медь.

С открытием металлургии начинается производство металла в ряде горнометаллургических областей и центров (ГМО и ГМЦ). Эти области получают новый и мощный толчок к развитию своей материальной культуры. Металл и металлические орудия, растекаясь из таких производящих очагов, охватывают обширнейшие территории, лишенные своих рудных богатств, где население не имело возможности заниматься собственной металлургией. Так на обширных пространствах появлялись металлические изделия сходных форм и собственная металлообработка, развивавшиеся в том русле, которое им диктовалось доминирующими здесь ГМО или ГМЦ. Определяя район такого доминирования, археологи в состоянии выделять во многих случаях так называемый хронологический круг, где типологическое развитие инвентаря проходило в принципиально сходном направлении. Так, путем комбинирования данных типологического изучения инвентаря и выявления системы металлических импортов можно создавать достаточно надежные хронологические схемы. Ведь металл для многих районов, лишенных стратифицированных памятников типа ближневосточных или балканских многослойных теллей, является в раннюю эпоху бесспорной основой для хронологических построений.

Прослеживая пути распространения металла из определенных источников или даже производящих центров и очагов, можно фиксировать древние пути связей, а иногда и передвижений отдельных групп населения. Это же позволяет судить и о направлениях культурных влияний и воздействий, которые столь часто наблюдаются в эпоху раннего металла и охватывают огромные географические районы. Можно сказать больше: географическое распространение металла отдельных очагов и центров являлось своеобразным индикатором родства или близости человеческих общностей — культурной, а возможно и этнической. Во всяком случае на заре истории металлургии при торговых обменах такое родство предпочиталось близости географической. Иначе будет трудно объяснить те факты, при которых металл явно худших технических характеристик, привозимый за тысячи километров, предпочитался лучшим сплавам, производившимся поблизости. В этих случаях наиболее рельефно выступает культурная отчужденность соседних групп населения и, наоборот, близость общего облика культуры у отдаленных, которые были связаны активным металлическим обменом.

Почти не принималось, да и сейчас не принимается в расчет то, что производство металла и торговля им были тогда одним из основных источников накопления богатств для производящего населения. Называя обычно в качестве таковых источников ведущие отрасли древнего хозяйства — скотоводство и земледелие, — никто не проводил даже приблизительных сравнений по этому вопросу. Да, впрочем, он даже и не ставился по-настоящему в нашей литературе.

Теперь же нам предстоит проследить за основными вехами того, как складывались и развивались эти взгляды, как советские исследователи подошли к современному методическому уровню разрешения ставящихся задач¹.

Русская дореволюционная наука оставила крайне мало работ, которые могли бы служить базой для последующих исследований. Здесь можно отметить лишь сравнительно робкие попытки описательного характера, подобные, например, сводке приуральского металла, опубли-

¹ Вопросы металла и, особенно, его типологии чрезвычайно широко освещаются и дебатуются на страницах всех работ, в которых в той или иной степени затрагиваются его находки. Невозможность их сколько-нибудь полного учета в надлежащей мере заставляет нас ограничиться лишь теми исследованиями, которые посвящены исключительно историко-металлургической тематике, хотя ряд общенсторических работ содержит прекрасные разделы по этим темам.

кованной в начале нашего века А. А. Штукенбергом. И хотя мы не должны преуменьшать значение работ такого типа, нетрудно заметить отсутствие в них настоящих типологических построений и широты сравнений. Пожалуй, большее значение для дальнейшего развития советской истории металлургии могли иметь работы некоторых зарубежных ученых, исследовавших российские древности и преимущественно кавказские (например, Е. Шантр и особенно Ж. де Морган). Здесь — и привлечение аналитического материала по древним бронзам, и широкий учет рудной базы.

Большое значение, конечно, для понимания роли древнейших металлических орудий в изучении человеческого общества имели прежде всего работы В. А. Городцова, А. А. Спицына, А. М. Тальгрена и др. Ими, однако, на первый план выдвигалось типологическое изучение металлических находок. Именно тогда и зародилась ставшая ныне традиционной форма рассмотрения металлических находок в специальных главах и разделах общих работ.

Намного бледнее выглядела тема, связанная с химическим составом металла и древней технологией. Химические анализы древнего металла были немногочисленны и неполны. Они производились преимущественно Г. Струве и Д. А. Сабаневым в конце прошлого века, а в начале нашего — В. А. Скиндером. Ему же принадлежали попытки определения технологии изготовления предмета по удельному весу металла. Но справедливость требует отметить, что долгое время эти химические анализы, особенно по кавказским материалам, были единственными и приводились позднее многими авторами, вплоть до работ 1935 г. Так обстояло дело с той базой, на которой советским ученым предстояло развивать проблемы истории древнейшей металлургии.

Оглядываясь на путь, который проделала за 50 лет история древнейшей металлургии в СССР, прежде всего бросается в глаза, что за это время ею были пережиты два подъема. Первый из них был пройден в начале и середине 30-х годов, второй, начавшись в середине 50-х годов, продолжается и сейчас. Оба эти подъема наилучшим образом иллюстрируются обилием статей по разбираемой тематике, а в последнее время даже — монографий.

Длительное же время, по крайней мере до начала 30-х годов, историко-металлургические вопросы не ставились в качестве первостепенных. Все изучение древнейшего металла сводилось преимущественно к публикации отдельных находок, а также к сообщениям о древних рудниках (А. С. Федоровский, Б. Н. Наследов, В. А. Королев).

Сильнейшим стимулятором развития истории металлургии всегда было внедрение в археологию методов естественных наук — спектроскопии и металлографии. Об этом свидетельствует даже поверхностный анализ всех этапов истории металлургии как в СССР, так и за рубежом.

В феврале 1933 г. В. В. Данилевским, руководителем аналитических работ над древним металлом в СССР в ГАИМК был сделан доклад, касающийся их методических обоснований. Сами же анализы были начаты в сравнительно больших масштабах в августе 1933 г. В мае 1933 г. под руководством академика И. И. Мещанинова была создана особая комиссия металлов при ГАИМК. Задачами комиссии являлись «... возможность и необходимость постановки таких исследований, которые, кроме их общенаучного значения, могли представлять практический интерес для народного хозяйства»². Прежде всего комиссию интересовали золото и олово. Медь отодвигалась на второй план. Комиссия работала в тесном контакте с геологическими учреждениями. К работе в ней были привлечены археологи, технологи, историки. В тесном контакте с кафедрой археологической

² А. А. Иессен. Общий отчет (работа комиссии металлов). ИГАИМК, вып. 110, 1935, стр. 158.

технологии Института археологической технологии при ГАИМК она приступила к изучению древнейшей металлургии на новом техническом и методическом уровне. Особо активную роль в этой группе исследователей, кроме В. В. Данилевского, руководившего кафедрой, играли А. А. Иессен, Т. С. Пассек, М. П. Грязнов, А. В. Шмидт.

Группа пыталась построить свои работы на основе чрезвычайно четкой программы, изложенной в свое время В. В. Данилевским³ и А. А. Иессеном⁴. Исследователи видели основные задачи своей работы в следующем: проработка геологических данных о месторождениях, изучение письменных источников о рудных разработках, выявление этих разработок, изучение техники древних горных работ и металлообработки, выявление районов изготовления металлов и сплавов, историко-химическое изучение археологических материалов, привлечение языковых и этнографических данных для сопоставления с историческими фактами. Каждый пункт настоящей программы должен был обеспечиваться особыми специалистами, а также лабораторно-аналитической базой. Подобной четко спланированной программы не имела в те годы ни одна исследовательская группа в странах Западной Европы.

Не менее четкими были и представления кафедры археологической технологии в области химико-спектрального исследования древних бронз. «При разработке методики количественного анализа древних бронз, — писал В. В. Данилевский, — мы стремились обеспечить следующие, в значительной степени противоречивые, условия: максимум точности при минимальных размерах навески и при возможно меньшей затрате времени». Сформулированные здесь задачи не утратили своей актуальности и по сегодняшний день. В. В. Данилевский подразделял анализы древнего металла на два этапа: 1) качественный анализ, играющий вспомогательную роль и выполняемый с помощью спектрального анализа; 2) количественный анализ, выполняемый с помощью микро- или макрохимических методов⁵. И если вспомнить, что первые спектральные анализы археологического металла были опубликованы немецкими физиками и металлургами В. Виттером и Й. Винклером лишь в 1933 г., то намного яснее станет значение работ, развернувшихся в те годы в Советском Союзе. Правда, с самого начала наши и немецкие исследователи пошли в аналитических работах по несколько отличным путям. В Германии были применены количественные спектральные анализы, бывшие тогда весьма прогрессивным новшеством. В. В. Данилевский использовал тогда еще качественные. Количественные спектральные анализы впервые применил в СССР И. Р. Селимханов спустя 20 лет. Однако, качественные спектральные анализы применяются до сих пор многими историко-металлургическими лабораториями и группами. В частности, такая крупная и активная группа, как австрийская, до сих пор пользуется этим методом.

Прошло совсем немного времени, и результаты не замедлили сказаться. 1935 год ознаменовался рядом печатных работ: отчет о работе комиссии металлов (авторы — А. А. Иессен, Т. С. Пассек, А. Н. Зограф, М. П. Грязнов, А. В. Шмидт, В. В. Данилевский)⁶, сборник А. Ф. Гушиной, В. В. Данилевского, В. И. Кононова, А. А. Лаптева и Г. М. Петренко⁷ и, наконец, монография А. А. Иессена⁸.

³ В. В. Данилевский. О методике исследований древних бронз. ИГАИМК, вып. 121, 1935, стр. 12.

⁴ А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 159, 160.

⁵ В. В. Данилевский. Указ. соч., стр. 14—21.

⁶ «Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 г.». ИГАИМК, вып. 110, 1935, стр. 158—252.

⁷ «Методика химико-аналитического исследования древних бронз». ИГАИМК, вып. 121, 1935.

⁸ А. А. Иессен. К истории древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120, 1935.

Все эти работы характеризовали различные стороны деятельности исследовательской группы. Различной оказалась и дальнейшая судьба выпусков. «Методика химико-аналитического исследования» оказалась вскоре забытой, так как кафедра археологической технологии распалась, а позднейшие исследователи уже пользовались новейшими методами. Из отчета комиссии по металлам сохранили свое значение сводки золотых и оловянных предметов по Кавказу, Алтаю и Северу Европейской части СССР. Наибольшее значение, безусловно, имела в те и последующие годы работа А. А. Иессена о древнейшей металлургии Кавказа, к которой и сегодня охотно прибегают специалисты-кавказоведы.

В том же 1935 г. распались все группы, созданные в 1933 г. Какое-то время в ГАИМК—ИИМК продолжали проводить химические анализы некоторые из аналитиков (А. А. Лаптев), сотрудничавших еще с В. В. Данилевским. Большинство из исследователей отошло от историко-металлургической тематики. Верным ей на протяжении всех последующих лет своей жизни остался А. А. Иессен. Лишенный аналитической базы, он был вынужден в своих работах обращаться преимущественно к типологии инвентаря и к архивным данным по горным выработкам. Основная его деятельность была связана с Кавказом, чья металлургия от ее древнейших форм вплоть до раннежелезных была им изучена с завидной доскональностью и тщательностью. Для его построений были характерны логичность и строгость создаваемых схем, умение давать верную оценку фактам. Эти черты обеспечили долголетие его мыслям и выводам. Ведь и по сей день остается верным его подразделение кавказской металлургии на три основных этапа. Сохраняет свою актуальность и его районирование северокавказского позднебронзового инвентаря⁹. Его первая книга может и до сих пор служить во многих деталях образцом методической выдержанности.

Итак, первый подъем, столь быстро и бурно начавшийся, столь же внезапно и закончился, не успев принести всех ожидаемых плодов. Изучение древнейшей металлургии вновь отступило на второй план, а металл по-прежнему стал рассматриваться, в соответствие со ставшей традиционной формой, в отдельных разделах и главах общих работ.

Такой неожиданный спад был тем более досаден, что именно тогда у советской истории металлургии была явная возможность выйти на передовые рубежи в мировой науке. Но эта возможность была потеряна. И уже через несколько лет вслед за нашими и немецкими учеными сначала в Австрии и Англии, а затем и в некоторых других странах начал бурно развиваться спектральный анализ на службе археологии. Второй подъем в историко-металлургических исследованиях СССР начался уже в тех условиях, когда многие зарубежные группы и лаборатории имели солидные достижения и опыт в использовании этого метода. Советские же исследования были начаты вновь, так как ввиду большого перерыва была утрачена столь необходимая здесь научная преемственность.

В промежутке между первым и вторым подъемами, как мы уже говорили, продолжал работы А. А. Иессен. Кроме них, следует отметить методически новые и важные по своей результативности исследования древних медных, золотых и оловянных рудников, проведенные в широком масштабе в Казахстане и Рудном Алтае С. С. Черниковым¹⁰. Этими работами начали создаваться представления о реальной рудной базе древнего населения обследованных областей в эпоху бронзы. С. С. Черников в 1951 г. опубликовал также серию химических анализов древнеказах-

---

⁹ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, № 23, 1951.

¹⁰ С. С. Черников. Древняя металлургия и горное дело западного Алтая. Алма-Ата, 1949.

станских и некоторых других материалов, проделанных до войны группой аналитиков ГАИМК—ИИМК¹¹.

Подъем 50—60-х годов начался не так бурно, как в 30-е годы. Первые его признаки проявились в республиках Закавказья—Грузии и Азербайджане, когда начали регулярные исследования древнейшего закавказского материала некоторые группы ученых. Вначале в стенах Института горного дела и металлургии АН ГрузССР Ф. Н. Тавадзе, Т. Н. Сакварелидзе, В. Ф. Баркая и др. провели первые химические, спектральные и металлографические анализы¹².

Химико-реставрационная лаборатория Государственного музея Грузии, возглавляемая Р. А. Бахтадзе, так же, как и первые исследователи, сосредоточила свои усилия на химико-технологических характеристиках цветного металла древнейшей поры, для чего и проводились химические количественные анализы материалов с территории Грузии¹³.

Практически те же задачи поставил перед руководимой им лабораторией археологической технологии Института истории АН АзССР И. Р. Селимханов. Однако решение их производилось уже с помощью разработанного им количественного спектрального анализа. Металлографических исследований в этой лаборатории до последнего времени не проводилось. Зато очень большое внимание уделялось чисто методическим аспектам аналитических работ. Итоги первых поисков были подведены в книге И. Р. Селимханова¹⁴.

В 50-е годы несколько небольших работ с использованием разнохарактерных и зачастую неполных химических анализов выпустил Л. И. Каштанов. Анализы производили различные лаборатории, не связанные с археологической практикой. Скорее всего, это и послужило основной причиной их ошибочности, выверенной позднее рядом спектральных лабораторий.

В те же годы начали функционировать спектральные и металлографические лаборатории при кафедре археологии МГУ и в Ленинградском отделении ИА АН СССР. Лаборатория МГУ, созданная по инициативе Б. А. Колчина, вначале разрабатывала проблемы истории стеклоделия (Ю. Л. Шапова) и технологии средневековых железных и бронзовых изделий (Б. А. Колчин), а также выполняла функции учебного центра. Но позднее пришедшая в лабораторию Н. В. Рындина занялась металлографическим изучением древнейшего в северо-западном Причерноморье трипольского металла¹⁵.

Химико-спектральная лаборатория ЛОИА (И. В. Богданова-Березовская, Д. В. Наумов, В. Н. Сидоров) в начале своей работы ориентировалась на сибирские и, отчасти, среднеазиатские материалы. Сотрудниками лаборатории опубликован ряд статей по методике исследований, спектральным и металлографическим анализам минусинских, среднеазиатских и западноказахстанских бронз¹⁶.

---

¹¹ С. С. Черников. К вопросу о составе древних бронз Казахстана. СА, XV, 1951.

¹² Ф. Тавадзе и Т. Сакварелидзе. Бронзы древней Грузии. Тбилиси, 1958.

¹³ Ц. Абесадзе, Р. Бахтадзе, Т. Двали и О. Джапаридзе. К истории медно-бронзовой металлургии Грузии. Тбилиси, 1958, на груз. яз.

¹⁴ И. Р. Селимханов. Историко-химические и аналитические исследования предметов из медных сплавов. Баку, 1960.

¹⁵ Н. В. Рындина. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы (по материалам трипольской культуры). Автореферат канд. дисс. М., 1967.

¹⁶ Например: И. В. Богданова-Березовская. Химический состав металлических предметов из Минусинской котловины. Новые методы в археологических исследованиях. М.—Л., 1963; Д. В. Наумов. Производство и обработка древних медных и бронзовых изделий Минусинской котловины. Там же.

В 1960 г. начинает функционировать спектральная лаборатория ИА АН СССР в Москве (Е. Н. Черных, Т. Б. Барцева), которая проводит обширные сборы и анализ материала¹⁷.

Помимо этих групп и лабораторий, начинают активные исследования отдельные специалисты, организационно не связанные с деятельностью упомянутых групп. За этот период появились в печати монографии Б. Г. Тихонова¹⁸, О. Н. Бадера¹⁹, Е. Е. Кузьминой²⁰. Кроме того, нужно отметить очень важный металлургический раздел Б. А. Литвинского²¹ в книге о древностях Кайрак-Кумов. Подготовлены к печати книги Н. В. Рындиной о технологии трипольской металлообработки, Я. И. Сунчугашева — о горном деле и выплавке металлов в древней Туве. Завершается организация спектральных лабораторий в археологических учреждениях Вильнюса, Риги, Киева, которые обещают стать важными ячееками аналитических работ над археологическим материалом.

Все это свидетельствует о широте размаха историко-металлургических исследований за последние 10—15 лет. Эти исследования обеспечиваются мощной технико-аналитической базой. Сейчас практически все историко-металлургические лаборатории (спектральные и металлографические) оснащены новой и новейшей аппаратурой, позволяющей в массовых масштабах проводить анализы на вполне совершенном техническом уровне. В спектральном количественном анализе резко снизилась необходимая навеска пробы (5 мг — в лаборатории ИА АН СССР), что позволяет сегодня подвергать анализу, по сути дела, любой предмет, как бы мал он ни был.

На подъем последних лет большое влияние оказали успехи, достигнутые зарубежными исследователями. Важным было и то, что большинство ведущих лабораторий Советского Союза, производящих наибольшее количество спектральных анализов, перешло сразу же на количественные показатели. Определенное исключение составляла лаборатория ЛОИА, где наблюдалось комбинирование всех трех видов спектральных анализов — количественного, полуколичественного и качественного. Грузинские группы исследователей в большей степени ориентировались на количественные химические анализы.

При решении вопросов происхождения древнего металла, которыми преимущественно занимается лаборатория ИА АН СССР, необходимо было осмыслить предпосылки этой темы, которые уже в течение многих лет дискутировались в среде немецких (В. Виттер и Г. Отто, позднее Э. Юнгханс и его сотрудники), австрийской (Р. Питтioni, Г. Нейнингер), английских (Г. Коглен, Л. Бик, Ф. Томпсон и др., а также Д. Бриттон, М. Браун и др.) исследовательских групп. Но безусловным является и то, что основные пункты и требования рабочей программы 1935 г. в том или ином виде перешли в программы ряда лабораторий наших дней.

Огромными оказались сборы материалов. По весьма приблизительным подсчетам, к 1967 г. всеми исследовательскими лабораториями и группами СССР произведено около 20 тыс. спектральных анализов разного достоинства. Опубликована из них пока еще незначительная часть. Эти сборы охватили гигантские территории от Забайкалья и Монгольской Народной Республики до западных границ СССР, от Северного Урала до южных границ нашей страны в Закавказье и Средней Азии. Лучше дру-

¹⁷ Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.

¹⁸ Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА, № 90, 1960.

¹⁹ О. Н. Бадер. Древнейшие металлургии Приуралья. М., 1964.

²⁰ Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. САИ, вып. 4—9, 1966.

²¹ Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Раков. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1967.

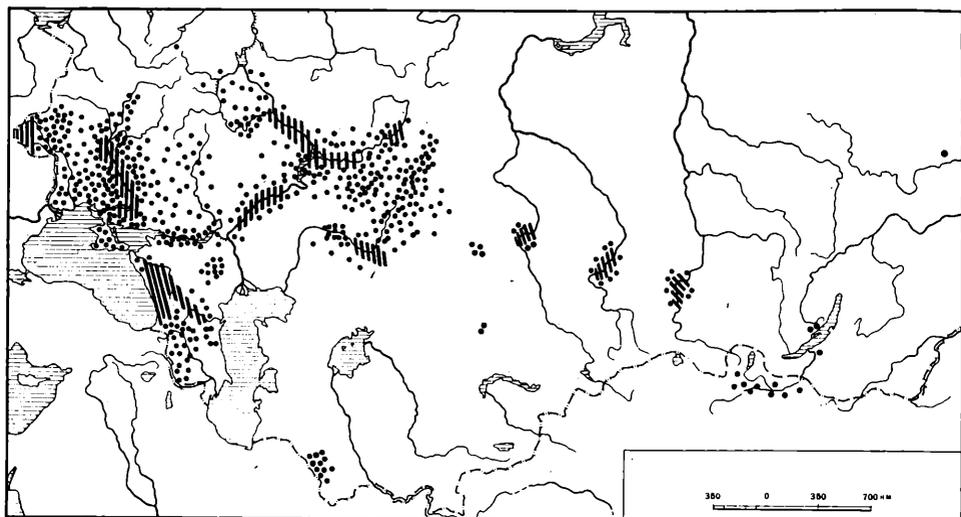

Рис. 10. Карта-схема сборов и анализов древнейшего металла, произведенных лабораторией ИА АН СССР. Заштрихованы области наиболее массовых сборов, точечное покрытие указывает на относительную густоту сборов в том или ином районе

гих сейчас исследована территория Восточной Европы (см. карту-схему сборов и анализов лаборатории ИА АН СССР, рис. 10).

Существенно меньше, конечно, произведено и опубликовано металлографических анализов, и территорию они охватывают значительно меньшую. Поэтому в большинстве работ преимущественно использовались спектральные анализы. Вот почему дальнейшее наше изложение будет в большей степени касаться спектроаналитических исследований.

Установлено, что спектральный анализ участвует в разрешении двух основных групп вопросов:

- 1) история применения различных металлов и развития металлургических сплавов;
- 2) рудные источники, происхождение, пути и районы распространения металла тех или иных ГМО и ГМЦ.

До начала широких спектроаналитических исследований в археологических учебниках и общесторических работах традиционно утверждалась такая схема развития металлургии: этап самородной меди — этап употребления орудий из металлургической «чистой» меди — этап бронзовых изделий. Почти всегда полагали, что схема универсальна для любого района. Думали также, что основным, если не единственным, приплавом к меди для приготовления искусственных бронз было олово.

Конечно, примитивность этой схемы сейчас нетрудно объяснить отсутствием до сравнительно недавнего времени сколько-нибудь массовых и достоверных анализов. Именно поэтому первые и существенные успехи ожидали спектроаналитиков и химиков в этой области. Первый удар настоящей схеме был нанесен на примере кавказского металла, когда анализы древнейших металлических поделок вместо так называемой металлургически «чистой» меди, якобы свойственной «энеолитическому» периоду, выявили медь, насыщенную большими дозами мышьяка. Сейчас уже отошли в прошлое споры о искусственном или естественном характере примеси мышьяка. На огромных сериях анализов было доказано, что древнейшие металлурги Кавказа в III, а возможно — и в IV тыс. до н. э. умело пользовались искусственными медно-мышьяковыми сплавами. Едва ли не две тысячи лет кавказское население употребляло исключительно мышьяковистую бронзу. Это дало повод И. Р. Селимханову, который первый доказывал искусственный характер этих бронз, выдвинуть гипотезу

тезу о существовании на Кавказе особого медно-мышьякового века. Столь большое место, которое занимал этот тип сплава на Кавказе и, как выяснилось позднее, в иных областях, привел к подробнейшим исследованиям его технологических свойств И. Р. Селимхановым, Ф. Н. Тавадзе и Т. Н. Сакварелидзе, В. А. Пазухиным.

Все поиски культур или же отдельных районов на территории СССР, где были бы зафиксированы изделия из бесспорно самородной меди, пока что не увенчались успехом. Поиски эти приводили к резкому сокращению списка культур, в которых исследователи ожидали увидеть «чистую» медь. Наоборот, выяснялась глубокая древность и качественное многообразие искусственных сплавов. Были открыты очень сложные припавы к меди, где одновременно участвовали до двух-четырёх примесей (мышьяк, олово, сурьма, свинец, серебро). И. Р. Селимханов провел для Кавказа специальную работу по датировке различных типов сплава.

Так, спектральные анализы повели к еще одному кардинальному разрушению традиционной схемы — резкому понижению границы бронзового этапа. Сейчас начало бронзы на Кавказе, как следует из новейших находок, можно относить едва ли не к IV тысячелетию до н. э., в Средней Азии — возможно, к III тыс., на юге Европейской части СССР — ко второй половине III тыс.

Автор настоящей статьи предпринял проверку хронологической универсальности разбираемой схемы и выяснил, что для территорий Кавказа, Восточной Европы и Средней Азии характерна чрезвычайная хронологическая неравномерность появления орудий из искусственных сплавов и исчезновения изделий из «чистой» меди. Эта же проверка обнаружила сильнейшую путаницу в традиционном отнесении различных культур к этапам меди и бронзы (энеолиту и бронзе). Поэтому автором были предложены во многом новые принципы подразделения культур на эти историко-культурные этапы. По этапам были определены культуры, металлологический инвентарь которых был исследован в достаточной степени.

К этой же историко-технологической группе вопросов, разрешаемых с помощью спектрального анализа, примыкают и металлографические исследования. История их применения в археологии СССР намного короче, чем спектроаналитических, существенно меньше и охват материала, но выводы, последовавшие в результате их применения, также касаются принципиальных моментов истории металлургии.

Довольно широко использовали структурные анализы для изучения технологии древнейшей металлообработки в Закавказье Ф. Н. Тавадзе и Т. Н. Сакварелидзе. Это наряду со спектральными и химическими анализами позволило авторам доказательную картину развития металлургии и металлообрабатывающего производства на территории древней Грузии.

Чрезвычайно интересными оказались детальнейшие исследования меди трипольской культуры, проведенные Н. В. Рындиной. Оказалось, что технология металлообработки у трипольцев стояла на такой высоте, которую ранее было трудно даже предположить. Были открыты кузнечная сварка медных пластин, пробивка отверстий в толстом и медном бруске, различные приемы холодной и горячейковки. Большие серии предметов, исследованных Н. В. Рындиной, дали ей возможность прийти к убедительным и строго доказанным выводам о развитии металлообработки в Северном Причерноморье на ее древнейшем этапе. Много внимания она уделила методическим вопросам археологической металлографии.

Нами опубликованы результаты исследований нескольких десятков медных изделий анауской и абашевской культур²². Удалось выяснить, что

²² Е. Н. Черныш. Некоторые результаты изучения металла анауской культуры. КСИА, вып. 91, 1962.

в Средней Азии на рубеже IV—III тыс. до н. э. были известны такие развитые приемы металлообработки, как отжиг после холоднойковки для возвращения меди ее пластичности, литье меди в открытые формы и т. п.

Большое металлографическое исследование провел на минусинском материале Д. В. Наумов. Этой работой были определены основные приемы мастеров медников и литейщиков в важном районе Сибири.

Подводя итог истории изучения большой группы вопросов, связанных с древней технологией, хочется сказать, что, несмотря на огромный объем спектроаналитических работ, выполненных за этот период, ряд больших и исторически важных районов нашей страны, бесспорно, нуждается в дополнительных исследованиях для уточнения картины развития сплавов. Прежде всего это относится к Забайкалью, Алтаю, Казахстану и Средней Азии. Еще большие задачи стоят перед археологической металлографией. Здесь на повестку дня встает переход от «кустового» сбора материала и его анализа к массовым, подобным, например, спектральным, пусть даже и не столь многочисленным. Этому мешает, конечно, сильно ограниченная сеть металлографических лабораторий. Но именно поэтому справедливость требует указать, что даже в таких ограниченных формах металлографические исследования в СССР по своей систематичности и целенаправленности превосходят зарубежные.

Намного более сложен для исследователей второй круг вопросов, решаемых с помощью спектральных анализов: рудные источники металла, исходные области и центры его производства, пути и районы его распространения. Эта группа вопросов тесно примыкает к общен историческим археологическим проблемам.

Круг лабораторий и исследовательских групп, занимающихся такого рода задачами, намного уже. Ограниченные попытки привязки некоторых исследованных предметов из Кюль-Тепе к Кафанскому месторождению были произведены М. А. Кашкаем и И. Р. Селимхановым. Преимущественно же работы этого направления сосредоточены сейчас в лаборатории ИА АН СССР.

До работ авторов аналогичные цели в широком масштабе ставили перед собой исследователи Г. Отто и В. Виттер, которые на основании не вполне ясных методических принципов пытались разделить на группы и привязать металл Средней и Западной Европы к некоторым средне- и южногерманским месторождениям.

Методически сходны между собой приемы, применяемые австрийской группой исследователей (Р. Питтиони, Г. Нейнингер) и английской (Г. Коглен и возглавлявшийся им бывший комитет по горному делу и древней металлургии). Работая на ограниченной территории, — первые с помощью качественных анализов металла и руд, вторые — количественных — пытались с большей или меньшей степенью достоверности решить проблему привязки.

Резко отличается от последних подход, применяемый группой Э. Юнгханса из ФРГ. Она абсолютно не касается вопросов геохимии рудных источников, работает только с количественными анализами металла с широких пространств Западной и Центральной Европы и кладет в основу своего метода картографирование металла отдельных химико-металлургических групп и выяснение доли намеченных групп в инвентаре каждого из 15 районов, на которые Э. Юнгханс разделил всю исследуемую территорию. Большой заслугой группы немецких исследователей было введение в оборот некоторых приемов и методов математической статистики (Г. Клейн).

Наши первые опыты показали, что ни одна из применяемых на западе методик не может полностью отвечать нашим задачам. Отчасти это явилось следствием как несходства в условиях (несравненно более обширные

территории и многообразные геохимические регионы), так и несогласия в конкретных приемах и предпосылках разрешения упомянутых задач. Поэтому перед лабораторией встали задачи, не свойственные до сих пор археологическим группам: разработка оригинального метода на основе сочетания приемов и данных археологии, металлургии, геохимии, физики при повсеместной обработке анализов методами математической статистики (корреляционный и частотный анализы). При этом учитывалось все лучшее, что можно было заимствовать из работ зарубежных ученых.

В результате этих исследований были определены источники или же исходные области и центры производства меди и ее сплавов на территории Северного Кавказа и Восточной Европы в III—II тыс. до н. э. Была выяснена истинная и ведущая роль Кавказа (или вернее Закавказского ГМЦ) в снабжении металлом огромных областей всего юга Восточной Европы. Были установлены культуры, получавшие мышьяковистые бронзы с Кавказа и развивавшие свою металлообработку под его решающим воздействием. В связи с этим и первый этап развития металлургии и металлообработки Восточной Европы был назван Кавказским (вторая половина III—первая половина II тыс.).

Резкие изменения произошли в распространении металла определенных центров во второй половине II тыс. В это время значительно возросла роль среднеазиатских, казахстанских и алтайских очагов. Появилось производство в пределах Уральской ГМО. Придвинувшееся с востока население срубной культуры принесло с собой металл новых областей, центров и очагов. На смену Кавказскому периоду развития металлургии пришел Уральский. Кавказский металл перестал проникать в широких масштабах на север. На западе в это время бурно развивались металлургические очаги Карпатско-Балканской ГМО. Их оловянистые и весьма многочисленные бронзы заполняют Молдавию и Правобережную Украину вплоть до Днестра, где они сталкиваются с восточным потоком металла, представляющего собой относительно низкокачественные бронзы и даже изделия из «чистой» меди.

В последней монографии автора о древнейшем металле Урала, Поволжья и Дона принципы работы над проблемой происхождения рудников получили дальнейшее развитие. Лаборатория получила возможность изучения древних уральских рудников, отчего заметно конкретизировались представления об ареале металла многих рудных источников, его хронологии и культурной принадлежности.

Остановимся на вопросах типологического изучения древнейшего металлического инвентаря (выделенная нами первая историко-металлургическая тема). Развитие этой тематики все это время преимущественно шло по пути разработки и детализации типологии металла отдельных районов нашей страны.

Наиболее трудоемкой и глубокой формой таких исследований являются специальные монографические работы, где рассматривается типология инвентаря какого-либо крупного района. Только тогда появляется возможность подходить к металлу с единой меркой, представить полную картину развития и распространения ведущих форм в изучаемой области. Вот почему такие работы-сводки пользуются наибольшим успехом, и к ним обычно прибегают для сравнений и справок при частных и общих исследованиях.

Общим для этих монографий является большая или меньшая степень четкости в подразделении инвентаря на типолого-хронологические группы. Б. Г. Тихоновым, кроме того, выделенные им типы и группы подвергнуты картографированию. Монография Е. Е. Кузьминой, появившаяся позднее, существенно больше насыщена аналитическим материалом. Поэтому в ней успешнее проведена разработка чисто технологических вопросов. Е. Е. Кузьмина подразделила всю историю среднеазиатской металлургии

на три последовательных хронологических этапа, каждый из которых характеризуется изменениями в формах предметов, богатстве набора типов и сплавами.

Близкой по методической направленности этим работам является работа Ю. С. Гришина по забайкальскому металлу²³.

Переработанные автором настоящей статьи многие из типолого-классификационных положений Б. Г. Тихонова в работе о древнейшем металле Урала и Поволжья позволяют ввести понятие «степень типологической близости», которая должна раскрывать взаимоотношения коллекции металла двух или нескольких культур в отношении типологического состава металлического инвентаря. Там же были выделены все металлосодержащие «закрытые» комплексы, которые и образовали основу системы хронологии этого обширного региона.

Недостатки данной тематики проявляются двояко. Во-первых, металл большинства ГМО и ГМЦ, выделенных ныне на территории СССР, еще не подвергнут общей и полной типологической классификации, подобной тем, о которых мы только что вели речь. Типологические штудии на сравнительно малочисленном материале, а иногда даже и просто на количественно скудных сериях, уже в силу этого фактора не могут привести к сколько-нибудь полному успеху. Во-вторых — и это, на мой взгляд, более существенно — наблюдается методическая застойность типологического метода. Последнее проявляется наиболее ярко на фоне непрерывных методических поисков в сфере спектроаналитических и металлографических исследований.

Прошло почти 70 лет со времени опубликования О. Монтелиусом — автором этого метода — его основных положений. Но трудно припомнить за это время в русской и советской литературе фундаментальные работы, которые бы уточняли, дополняли или даже ревизовали в каких-то существенных деталях этот метод. Наоборот, считается, что его признают все. Признание метода должно, казалось бы, повлечь и всеобщее применение основных приемов, рекомендованных О. Монтелиусом, хотя бы при сознании всей их условности и ограниченности. Произошло, однако, нечто обратное. По мере того, как метод завоевывал признание, из него частенько исчезали строгость, корректность при решении хронологических задач, забывалась необходимость проверки.

Вот, например, одна из типичных ошибок, возникающих при бесконтрольном применении типологического метода. Очень часто диалектическому принципу развития — от простого к сложному, на котором зиждется метод, придают всеобщее хронологизирующее значение. Это используется для относительной хронологической колонки, где внизу располагаются формально наиболее примитивные с точки зрения исследователя предметы. В то же время известно множество случаев, когда в том или ином районе типологическое развитие идет от сложного к простому.

Вряд ли советских археологов сейчас может устроить подобный примитивный диалектизм. Ведь невозможно такой сложный и часто противоречивый процесс, каким является типобразование, сводить исключительно к плавно эволюционной схеме и игнорировать его скачкообразность. Механизм образования типа, безусловно, более сложен, и мастер, изобретавший новую форму предмета, мог пользоваться ассоциациями, полностью скрытыми от нашего взгляда. Мы же в любом случае пытаемся строить свою схему, не имея возможности проверить ее реальность.

Задача эта, стоящая во главе угла нашей темы, едва ли не самая сложная и ответственная. В конечном итоге в ней все упирается в установление основных закономерностей механизма типобразования. Опреде-

---

²³ Ю. С. Гришин. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. САИ, вып. 3—12.

ленный свет на это может пролить изучение соотношения: тип — химическая группа металла (металл одного рудного источника). Полезным будет присовокупить сюда и археологическую культуру. Формируется ли тип в пределах деятельности одного металлургического очага или область его соиздания была намного шире? Можно пойти по пути выявления импортов и местных копий или подражаний, чтобы уловить некоторые особенности трансформации типов.

Первые опыты, проведенные автором на примере урало-волжского металла, показали, что соотношение: тип — химическая или же металлургическая группа — археологическая культура может быть и простым (тип полностью соответствует металлу одного источника или продукции одного металлургического очага) и сложным (общераспространенный тип, не связанный, даже преимущественно, ни с одним источником). Но эти попытки — только начало большой работы, которая и должна прояснить этот сложный вопрос.

Мы заканчиваем наш обзор последней (третьей) темой — горное дело и выплавка меди, — которая, если судить по литературным данным, является наиболее слабо изученной. Самыми систематичными здесь в последние годы были работы Я. И. Сунчугашева по материалам тувинских медных месторождений и медеплавильн²⁴. Правда, огромное большинство из них относится уже к уюкскому времени, но не исключается и их использование в эпоху карасукской культуры. Эти находки и обследования Я. И. Сунчугашева и Л. Р. Кызласова позволили не только расширить наши представления о рудной базе Южной Сибири, но сделать несколько интереснейших наблюдений о новых формах добычи руды и выплавки меди.

Продолжаются исследования памятников такого рода в Грузии (Рача), где их ведет Г. Гобеджишвили. К сожалению, их результаты крайне слабо освещены в печати. В 1967—1968 гг. Е. Н. Черных провел обследование большинства зауральских медных рудников, эксплуатировавшихся в древности.

Даже одно это перечисление делает ясной основную задачу, стоящую перед исследователями этой темы: расширение полевых работ с целью выявления новых древних рудников, сбор образцов руд и их анализ для облегчения привязок химических групп металла.

И, наконец, хотелось бы упомянуть об интереснейшем открытии армянских геологов и археологов, сделанных на холме Мецамор в Армении (Арагатская долина). Этот холм, как можно судить по пока еще отрывочным публикациям, представляет собой место, где на протяжении многих сотен лет проводились комплексные работы, связанные с различными стадиями металлургического процесса: обогащение руд, составление флюсов, выплавка металлов. Памятник многослойный. Слои датируются по керамике от III до начала I тыс. до н. э. Холм окружен мощной крепостной стеной. По части холма в скале пробиты канавы и отстойники, которые являются, как полагают авторы раскопок, деталями сложных обогатительных сооружений. Найдены уже сейчас многочисленные металлургические печи с медными шлаками. Здесь производили также многокомпонентные сурьмяно-мышьяко-оловянистые бронзы и золото. Наиболее интенсивные работы зафиксированы в предрурартский период. Работа коллектива геологов (руководитель К. А. Мкртчян) и археологов (Э. Ханзаян) в самом разгаре. Наверняка их ожидают дальнейшие открытия.

Успехи изучения истории древнейшей металлургии на территории СССР очевидны: от чрезвычайно слабых и зачастую примитивных представлений, которые нередко бытовали на страницах археологических изда-

²⁴ Я. И. Сунчугашев. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве. Автореферат канд. дисс. М., 1964.

ний, в работах, например, сорокалетней давности, мы подошли к разрешению сложнейших вопросов происхождения металла, его структуры и химического состава, распознаванию скрытых от нашего взгляда тончайших технологических приемов изготовления изделий. Мы подошли вплотную к установлению общих закономерностей развития древнейшей металлургии огромных областей. Историко-металлургические исследования все чаще, успешнее и настойчивее вторгаются в чисто археологические области — хронология, взаимоотношения культур, древние торговые пути, ареалы и направления культурных воздействий, передвижения групп населения и т. п. Но, как ни значительны успехи в этой области, намного больше, конечно, предстоит еще сделать. Это относится как к методическим задачам исследований, так и к чисто количественному накоплению материалов, проанализированных со всех возможных сторон, и их сопоставлению. На первый план выдвигаются задачи органического слияния в историко-металлургических исследованиях всех трех ведущих тем этой области науки, разработанных на высоком методическом уровне.

Б. А. КОЛЧИН, Я. А. ШЕР

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ПРИМЕНЕНИЯ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИИ

Пятьдесят лет советской археологии — это не только выдающиеся открытия и раскопки новых памятников древних культур, выход в свет тысяч томов публикаций и сотен обобщающих книг. Пятьдесят лет советской археологии — это еще и постоянное совершенствование методологии науки, развитие технической базы и поиски новых путей познания прошлого человеческого общества.

Синтез научных знаний и сближение естественных и гуманитарных наук — одна из главных особенностей научного прогресса. Любая археологическая находка — это овестьствованный сгусток, кусочек истории народа, чьим трудом создан этот предмет. В своей совокупности эти предметы объективно запечатлели разные явления в истории человеческого общества с древнейших времен. Археологические объекты значительно более полно расскажут нам о прошлом и о людях, их создавших, если, кроме обычных приемов исторической науки, их исследовать разнообразными методами естественных наук.

Вскоре после организации Академии истории материальной культуры в ее составе в сентябре 1919 г. был создан Институт археологической технологии (ИАТ), перед которым была поставлена задача «на совершенно конкретной исследовательской работе найти общий язык между гуманитариями и естественниками и, исходя из вещественного материала, находящегося в руках археолога, попытаться выработать новые методы анализа достижений человеческой мысли и духа на их прошлых путях»¹.

В составлении научной программы ИАТ и в ее развитии в первые годы работы большая роль принадлежит одному из крупнейших представителей русской естественноисторической школы — А. Е. Ферсману, фактическому организатору и первому председателю ИАТ. Здесь осуществлялся плодотворный союз видных деятелей естествознания и археологии того времени (А. Е. Ферсман, Н. М. Книпович, Н. С. Курнаков, Б. В. Фармаковский, М. В. Фармаковский, А. А. Миллер, С. Ф. Ольденбург, Д. Н. Анучин и др.)

Сначала ИАТ работал довольно активно, результаты исследований печатались в специальных выпусках «Известий» (1922 и 1924 гг.) и в других изданиях. Наряду с проблематикой, порожденной естественнонаучным подходом к изучению памятников культуры, в ИАТ велись значительные работы вспомогательного характера по заказам археологов. Большое внимание уделялось разработке научных методов консервации и реставрации памятников культуры и искусства.

¹ «Известия ИАТ», вып. II. Л., 1924, стр. 4.

В последующие годы наблюдался спад активности научных исследований ИАТ. В 1931 г. он был преобразован в Лабораторию исторической технологии (ЛИТ), цель которой состояла в изучении технических приемов производства различных объектов, охватывая все главнейшие виды материалов.

Спад естественнонаучных исследований в советской археологии в 30-е годы объясняется еще и тем, что большое количество белых пятен на археологической карте России отвлекало внимание археологов от камеральных и кабинетных исследований. Небывалый дотолем в России подъем в области геологии, физики и химии требовал от естественников сосредоточения внимания на своих работах. Их связь с археологией слабеяла. Несмотря на довольно обширную программу, ИАТ не удалось поставить какой-либо конкретной историко-археологической задачи. Естественнонаучная информация накапливалась значительно медленнее, чем та, которую приносили ежегодные экспедиции. Таким образом, складывалась неблагоприятная для дальнейшего развития естественнонаучных методов ситуация, и после перехода ГАИМК в состав Академии наук Лаборатория исторической технологии вообще уже не значилась в штатном расписании ИИМК АН СССР. Некоторое время благодаря успехам в полевых исследованиях отсутствие естественнонаучного направления в археологии могло оставаться «незамеченным». Однако вскоре после Отечественной войны необходимость обращения к естественнонаучным и техническим методам изучения памятников древности вновь начинает назреть. Эта необходимость была реализована в конце 1951 г. постановлением Президиума АН СССР об организации в составе ЛО ИИМК Лаборатории археологической технологии (ЛАТ). Руководителем ЛАТ в течение 16 лет был С. И. Руденко.

Основное место в работе ЛАТ сначала занимали экспериментальные исследования первобытной техники², работы по дендрохронологии и металлографии. Однако вскоре стало ясно, что в ЛАТ не эти направления могут составить главное содержание «археологической технологии», поэтому в последующие годы серьезное внимание было обращено к использованию самых современных достижений физики и химии (радиоуглеродный метод датирования органических остатков, количественная эмиссионная спектроскопия, геофизические методы разведки археологических памятников).

В 1955 г. была организована радиоуглеродная лаборатория в составе ЛАТ. В это же время в ЛАТ начали проводиться работы по химическому и спектральному анализу древних металлических, а затем стеклянных и кремневых изделий. Несколько позднее в ЛАТ появилась возможность на профессиональном уровне ставить и решать вопросы палеогеографии и палеозоологии, петрографии, геофизических методов полевых работ. К началу 60-х годов ЛАТ окончательно оформилась как научный коллектив, состоящий из трех рабочих групп: группа радиоуглерода, группа физико-химических методов анализа и группа по изучению древней природной среды.

В 1958 г. в Москве при камеральной лаборатории Института археологии было создано несколько рабочих групп естественнонаучных методов: группа дендрохронологии, группа археомагнетизма, группа металлографии, группа спектроскопии, группа петрографии. Кроме этих групп, в составе камеральной лаборатории уже успешно работали остеологическая группа (с 1949 г.), группа пыльцевого анализа (с 1955 г.) и группа агробиологических исследований (с 1954 г.). В 1962 г. была организована керамическая группа. Решением Президиума АН СССР все эти группы в 1967 г.

---

² Результаты обобщены в кн.: С. А. Семенов. Первобытная техника (опыт изучения древних орудий и изделий по следам работы). МИА, № 54, 1957.

были объединены в Лабораторию естественнонаучных методов Института археологии АН СССР.

Идеи и методы естественнонаучного исследования археологических материалов теперь широко внедряются многими археологическими учреждениями страны (Москва, Тбилиси, Баку, Душанбе, Ташкент, Новосибирск, Киев, Харьков, Рига, Вильнюс и др.). Ряд сотрудников этих учреждений начинали свою научную стажировку в стенах лабораторий Института археологии.

Большое значение имело Всесоюзное совещание по применению в археологии методов исследования естественных и технических наук (Москва, февраль 1963 г.). Совещание явилось важным этапом в дальнейшем развитии естественнонаучных методов археологии³. За ним последовали некоторые научно-организационные меры, рассмотренные Президиумом АН СССР и реализованные в его специальном Постановлении от 17 мая 1963 г., № 394, «О внедрении в археологию методов исследований естественных и технических наук». В Постановлении, в частности, говорится: «Считать одним из главных направлений дальнейшего развития методики археологических исследований широкое внедрение в полевые и камеральные работы методов исследований естественных и технических наук».

Невзирая на перерывы в официальной деятельности естественнонаучных подразделений Института археологии (РАИМК—ИИМК), все же можно говорить о пятидесятилетнем опыте контакта советской археологии с естественными науками. Этот опыт позволяет обсуждать итоги, ближайшие и последующие задачи. Одни из них уже назрели, другие вырисовываются в перспективе.

Период до начала 60-х годов можно рассматривать как этап первоначального накопления и пропаганды естественнонаучной информации о памятниках древней культуры. Все работы в области естественнонаучных методов археологии излагали конкретные результаты. Обобщающие работы также, как правило, содержали описание новых методов и новых практических возможностей, которые данные методы открывают перед археологами⁴. Иными словами, обобщающие работы в основном носили просветительный характер. Этим их значение не только не умалялось, наоборот — это была совершенно необходимая и нелегкая задача пропаганды новых методов среди археологов, работавших в традиционном сравнительно-историческом плане. Ее и сейчас нельзя считать полностью решенной.

Примерно с 1963 г. начинается новый этап в развитии естественнонаучных методов археологии. Его содержанием является переосмысление под влиянием естественнонаучной информации целой серии фундаментальных археологических, культурно-исторических проблем на уровне методологии их разрешения.

Очень показательной в этом отношении является вводная статья к книге «Археология и естественные науки», где, пожалуй, впервые в советской археологии эти проблемы были довольно четко поставлены⁵ (проблема хронологии, проблема происхождения, состава и технологии древних изделий, проблема реконструкции природной среды в древности, проблема совершенствования полевых методов и проблема внедрения математических методов в археологию).

³ «Археология и естественные науки». М., 1965.

⁴ Б. А. Колчин, А. Л. Монгайт. Применение естественнонаучных методов в археологии. ВИ, № 3, 1960; А. Л. Монгайт. Археология и современность. М., 1963; «The Application of quantitative methods in archaeology». New York, 1960; M. J. Aitken. Physics and Archaeology. New York—London, 1961; «Science in archaeology». Bristol, 1963; E. Piddoke. The scientist and archaeology. London—New York, 1953, и др.

⁵ Б. А. Колчин. Археология и естественные науки. МИА, № 129, 1966.

Сейчас некоторые части этих проблем представляются в виде конкретных программ. Их реализация при необходимом минимуме усилий возможна в ближайшее время.

1. Хронология

Диапазоны естественнонаучных методов абсолютного датирования последовательно перекрывают друг друга в интервале от конца третичного периода до позднего средневековья (торий-230, калий-40, аргон-40, углерод-14, термолуминесценция керамики, дендрохронология, археомагнетизм и др.). Помимо этого, в ряде случаев независимую проверку позволяют осуществлять геолого-геоморфологические, палеонтологический и палеоботанический методы.

Для эпохи плейстоцена уже получены интересные результаты по ториевому и калий-аргоновому методам⁶.

Если для хронологии верхнего палеолита роль метода C^{14} невелика в связи с чрезвычайно малым количеством дат, то для памятников неолита метод C^{14} приобретает решающее значение, и существующая сейчас хронология мезо- и неолитических культур Старого Света строится на базе около 3000 радиоуглеродных дат.

Программа работ по абсолютной хронологии и синхронизации древнейших земледельческих культур и культур лесостепи и леса требует объединения усилий археологов не столько в области новых раскопок, сколько в упорядочении накопленного материала и в особом внимании к добыче новых образцов для радиоуглеродного датирования. Сейчас достаточно данных по древнейшим культурам Среднего и Ближнего Востока, Балкан и Подунавья. Накапливаются данные по северо-западу и северо-востоку Европы. Однако по югу Европейской части СССР почти нет радиоуглеродных дат. Небольшие по затратам работы, ориентированные на сбор образцов для датирования по C^{14} , необходимо провести здесь в ближайшее время.

Результаты хронологических исследований должны занять важное место в рассмотрении проблемы происхождения лесостепных и лесных культур Восточной Европы. Помимо того, что сложатся условия обозреть процесс их развития в единой хронологической системе, споры об опережении или запаздывании в развитии, об автохтонных процессах и влияниях будут подкреплены существенными данными хронологии.

Для памятников эпохи бронзы Юго-Западной Европы радиоуглеродные даты, как известно, не дают пока более точной картины, чем хорошо разработанная археологическая (типологическая) хронология, построенная на памятниках классического древнего Востока, датированных письменными источниками. Поэтому для памятников, прилежащих к центрам древних цивилизаций, радиоуглеродные датировки представляют интерес в основном до начала III тыс. до н. э.

Иначе обстоит дело с культурами эпохи бронзы евразийских степей и особенно Сибири. Длинные цепочки типологических сопоставлений вводят в конечном счете все в тот же мир древнейших цивилизаций. Многочисленные промежуточные звенья, точное хронологическое положение которых неопределимо, вносят неизбежные условности и допущения, подтвержденные только интуицией. Возможность проверки независимым объективным методом любых интуитивных построений должна быть использована в полной мере.

Необходимо обратить внимание на некоторые методические особенности использования данных C^{14} в хронологических исследованиях. Далеко

⁶ F. Rainey, E. Ralph. *Archeology and Its New Technology*. Science, vol. 153, № 3743, 1966, p. 1486, 1487.

не все еще преодолели известный психологический барьер, который возникает при оперировании с датами C^{14} и нередко приводит к недоразумениям. Всякая дата по C^{14} получена в результате статистической обработки результатов измерения активности образца и современного фона. Если, например, для памятника получена дата 2350 ± 150 г. до н. э., то это значит, что на отрезке длиной в 300 лет дата приходится с вероятностью в 68% на любой год этого интервала.

Если мы хотим повысить вероятность нашего утверждения, то придется расширить доверительный интервал. И тогда с вероятностью 95% наша дата будет приходиться на любой год в интервале между 2650 и 2050 годами (т. е. в 600 лет). Соответственно для вероятности 99% доверительный интервал будет лежать в пределах утроенного отклонения, т. е. для рассматриваемого примера — от 2800 до 1900 лет до н. э. Наиболее эффективным способом построения хронологических шкал является вычерчивание графиков с доверительными интервалами, где на ординате откладывается время, а абсцисса представляет собой упорядоченный по доверительным интервалам перечень памятников или культур⁷.

На рис. 11 представлен перечень радиоуглеродных дат памятников энеолита и бронзы Минусинской котловины. Доверительные интервалы вычислены в пределах удвоенного отклонения. Вероятность ошибки 5%. Безусловно, некоторые даты пока необъяснимы (Карасук III, ограда 3, могила 1; Каменка II, ограда 24, могила 2) и требуют повторных определений. Но большинство дат в общем не противоречит самым традиционным представлениям о последовательной смене культур в Минусинской котловине с течением времени⁸. Вместе с тем пока еще нет твердых оснований отбрасывать и предположения о сосуществовании культур эпохи бронзы на Енисее⁹.

Можно ли рассчитывать на то, что радиоуглеродный метод сыграет роль арбитра между двумя теориями хронологии древних культур Енисея? Думается, что можно, при условии накопления серийных дат. Причем можно высказать предположение о том, что удастся найти некоторое со-

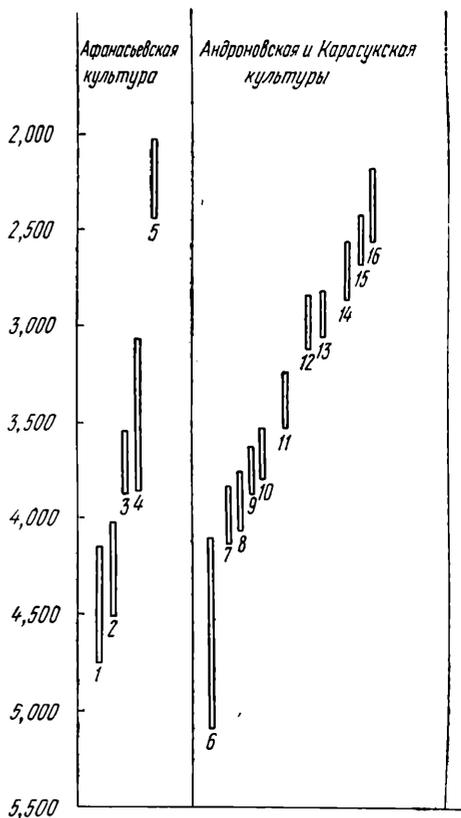

Рис. 11. Доверительные интервалы дат по C^{14} для Минусинской котловины. Вероятность — 95%.

1 — Копеши II, курган 2; 2 — Сартов, могила 3; 3 — Черновая III, курган 4, могила 3; 4 — Карасук III, ограда 7; 5 — Карасук III, ограда 3, могила 1; 6 — Ужур, курган 14; 7 — Ланин Лог, курган 2, могила 1; 8 — Каменка II, ограда 24, могила 1; 9 — Пристань I, ограда 6, могила 2; 10 — Ланин Лог, курган 1, могила 3; 11 — Ланин Лог, курган 1, могила 1; 12 — Ярки II, могила 2; 13 — Карасук IV, ограда 10, могила 2; 14 — Карасук IV, ограда 19, могила 2; 15 — Каменка II, ограда 24, могила 2; 16 — Ярки II, могила 1

⁷ H. Quitta. Radiocarbon daten und die Chronologie des Mittel- und Südosteuropaischen Neolithikums. Ausgrabungen und Funde, Bd. 12, H. 3, 1967.

⁸ М. П. Грязнов. Работы Красноярской экспедиции. КСИА, вып. 100, 1965; С. Рахимов. Памятник андроновской культуры. Каменка II. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 6, 1965.

⁹ Н. А. Членова. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, стр. 216 и сл.

вмещение этих, казалось бы, несовместных теорий. Даты по С¹⁴, вероятно, покажут не четкую последовательность и не сплошное «сосуществование», а перекрывание крайними границами культур друг друга в большей или меньшей степени. Особенно следует отметить выдающийся интерес, который представляет работа по абсолютной хронологии андроновской культуры, распространенной на территории от Урала до Енисея.

Другой метод определения возраста — дендрохронологический — может определять абсолютную или относительную дату рубки дерева, сохранившегося до нашего времени с хорошо выраженными годичными кольцами и здоровой заболонью. Следует заметить, что такую древесину археологи встречают довольно часто на многих археологических памятниках в большом количестве. Точность датирования по дендрохронологическому календарю достигает одного года.

Дендрохронологические исследования в Советском Союзе впервые были проведены в ЛАТ в 1957 и 1958 гг. на материалах Пазырыкских курганов. Дендрохронологическую шкалу удалось составить на протяжении 235 лет. Была определена относительная датировка сооружений курганов¹⁰. Широкие же планомерные работы по дендрохронологии начались в 1959 г. в дендрохронологической группе Института археологии АН СССР. На основе новгородского археологического дерева в 1961 г. была создана абсолютная дендрохронологическая шкала для Новгорода и районов Новгородчины¹¹. За 10 лет работы группе удалось собрать только по Новгороду более 5000 образцов древесины X—XVIII вв. Абсолютная дендрохронологическая шкала имеет протяженность от 884 до 1596 г. (712 лет).

Кроме Новгорода, дендрохронологические работы были проведены и по другим древнерусским городам — Белоозеру¹², Полоцку¹³, Смоленску¹⁴, и начаты работы по Москве, Пинску, Торопцу, Мстиславию и другим.

В результате этих работ была получена единая дендрохронологическая абсолютная шкала на большое пространство центра и севера Восточной Европы, охватывающее по прямой более 1000 км. В хвойных лесах Полоцкой земли, Новгородчины и вокруг Белого озера отмечены одни и те же генеральные циклы угнетений годичных колец прироста древесины. Это позволяет нам определять абсолютные даты деревянных сооружений на археологических объектах X—XVII столетий, расположенных на этой территории.

Изучая структуру и колебания роста годичных колец древесины, мы можем судить о климате прошлого и его изменениях за сотни и тысячи лет. Удастся установить влияние на лес двух главных климатических факторов — осадков и температуры среды. А имея хронологию годичных колец достаточной протяженности, можно установить и историю этих факторов. Этим и занимается дендроклиматология. Знание закономерностей изменения климата и погоды представляет весьма важную научную и народно-хозяйственную задачу, поскольку это позволит совершенствовать и развивать методику составления достоверных долгосрочных прогнозов климата. Интересную информацию дает дендрохронология и для астрофизиков (годичное кольцо с календарной датой — объект изучения на радиоуглерод) при изучении явлений, связанных с образованием сверх-

¹⁰ И. М. Замоторин. Относительная хронология Пазырыкских курганов. СА, 1959, № 1, стр. 21.

¹¹ Б. А. Колчин. Дендрохронология Новгорода. МИА, № 117, 1963.

¹² Н. Б. Черных. Абсолютная дендрохронологическая шкала древнего Белоозера. МИА, № 129, 1965, стр. 86.

¹³ Б. А. Колчин. Дендрохронология древнего Полоцка. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 262.

¹⁴ Н. Б. Черных. Дендрохронология построек древнего Смоленска. КСИА, вып. 110, 1967.

новых звезд. Дендрохронологическую шкалу и саму древесину с возрастом в сотни и тысячи лет могут дать только археологи.

Развивая в дальнейшем дендрохронологический метод датирования, мы должны переходить на машинный поиск дат на абсолютных хронологических шкалах. При массовых замерах годичных колец на образцах с археологических объектов необходимы измерительные полуавтоматы и быстродействующие циклографы.

Большие надежды археологи возлагают на метод археомагнитного датирования. Радиоуглеродный и дендрохронологический методы датируют лишь органические вещества, которые на археологических памятниках встречаются не везде. А вот изделия из обожженной глины, являющиеся объектом археомагнитного исследования, т. е. огромные массы керамики, являются основным материалом почти всех археологических памятников. Большие работы в области археомагнитного датирования ведутся в Европе в трех центрах: в Париже, в Оксфорде и в Москве. В последние годы эти работы начаты в Чехословакии, Польше, Болгарии и в Японии.

Несколько лет совместно работают две группы археомагнетизма Института археологии и Института физики Земли АН СССР. Работы велись по трем районам Восточной Европы — Новгородской области, Украине, Молдавии и Кавказу, а также и по Средней Азии¹⁵.

Работы в области археомагнетизма у нас шли по трем основным направлениям: а) разработка методики; б) археомагнитные измерения, в результате которых строятся кривые вековых вариаций геомагнитных параметров; в) решение археологической задачи — само археомагнитное датирование.

Рис. 12. Схема цикла геофизического исследования археологического объекта

Успех магнитного датирования в значительной степени зависит от качества и достоверности археологического материала, являющегося основой для построения кривых вариаций, т. е. как часто и точно археологи могут расставить на оси времени «магнитные вехи».

Идеальный случай, если в распоряжение исследователя попадает образец из объекта, который не смещался в пространстве со времени его последнего нагрева. Ориентировав этот образец *in situ* по отношению

¹⁵ С. П. Бурлацкая. Датирование археологических объектов археомагнитным методом. СА, 1963, № 4, стр. 115; С. П. Бурлацкая и Т. Б. Нечаева. Датирование археологических объектов археомагнитным методом. МИА, № 129, 1965, стр. 50.

к географическим координатам, можно определить у него все характеристики древнего геомагнитного поля: наклонение, склонение и напряженность. Объектами такого типа являются древние бытовые, гончарные и иные печи, обожженные площадки (типа трипольских) и т. п.

Если же образец сдвинут и перемещен, т. е. мы не знаем, в каком отношении к географическим координатам он находился во время обжига, мы можем определить только напряженность древнего магнитного поля. Но можно определить и два параметра поля (наклонение и напряженность), если нам известно, в каком положении находился образец во время обжига по отношению к вертикали. К числу таких объектов относятся кирпичи, черепица, керамические сосуды. Следовательно, по этим образцам, зная их возраст, мы можем построить кривые вариаций геомагнитного поля по двум параметрам. Двух параметров достаточно и для того, чтобы датировать данный образец по известной нам уже кривой.

При построении кривой вариаций довольно большое количество ошибок вносят в измерения сами археологические объекты. Эти ошибки складываются из: а) неправильного (по отношению к вертикали) положения в печи керамического сосуда или кирпича при обжиге; б) неравномерного прогрева печи; в) влияния железных предметов, находящихся в районе печи или горна; г) неверной ориентации при распиловке образца. Кроме того, ошибка при построении опорных кривых векового хода — и при этом самая большая — получается и из-за неточности определения археологами возраста образца, т. е. широтой археологической даты эталонного образца. Повысить точность и надежность археомагнитной датировки можно лишь с помощью статистики, т. е. массовости образцов.

Но в свою очередь массовость измерений ограничивается отсутствием в наших лабораториях Рок-генератора, прибора, позволяющего измерять параметры магнитного поля у предметов неопределенной формы (в частности, у керамических сосудов). Напомним, что существующая у нас сейчас аппаратура позволяет измерять параметры только у специально выпиленных из образца кубиков. Сейчас нужный нам прибор, Рок-генератор, строится и, вероятно, в течение 1969 г. может быть установлен для измерения параметров непосредственно у керамических сосудов. Это будет крупным успехом в развитии методики магнитного датирования.

В последние годы наша археомагнитная группа работала по составлению кривой вариаций геомагнитного поля с рубежа нашей эры до современности на территории Украины и Молдавии¹⁶. На основании 61 образца была составлена кривая вариаций наклонения магнитного поля Земли с I в. до н. э. до современности. Кривая представляет собой периодическую кривую, близкую к синусоиде, с периодом примерно в 500 лет и амплитудой в 10—13°. Так как образцы были взяты с довольно большой территории и для того, чтобы все полученные результаты были сопоставимы, они были приведены к широте и долготе г. Киева. Поправка на разницу долгот вводилась с учетом западного дрейфа, а поправка на широту была введена согласно формуле дипольного распределения поля.

Затем по этой кривой были определены даты нескольких печей из черняховских поселений — Журовки, Калиновки, Тарасовки, Рипнева.

Дальнейшие работы в области археомагнитного датирования должны развиваться по двум направлениям: 1) дальнейшая разработка геофизических основ метода и методики измерений и интерпретаций данных в плане магнитного датирования археологических объектов; 2) комплексный и массовый сбор в поле археологических эталонных образцов.

По первому направлению должны решаться следующие задачи: а) установление общепланетарных закономерностей распределения магнит-

¹⁶ С. П. Бурлацкая и Т. Б. Нечаева. Датировка некоторых памятников черняховской культуры археомагнитным методом. СА, 1968, № 4.

ного поля Земли в прошлом; б) выявление широтной и долготной зависимости западного дрейфа; в) переход к измерению массового археологического материала керамики и в первую очередь целых сосудов; г) разработка и широкое применение статистических методов обработки и интерпретации данных археомагнитных измерений. Массовые измерения материала будут требовать значительного увеличения пропускной способности лаборатории. Для нагревов и измерений образцов необходимо создать автоматическую установку, увеличив производительность в 10—15 раз. Интерпретация данных замеров на Рок-генераторе потребует машинной обработки.

По второму направлению задача стоит чисто археологическая. Она заключается в энергичном накоплении полноценных образцов, как эталонных, необходимых для составления кривых вариаций геомагнитного поля, так и датированных, распределяя их по эпохам и территориям.

2. Состав материала древних изделий, их происхождение и распространение

Второй круг вопросов, в который входит наибольшее количество разнообразных физических, химических и других методов, — это вопросы «анатомии» археологической находки, ее анализ. Эти методы непосредственно решают две археологические задачи — происхождение и состав материала и предмета и технологию его изготовления. Но из этих двух аналитических решений может вытекать масса широких и частных исторических проблем и вопросов, касающихся распространения и этнической принадлежности древних культур, экономических связей у древних народов, истории техники и производительных сил и массы других. Наибольший научный эффект дают спектральный анализ, металлография, петрография, рентгенография, микроскопический анализ органических материалов и изделий из них, химический анализ и ряд других методов.

Эти методы являются методами исторического исследования археологических материалов и результатом любого анализа, любого метода должна быть объективная история факта или явления, раскрываемого археологом. Поэтому спектральный и структурный анализы наиболее распространены и широко внедряются в археологические исследования. В археологических учреждениях Советского Союза к концу 1968 г. функционировало восемь лабораторий спектрального анализа, семь металлографических лабораторий и две петрографические. Особенно важно отметить, что работают в этих лабораториях в большинстве археологи, т. е. историки, овладевшие методом и техникой того или иного анализа.

Методика приближенного количественного спектрального анализа, применяемая в наших лабораториях, позволяет довольно быстро при чрезвычайно малых навесках проб определить количественно большинство элементов, присутствующих в металлическом сплаве, стекле, шлаке, керамике и других материалах. Точность анализа колеблется в пределах 10—20%. В настоящее время в археологических лабораториях спектрального анализа разрабатываются темы по истории металлов и сплавов, в широком плане историко-металлургических исследований, истории стекла и т. п.

Значительный научный эффект эти методы дают, если их применять комплексно в решении той или иной историко-культурной проблемы. В Институте археологии в последние годы такой проблемой стала черняховская культура. Кроме обычных археологических полевых и камеральных методов, материалы черняховской культуры изучались: керамика — петрографическим методом, железо и сталь — металлографическим, изделия из цветных металлов — спектральным анализом, остатки печей и керамических горнов датировались археомагнитным способом.

С 34 памятников черняховской культуры были взяты на спектральный анализ 542 предмета из цветных металлов. Как и следовало ожидать, цветной металл изделий, которыми пользовались племена черняховской культуры, по химическому составу оказался очень сложным. Четко можно выделить шесть типов сплавов с такими примесями, как олово, цинк, свинец и серебро; ведущим типом сплава являются оловянистые бронзы. Установить исходные рудные источники черняховского цветного металла пока нельзя. Но удалось наметить связь с исходными традициями в металлургических сплавах предшествующих и соседних культур. Население черняховской культуры продолжало пользоваться типами цветных сплавов, продолжавших местные северопричерноморские, позднесарматские традиционные схемы. Но в то же время был металл (II тип сплава), аналогичный с металлом северо-западных прибалтийских областей. Это определяет один из возможных узких районов проникновения цветных металлов (II типа) в памятники черняховской культуры¹⁷.

Более 200 изделий из черного металла с 17 памятников черняховской культуры были подвергнуты структурному анализу. Металлографический анализ показал, что местные кузнецы в совершенстве владели пластической обработкой железа в горячем состоянии, знали способы получения сырцової и цементованной стали. Одну из главных особенностей черняховских кузнечных изделий составляет высокое качество металла, из которого они откованы. Несмотря на исключительно высокое мастерство в области кузнечной обработки железа и стали, конструктивно изделия черняховских кузнецов еще очень просты. Кузнецы используют для производства инструментов и оружия, как правило, мягкую сырцовую сталь. Встречаются изделия, откованные из пакетного металла. Обычной техникой повышения качества металла была поверхностная локальная цементация. Термическая обработка готовых стальных изделий была известна и применялась довольно часто.

Кузнечное ремесло племен черняховской культуры носило общинный характер и не отличалось глубокой специализацией. Кузнец работал на заказ и район сбыта его продукции был довольно ограничен. Сравнивая кузнечную технику племен черняховской культуры с синхронными по времени и соседними по территории культурами, можно сказать, что техническая культура черняховского кузнечного ремесла очень близка к кузнечному ремеслу поздней римской эпохи на землях южной Польши и Чехословакии. На землях центральной и северной Польши кузнечное ремесло несколько отставало в технологическом развитии, хотя основные характеристики металла совпадают.

Керамическое производство племен черняховской культуры изучалось методом петрографического анализа и технологически в керамической группе. Изучение петрографического состава более 1000 образцов керамики черняховской культуры показало, что керамика лепная, грубогончарная и лощеная имеют различную технологию приготовления керамического теста. В свою очередь керамика черного лощения по всей территории черняховской культуры имеет очень близкую петрографическую структуру. Это говорит об одинаковой технологии приготовления теста керамики этого типа и ее широком территориальном распространении. Грубогончарная и лепная керамика по технологии производства неоднородны и имеют несколько локальных вариантов¹⁸.

Керамическая группа лаборатории естественнонаучных методов Института археологии в последние годы основной упор делала на разработку объективной физической методики исследования по пути поиска новой

¹⁷ Т. Б. Барцева, Е. Н. Черных. О спектроаналитических исследованиях цветного металла черняховской культуры. СА, 1968, № 2, стр. 93.

¹⁸ О. Ю. Круг. Применение петрографии в археологии. МИА, № 129, 1965, стр. 146.

информации, которую мог бы дать археологический керамический материал. Основные вопросы были сосредоточены по двум группам: 1) вопросы методики получения и оценки исходной графической информации, т. е. анализа керамических форм (графическая информация должна давать объективные данные для характеристики технологического производства — техники формовки сосуда и полной характеристики гончарного круга); 2) вопросы методики извлечения исходной технологической информации, т. е. получение оценок количественного соотношения примесей в керамическом тесте при условии массового анализа материала (наподобие современного спектрального анализа в изучении цветных металлов) с последующим построением частотных гистограмм по объектам. Второй задачей в этой группе вопросов стоят поиски объективной оценки особенностей обжига керамических изделий и оценки температурного режима. При массовом анализе эта информация, полученная объективно приборами, может дать огромный исходный материал не только для характеристики вопросов технологии керамического производства, но и для решения более широких историко-культурных проблем.

Выше мы говорили, что все естественнонаучные методы становятся методами исторического исследования при условии, если ими овладели археологи или историческая проблема решается в тесном контакте с археологом. Но в некоторых лабораториях, где работают специалисты-естественники без специального исторического образования, очень часто исследование не идет дальше аналитической части.

Например, за последние годы в ЛАТ накоплен большой материал по анализам древних металлических, стеклянных, керамических и кремневых изделий. Только медных, латунных и бронзовых находок проанализировано более 7000. Значительная часть анализов опубликована в виде таблиц концентраций основных элементов, сопровождающихся некоторой историко-археологической интерпретацией¹⁹.

В том, что результаты анализов металлических изделий обобщаются пока далеко не в полной мере, в какой-то степени проявилось невнимание самих археологов к новой методике и к этой работе. Прежде чем отвечать на любой вопрос, нужно, чтобы он был поставлен исторически. Однако поставить вопрос в культурно-историческом плане может только археолог. К сожалению, пока еще большой материал по скифо-сарматской, среднеазиатской и южно-сибирской тематике ждет своих исследователей. А проблемы, рассмотрение которых может быть обеспечено этим материалом, достаточно ясны. Например, вопросы развития древней металлургии Южной Сибири можно изучить на материале, объемом около 5000 анализов вещей, отходов производства и руд. Центры происхождения и ареалы скифо-сарматских металлических изделий можно изучать на базе около 2000 анализов и т. д. Главным условием успешной работы в этих направлениях является умелое сочетание археологических и естественнонаучных методов.

Опыт работы последних лет у нас и за рубежом показывает, что разработка крупных, исторически важных тем, таких, как история цветной или черной металлургии или иных тем по истории производительных сил, должна вестись на базе комплексного изучения источников. Для этого необходимо создание рабочих групп, в которых решались бы исторические проблемы одновременно по разным разделам.

Например, работы по истории цветной металлургии в настоящее время

---

¹⁹ И. В. Богданова-Березовская. Химический состав металлических предметов из Минусинской котловины. «Новые методы в археологических исследованиях». М.—Л., 1963; И. В. Богданова-Березовская, Д. В. Наумов. Химический анализ металлических предметов из могильника Тасты-Бутак. МИА, № 120, 1962; И. В. Богданова-Березовская. Химический состав металлических предметов из Тулхарского могильника. МИА, № 136, 1966, и др.

наиболее целесообразно вести (т. е. будет получен наибольший комплекс исторической информации) одновременно по трем разделам.

А. Аналитическое исследование археологической находки: изделия, полуфабриката, инструмента, сырья и т. п. Должны применяться анализы: спектральный, металлографический, петрографический.

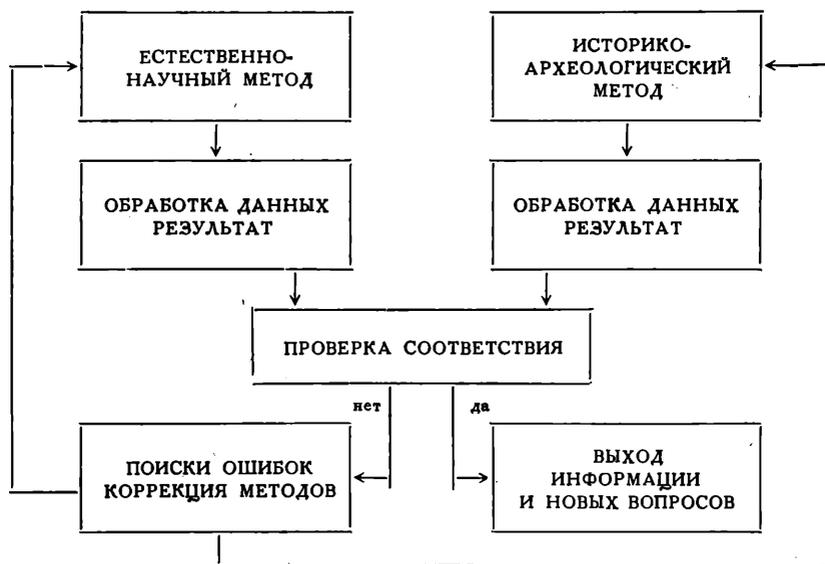

Рис. 13. Логическая схема взаимодействия археологических и естественнонаучных методов

Б. Типология и классификация массового металлического инвентаря. Разрабатывается типологическая классификация форм изделий, типология состава металла и их хронология. Выявляются соотношения типа изделий с химической группой и культурой в целом. Применяются новые математические принципы типологии.

В. Горное дело и металлургический процесс производства металла и сплава, а также изготовление изделий. В этой части исследования требуется постановка таких работ, как полевые обследования древних рудников, плавильен и сбор руды, шлаков и других материалов. Кроме того, необходима постановка физического моделирования древних металлургических процессов. Такие работы в Институте археологии уже начались.

3. Человек и природная среда в древности

Под этим названием можно объединить ряд вполне назревших проблем археологии, порожденных взаимодействием с естественными науками. Сейчас происходит интенсивное накопление материалов, обеспечивающих эффективное рассмотрение вопросов взаимодействия исторических и географических факторов на древнейших этапах истории человечества. Первые комплексные работы в этом направлении показали его исключительную перспективность²⁰.

²⁰ П. М. Долуханов, О. М. Знаменская. Палеогеографические принципы построения хронологии археологических культур. МИА, № 129, 1965; Ю. А. Заднепровский, Г. Н. Кислякова. О комплексном методе изучения природных условий голоцена во внеледниковых районах. Там же; Г. Н. Лисицына, В. М. Массон, В. И. Сараниди, И. Н. Хлопин. Итоги археологического и палеогеографического изучения Геоксюрского оазиса. СА, № 1, 1965, и др.

Конкретные вопросы, к рассмотрению которых можно приступать сейчас, например, такие:

1. Взаимодействие исторических и природных факторов в ходе так называемой «неолитической революции».

2. Особенности географической среды лесных неолитических племен. Экология свайных поселений.

3. Охота и скотоводство в Южной Сибири эпохи камня и бронзы и т. д.

Следует отметить, что географические особенности нашей страны позволяют рассматривать вопросы взаимодействия человека и природы в древности на очень широком фоне, чего фактически лишены археологи многих зарубежных стран. Это благоприятное обстоятельство может способствовать выдвижению советских археолого-природоведческих работ на ведущее место в мировой науке.

4. Методические проблемы

А. Повышение эффективности полевых работ.

Геофизические методы разведки и исследования древних памятников регулярно используются в СССР всего 5—6 лет. За это время методы электро- и магниторазведки и геоакустики были использованы на многих объектах, причем на ряде из них — систематически²¹.

Всякая работа с применением геофизических методов и приборов представляет собой цикл, эффективность которого зависит прежде всего от выполнения всех его звеньев.

После первичного поиска и грубой фиксации отдельных аномалий (магнитных, электрических и пр.) производится детальное картирование или профилирование участка. Затем следует интерпретация измерений и формулирование прогноза. После этого совершенно обязательно проведение контрольных раскопок для проверки прогноза-гипотезы. К сожалению, последний этап этого цикла выполняется далеко не всегда, что, конечно, не способствует ни развитию самих геофизических методов, ни повышению эффективности полевых работ. Геофизические методы только сокращают непроизводительные раскопки, но вовсе не отменяют их (рис. 12). С другой стороны, важно подчеркнуть комплексность поисковых работ. Использование разных приборов, основанных на разных физических эффектах, в одном комплексе значительно увеличивает количество получаемой информации.

Это условие тоже пока не выполняется. И оно останется невыполнимым до тех пор, пока приборы и оборудование не будут установлены в одном комплексе на универсальной автолаборатории, которая сможет обеспечить не только весь цикл геофизических исследований у археологов, но и ряд других геолого-геоморфологических и археолого-топографических работ. Лаборатории такого типа широко используются геологическими учреждениями в нашей стране, а за рубежом — многими археологическими экспедициями.

Еще одна нерешенная в этой области проблема состоит в том, что применением геофизических приборов в практике археологических экспедиций занимаются пока в основном не археологи, а инженеры. В качестве первого этапа это вполне естественно, но при широком внедрении при-

²¹ Г. С. Франтов. Применение геофизических методов разведки в археологии. МИА, № 129, 1965; К. К. Шилик. Опыт применения магниторазведки на древнерусском городище. Там же; Е. Ф. Дубров, К. К. Шилик. Применение метода звуковой геолокации для поисков и исследования объектов, погребенных грунтами на дне водоемов; Г. С. Франтов, А. А. Пинкевич. Геофизика в археологии. Л., 1966; Г. В. Грошевой, Л. Л. Галкин, М. А. Зайончковский. Археологическая разведка магнитометром направленного действия. СА, № 3, 1967.

Боров в полевые работы немислимо иметь в каждой экспедиции инженера. Поэтому сейчас возникает задача постепенного освоения археологами навыков работы с приборами (это не сложнее, чем работа с фотоаппаратом или настройка телевизора). Первый опыт показывает, что главных трудностей здесь две: а) психологический барьер и б) интерпретация измерений. Необходимость их преодоления очевидна и должна быть осознана и реализована в ближайшее время.

Б. Повышение надежности и точности различных физико-химических измерений (счет C^{14} , электро- и магнитометрия, спектроскопия, микроструктурный анализ и т. д.)

За последние годы в этой области проделано многое. Так, ошибка измерений C^{14} снизилась с 9% до 1%, а в отдельных случаях до 0,5%. С переходом на транзисторную аппаратуру резко повысилась стабильность и надежность счетной установки. При спектральном анализе металла, стекла, кремня от качественных и полуколичественных методов мы перешли к количественным методам с обязательной проверкой контрольных образцов при помощи химического анализа. В геофизических измерениях повышается точность и чувствительность приборов.

Вместе с тем все эти немалые для начала успехи ставят и новые задачи. Ошибку счета C^{14} нужно в ближайшее время снизить до 0,3%. Данные спектрального анализа должны вводиться в научный оборот только после соответствующей математической обработки, которая увеличивает надежность в том смысле, что позволяет отделить случайные явления от закономерных²².

Необходимость в повышении надежности и точности измерений порождает новую для нашей науки проблему — специализированное археологическое приборостроение. Следует признать, что в этой области в советской археологии сложилась весьма неблагоприятная ситуация. Мы сейчас отстаем по разработке и использованию приборов в полевых, камеральных и кабинетных исследованиях от Англии, Италии и США примерно на 15 лет, от Чехословакии, Польши и Австрии примерно на 10 лет. Перечень приборов и методов, используемых сейчас в археологии зарубежных стран, очень велик. Их эффективность весьма высока²³. В современных условиях, если не принять решительных мер, это отставание не только не стабилизируется, а будет возрастать. Главная мера, которая может быть полезной, — это организация специальной группы из двух-трех инженеров-приборостроителей, которые должны изучать физико-химические особенности археологических объектов и на этой основе заниматься поиском или разработкой схем и опытных образцов приборов с заданными параметрами как для полевых, так и для лабораторных исследований. За рубежом такие приборы выпускаются крупными приборостроительными фирмами в чисто рекламных целях²⁴. В наших условиях приборостроительные заводы заинтересованы в производстве больших серий. Нам же нужны приборы не более чем в десятках экземпляров. Поэтому их разработку и изготовление целесообразно налаживать собственными силами²⁵. Это тем более очевидно, что в ряде случаев задача будет состоять не столько

²² Е. Н. Черных. Указ. соч., стр. 21 и сл.; В. В. Налимов. Применение математической статистики при анализе вещества. М., 1960, и др.

²³ Один из последних обзоров см.: F. Rainey, E. K. Ralph. *Archeology and Its Technology*. «Science», vol. 153, № 3743, 1966, p. 1481—1491.

²⁴ См. рекламные объявления в журнале «Archeometry».

²⁵ Хорошим примером является магнитометр направленного действия, изготовленный в Институте археологии АН СССР, — см.: Г. В. Грошевой, Л. Л. Галкин, М. А. Зайончковский. Указ. соч., стр. 20; Г. Э. Влэдуд, В. В. Налимов, Н. И. Стяжкин. Научная и техническая информация как одна из задач кибернетики. «Успехи физических наук», т. XIX, вып. 1, 1959.

в разработке совершенно нового прибора, сколько в переделке или приспособлении уже выпускаемых промышленностью.

В. Проблема эффективного охвата и полной обработки информации.

Последняя из группы методических проблем относится ко всей археологии в целом. Экспоненциальный рост количества информации, присущий всей современной науке²⁶, наблюдается и в археологии.

Известно, что прогресс всякой науки на современном этапе в значительной мере будет определяться тем, как поставлена служба информации. Недостатки информационной работы в общественных науках отмечались Постановлением ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук».²⁷ Так, например, при обработке результатов спектрального анализа древних предметов бывает необходимо многократное сопоставление сотен (в будущем — тысяч) вещей по многим (более 10) показателям. Выполнение такой работы обычными средствами чрезвычайно трудоемко. Поэтому необходимо приступить к созданию специальных информационно-поисковых систем (ИПС) на перфокартах. За рубежом и у нас имеется положительный опыт создания таких ИПС для археологических объектов²⁸.

В настоящее время в ИА разработана ИПС для радиоуглеродных дат и разрабатывается ИПС для данных спектрального анализа. Последующая задача, видимо, состоит в перенесении эффективных методов поиска и обработки информации на массовые археологические коллекции. Необходимым условием ее решения является разработка информационных языков для описания археологических памятников. Тогда смогут быть использованы электронные вычислительные машины для решения ряда задач археологии.

5. Методологические вопросы взаимодействия археологии и естествознания

Взаимодействие археологии и естествознания не является простой модернизацией методов науки. Если рассматривать собственно археологические методы (стратиграфию, типологию и картографию), совершенно очевидно их естественнонаучное происхождение. Каждый из них имеет своих определенных природоведческих предков. Стратиграфический метод ведет свое происхождение от геологии и палеонтологии. Сейчас он является едва ли не самым надежным при изучении многослойных памятников и часто дает более достоверную информацию, чем письменные источники. Поскольку закономерности культурных напластований не тождественны законам образования земной коры, стратиграфический метод археологии существенно видоизменился по сравнению со своим геолого-палеонтологическим предком и стал объективным методом гуманитарной науки. То же можно сказать о картографическом и типологическом методах. Особенно о последнем, который был в свое время пронизан вульгарно-биологическими идеями. Однако шелуха биологизма постепенно отслоилась, а дарвинистская идея эволюции вещей оказалась плодотворной. Ее сочетание с марксистской идеей об эволюции труда, как общественного явления, пронизывает типологию обществоведческо-гуманитарной сущью.

С другой стороны, взаимодействие археологии и естествознания обу-

²⁶ Г. Г. Воробьев. Некоторые аспекты применения кибернетики в археологии. МИА, № 129, 1965; Я. А. Шер. О создании кибернетического фонда археологических источников с автоматическим поиском информации. Там же.

²⁷ «Коммунист», 1967, № 13, стр. 9—13.

²⁸ «Le fichier mécanographique de l'outillage». Beyronth, 1956; J. Christophe et J. Deshayes. Index de l'outillage sur cartes perforées. Paris, 1964; Я. А. Шер. Каменные изваяния Семиречья. М.—Л., 1966.

словлено самой природой источников археологии. С естествознанием так или иначе контактируют многие гуманитарные науки. Однако фундаментальное отличие здесь состоит в том, что источники большинства исторических наук изложены средствами естественного языка. На фоне письменных источников всякая другая информация, извлеченная приборами и экспериментами, незначительна и играет чисто вспомогательную роль. Иное дело в археологии, особенно в ее доисторических разделах, где единственным источником являются вещи, предметы, не содержащие никакой языковой информации. Изучение вещей только с точки зрения их морфологии и функционального характера, без каких-либо объективных методов раскрытия свойств вещей и их сочетаний, приводит не только к значительным потерям информации. Нередко вещи становятся лишь иллюстрациями к той исторической концепции, которая сложилась у исследователя под влиянием исторических и этнографических сведений.

Естественный язык состоит из слов и правил грамматики. «Язык» древних вещей состоит из их свойств и правил сочетания этих свойств и самих вещей.

Не только функциональные и морфологические, но и физико-химические свойства древних вещей становятся объектом археологического источниковедения. Это может оказать плодотворное влияние на дальнейшее развитие археологической типологии. Пока нет общей теории типологического метода. В неявной форме можно говорить о частных типологиях: формальной (вернее, морфологической), функциональной (изучение назначения вещей), статистической (сочетания вещей и признаков). Нередки случаи искусственного противопоставления одних типологий другим²⁹. По-видимому, назревает необходимость в создании единой теории «многомерной» типологии, способной изучать всякий набор вещей по всем их свойствам и признакам в общей «системе отсчета». Таким образом, объективная необходимость взаимодействия археологии с естественными науками очевидна при рассмотрении ее фундаментальной проблемы — проблемы превращения вещественного материала в независимый, достоверный исторический источник.

Наблюдается существенное изменение характера взаимодействия археологии и естествознания. До сих пор вопрос о естественнонаучных методах археологии рассматривался в основном как использование готовых, разработанных в других отраслях науки и техники методов, способных дать археологу новую информацию, т. е. речь шла о естественных и технических науках на службе у археологии. Опыт показал, что ряд вопросов, возникающих у археологов, требует либо существенной коррекции имеющихся естественных и технических методов, либо разработки новых. Логическая схема этого явления представлена на (рис. 13). Если бы эта схема была объемной, можно было бы показать два уровня взаимодействия: уровень методики и уровень методологии.

Так, например, проблема соответствия между датами по C^{14} и археологическими по ряду культур, несмотря на то, что она еще далека от полного разрешения, оказала плодотворное воздействие на оба метода. Оживленная дискуссия среди археологов по поводу ряда радиоуглеродных дат для неолита Юго-Восточной Европы³⁰ в конечном счете способствует более глубокой и детальной разработке вопросов традиционной хронологии.

²⁹ В. П. Любин. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий. МИА, № 131, 1965.

³⁰ Подробную сводку литературы см.: В. С. Титов. Роль радиоуглеродных дат в системе хронологии неолита и бронзового века Передней Азии и Юго-Восточной Европы. МИА, № 129, 1966; Л. С. Клейн. Археология спорит с физикой. «Природа», 1966, № 2, 3; Н. Quitta. Radiocarbonaten und die Chronologie des mittel- und südosteuropäischen Neolithikums. «Ausgrabungen und Funden». Bd. 12, H. 3. Berlin, 1967, и др.

С другой стороны, было привлечено внимание специалистов-физиков к возможно не учтенным ими физическим эффектам.

Придя в археологию от физики, метод C^{14} , обогащенный археологией, возвращается теперь в астрофизику и становится основным методом изучения влияния вспышек сверхновых звезд на концентрацию радиоактивного углерода в атмосфере Земли. Этот пример не единственный. Изучение вековых колебаний магнитного поля Земли привело к созданию метода археомагнитного датирования археологических памятников. Накопление достоверных «магнитных дат» позволит в свою очередь уточнить кривую векового хода магнитного поля³¹.

Таким образом, уже на уровне методики намечается взаимное обогащение археологии и соответствующей естественной или технической науки, участвующей в решении того или иного культурно-исторического вопроса. Количественное накопление подобных примеров на уровне методики приводит к качественному сдвигу, который позволяет перейти на уровень методологии.

В силу своего старшинства по возрасту, естественные науки разработаны в своих методологических основах³² значительно четче.

Когда Карл Линней уже создавал классификацию животных и растений, археология только появилась на свет. Во времена Дарвина и Фарадея археологи больше походили на кладоискателей, чем на ученых. В течение последних 70—100 лет наша наука проходила свой период «Великих географических открытий», который еще и сейчас нельзя считать законченным. Эта относительная молодость археологии является главной причиной чрезвычайной нечеткости ее логических и теоретических основ. У нас нет ясного представления о таких фундаментальных понятиях, как признак, тип, предмет, объект, памятник, археологическая культура, культурно-исторический этап, ассимиляция, влияние, диффузия и т. п. Мы еще далеки от четкой таксономии и номенклатуры даже для самых простых и массовых материалов (кремневые изделия, керамика, наконечники стрел, украшения и т. п.). Эти методологические и теоретические изъяны не всегда заметны и часто теряются за внешним эффектом и многообразием предметов и памятников древней культуры. Но они сразу бросаются в глаза, когда археологу приходится работать в контакте с любой естественной или технической дисциплиной, каждая из которых в этом отношении являет собою пример стройной системы исходных описательных и теоретических понятий (масса, энергия, энтропия и т. д. в физике; элемент, вещество, атом, молекула — в химии; семейство, тип, вид, класс — в биологии и т. п.). Разумеется, объект исследования археологии несравненно сложнее, чем у любой естественноисторической науки, — следовательно, и логический аппарат археологии должен быть намного сложнее. Однако сложность проблемы не является причиной отказа от попыток ее разрешения. Взаимодействие археологии с более «старыми» и лучше разработанными науками, безусловно, будет способствовать формированию собственных теоретических основ археологии.

В этой связи нельзя не отметить роли математических методов обработки наблюдений над массовыми археологическими коллекциями. Известно, что формированию четких логических основ естественных наук способствовала их «математизация». Прежде чем что-то считать, необходимо четко определить предмет счета. Эта задача только кажется терминологической. На самом деле за каждым термином стоит некая истори-

³¹ М. Дж. Эйткин. Физика и археология. М., 1963, стр. 8; С. П. Бурацкая, Т. Б. Нечаева. Датирование археологических объектов археомагнитным методом. МИА, № 129, 1966 и др.

³² Здесь не имеется в виду диалектико-материалистическая философская основа методологии науки, которая, будучи фундаментально значимой для любой науки, как известно, не исчерпывает работы в области специальных, конкретно-научных методов.

ческая реальность, суть которой должна быть выражена четко, ясно и недвусмысленно. По-видимому, возникает необходимость в целой серии особого рода археологических исследований, предметом которых должны быть не сами памятники, а термины, понятия, гипотезы, теории, методы изучения и исторической интерпретации памятников. Эти исследования сначала ничего не прибавят к нашим знаниям по истории древних культур, но зато будут способствовать более глубокой разработке логико-теоретического аппарата науки, а следовательно — в конечном счете и более эффективному изучению древнейшей истории человечества. В ходе такого «самопознания» археология может стать источником новых идей для отдельных разделов логики и математики.

В современных условиях бурного темпа развития науки трудно строить прогнозы. Единственное представляется несомненным — взаимодействие археологии с удаленными от нее по своему предмету науками является неисчерпаемым на ближайшие десятилетия источником роста археологии и питает новыми идеями естественные науки.

И. И. АРТЕМЕНКО

ВЫСТАВКА «АРХЕОЛОГИЯ СССР» В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Большая выставка, показывающая результаты археологических исследований на территории Советского Союза, была создана по плану, составленному Институтом археологии АН СССР и осуществлена при участии и содействии Министерства культуры СССР и Государственного Эрмитажа. Впервые европейские страны имели возможность ознакомиться с подлинными экспонатами, раскрывающими культуру, быт и искусство народов, населявших нашу страну в древности.

С 16 сентября 1966 г. по 3 сентября 1967 г. она экспонировалась в Голландии, Швейцарии и ФРГ — под названием: «Исторические сокровища из Советского Союза» и в Италии — под названием: «Сокровища древнего искусства России (из музеев Советского Союза)».

На выставке было представлено около 2000 подлинных экспонатов из собраний Института археологии и Института этнографии АН СССР, Сибирского отделения АН СССР, Института археологии АН УССР, институтов истории академий наук Азербайджанской, Латвийской и Молдавской ССР, а также из 22 музеев Советского Союза — Государственного Эрмитажа, Музея антропологии и этнографии АН СССР, Государственного Русского музея, Государственного Исторического музея, Оружейной палаты, Государственной Третьяковской галереи, Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, музея им. А. Рублева, Киевского Государственного исторического музея и из музеев Одессы, Ростова, Баку, Еревана, Кишинёва, Львова, Гомеля, Саратова, Воронежа, Острогжска, Владимира и Ярославля. Особенно значительны и интересны экспонаты из хранилищ Государственного Эрмитажа и Государственного Исторического музея.

Большинство находок, представленных на выставке, получены в результате археологических исследований последних лет и свидетельствуют, таким образом, о новейших достижениях советской археологии.

Экспонаты выставки относятся к различным этапам истории и культуры племен и народов, населявших территорию Советского Союза с древнейших времен — с эпохи палеолита — до эпохи средневековья включительно.

Из экспонатов выставки эпохи палеолита, помимо древнейших орудий человека, найденных на территории Армении (Сатани-дар) и Украины (Молодово), значительный интерес вызывали женские статуэтки из бивня мамонта и из камня, найденные на стоянках у дер. Костенки на Дону, а также копии рисунков мамонта, носорога и дикой лошади, обнаруженных впервые в Советском Союзе на стенах Каповой пещеры, на Южном Урале. Глиняная посуда эпохи неолита, кремневые и костяные орудия

труда и оружие, украшения получены в результате археологических исследований последних лет на Украине (Никольский могильник и Петрово-Свистуново), в Сибири (Серово, Пономарево; Заярск, Верхне-Ленский могильник) и на Дальнем Востоке (Вознесенка, Новопетровка, Тадуши).

Древнейшие земледельческие культуры юга нашей страны (VI—III тыс. до н. э.) были представлены на выставке замечательными коллекциями с территории Средней Азии (Геоксюр, Ялангач-депе, Карадепе), Украины и Молдавии (Трипольская культура — Александровка, Карбуна, Сушковка, Варваровка, Старые Каракушаны, Усатово, Выхватинцы), а также Азербайджана (Кюль-тепе, Шому-тепе). Большой интерес представлял клад древнейших на территории СССР трипольских медных орудий труда и украшений, обнаруженный у сел. Карбуна в Молдавии.

Особенно богаты и разнообразны были на выставке коллекции эпохи бронзы с территории Украины и Поволжья, Белоруссии и Северного Кавказа, Прибалтики и Армении, Азербайджана и Средней Азии, Урала и Сибири. Среди них обращали на себя особое внимание золотые и серебряные предметы (золотой сосуд, золотые и серебряные фигурки быков и львов) из знаменитого Майкопского кургана, а также клады эпохи бронзы — Бородинский и Галичский.

Первое государственное образование на территории СССР — государство Урарту — было представлено на выставке материалами из раскопок крепости Тейшебаини, на окраине г. Еревана: бронзовый колчан, щит и шлем, бронзовые чаши с именами и личными знаками урартских царей, глиняная табличка с клинописью и оттиском печати, глиняная посуда и различные украшения.

Всемирной известностью пользуются археологические находки, сделанные в пазырыкских курганах скифского времени на Алтае. Показанная на выставке лишь небольшая часть этих находок (деревянное навершие в виде головы грифона, держащего в раскрытой пасти голову оленя; деревянный столик с ножками в виде фигурок тигров; войлочная цветная аппликация с изображением грифона, деревянный нагрудник, узда, образцы ткани, деревянные украшения и кожаные изделия) вызывала огромный интерес у посетителей.

Постоянный интерес у посетителей выставки вызывала большая коллекция скифских, сарматских и античных золотых украшений, найденных в Крыму, на Украине, на Кубани, в Воронежской области и в Сибири. Большой интерес вызывала и уникальная мраморная статуя Афродиты, найденная в 1962 г. при раскопках античного города Кепы на Тамани.

На выставке были показаны также уникальные золотые сосуды VII—VIII вв. из курганов Копёнского чаа-таса в Хакасской Автономной области и материалы из раскопок средневековых городов Средней Азии (Пенджикент и Афрасиаб), Армении (Двин), Латвии (Тервите), а также материалы из раскопок могильника Ляэс-Допелес XII в. в Латвии.

Особое внимание было уделено показу на выставке истории и культуры Древней Руси. На выставке были представлены: макет княжеского замка в Любече и клад ювелирных украшений из серебра и золота, найденный при раскопках этого замка; макет новгородской усадьбы; коллекции предметов из раскопок в Киеве (землянка художника), Новгороде, Изяславле, Смоленске (фрагменты фресок), а также прекрасные образцы древнерусского ювелирного искусства (изделия из золота с перегородчатой эмалью, серебряные украшения, выполненные техникой скани (филиграни), зерни, черни; образцы древнерусских тканей, шитье золотом, серебром и жемчугом). Значительный интерес вызывали у посетителей выставки новгородские берестяные грамоты.

На выставке были показаны также копии фресок XIII—XVI вв. из церкви Новгорода, Чернигова, Белоозера и подлинные образцы русского иконописного искусства с XIV в. до начала XVII в., принадлежащие к различным школам — Новгородской, Псковской, Московской, Северной и Строгановской.

Выставка по археологии СССР в таком объеме и с такой широтой показа древней истории и культуры племен и народов, населявших территорию нашей страны, в Западной Европе была организована впервые.

Во всех странах она заслуженно пользовалась большим успехом.

В Голландии выставка экспонировалась в Муниципальном музее г. Гааги с 16 сентября по 20 ноября 1966 г.

Голландские власти постарались придать выставке характер крупнейшего культурного события. Официальное открытие ее происходило в торжественной обстановке, в присутствии многочисленной публики (около 800 человек), среди которой находились представители королевского двора, министр культуры, ответственные сотрудники различных министерств Голландии, главы почти всех дипломатических миссий, аккредитованных в Голландии, деятели культуры, искусства, журналисты.

С речами выступили: бургомистр г. Гааги Колфсхотен, директор Института археологии АН СССР академик Б. А. Рыбаков и временный поверенный в делах СССР в Нидерландах И. М. Горохов. Голландский мужской хор исполнил на русском языке ряд произведений русских композиторов и старинные русские народные песни.

По общему признанию, подобного не бывало здесь ни на одной выставке.

После осмотра выставки министр культуры Нидерландов Фролейк и бургомистр г. Гааги Колфсхотен заявили, что экспозиция таких грандиозных масштабов и такой ценности организована в Нидерландах впервые и что Советский Союз оказал голландцам большую честь, избрав Нидерланды первой страной в Западной Европе для показа этой замечательной выставки.

За два месяца выставку в Голландии посетило около 80 тыс. человек. По выставке проведено 250 организованных экскурсий. Выставку посетили почти все археологи Голландии, а также археологи из Бельгии и Англии. Среди посетителей выставки были также жители Бельгии, Англии, Франции, США, ФРГ и других стран.

Выставку посетили нидерландская принцесса Беатрис и принц Клаус, а также другие именитые гости.

К выставке был издан хорошо иллюстрированный каталог¹, тиражом в 6000 экз., который за две недели до закрытия выставки был распродан.

Для посетителей выставки ежедневно демонстрировались научно-популярные кинофильмы об археологических раскопках в СССР, об архитектурных и исторических памятниках Московского Кремля, Самарканда, Бухары, Пскова, о сокровищах Оружейной палаты и др.

В Муниципальном музее г. Гааги директор выставки кандидат исторических наук И. И. Артеменко прочитал публичную лекцию на тему: «Новые археологические исследования в СССР», на которой присутствовало более 300 человек. После лекции были показаны научно-популярные кинофильмы. Через две недели, здесь же в музее, научный сотрудник Биолого-археологического института Университета г. Гронингена д-р Ван дер Валс прочитал публичную лекцию на тему: «Археология СССР и Ни-

¹ Текст каталога выставки, издававшийся в Голландии, Швейцарии, Италии и ФРГ, был подготовлен научными сотрудниками Института археологии АН СССР. «Historische schatten uit de Sowjet-Unie Haags Gemeentemuseum»; «Historische Schätze aus der Sowjetunion Kunsthaus Zürich 17.XII 1966—26.II 1967»; «Tesori dell'Antica Arte Russa. Dai Musei dell'Unione Sovietica. Roma—Palazzo Venezia, 1967»; De Luca Editore; «Historische Schätze aus der Sowjetunion. Villa Hügel—Essen, 1967».

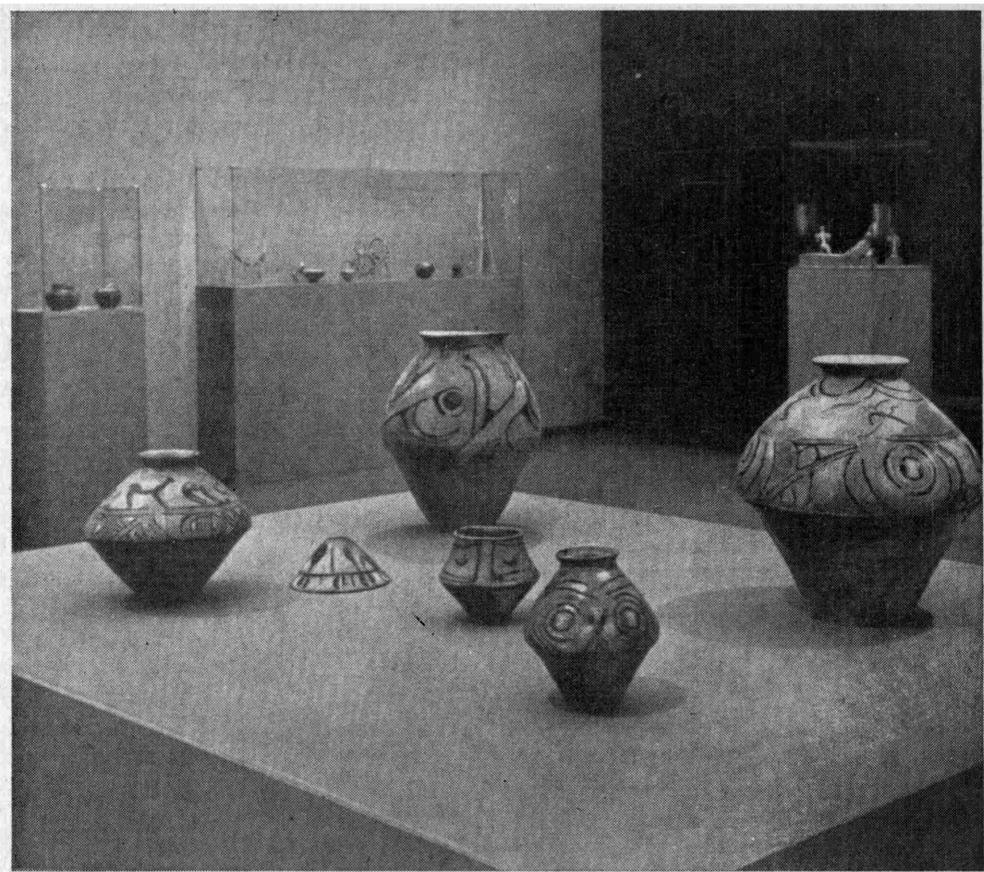

Рис. 14. Один из залов выставки в Цюрихе (раздел «Древнейшие земледельческие племена на территории СССР»)

дерланды», в которой отмечал отдельные черты сходства в культурах племен Восточной Европы и Нидерландов начиная с II тыс. до н. э.

В газетах и журналах Голландии, а также Бельгии, ФРГ, Франции, Англии, США и других стран было опубликовано более 200 статей и сообщений о выставке. Печать оценила выставку в Голландии как крупное научное и культурное событие в Западной Европе, которое способствует расширению научных и культурных связей между СССР и Нидерландами.

Западногерманская газета «Ганноверше пресса» в номере от 22. IX 1966 г. опубликовала статью о выставке под заголовком: «Триумф советской археологии».

Английский журнал «Лондонские иллюстрированные новости» посвятил выставке большую статью, в которой экспонаты выставки сравнивались с коллекциями Эрмитажа, Лувра и Прадо.

Издатель английского журнала «Antiquity» известный английский археолог Глин Даниэл в № 161 журнала за март 1967 г. писал о выставке в Голландии: «Выставка русской археологии и искусства является одной из самых тонких и наиболее замечательных выставок, которые когда-либо показывались в Европе...».

В Швейцарии выставка экспонировалась в Кунстхаузе г. Цюриха с 16 декабря 1966 г. по 26 февраля 1967 г.

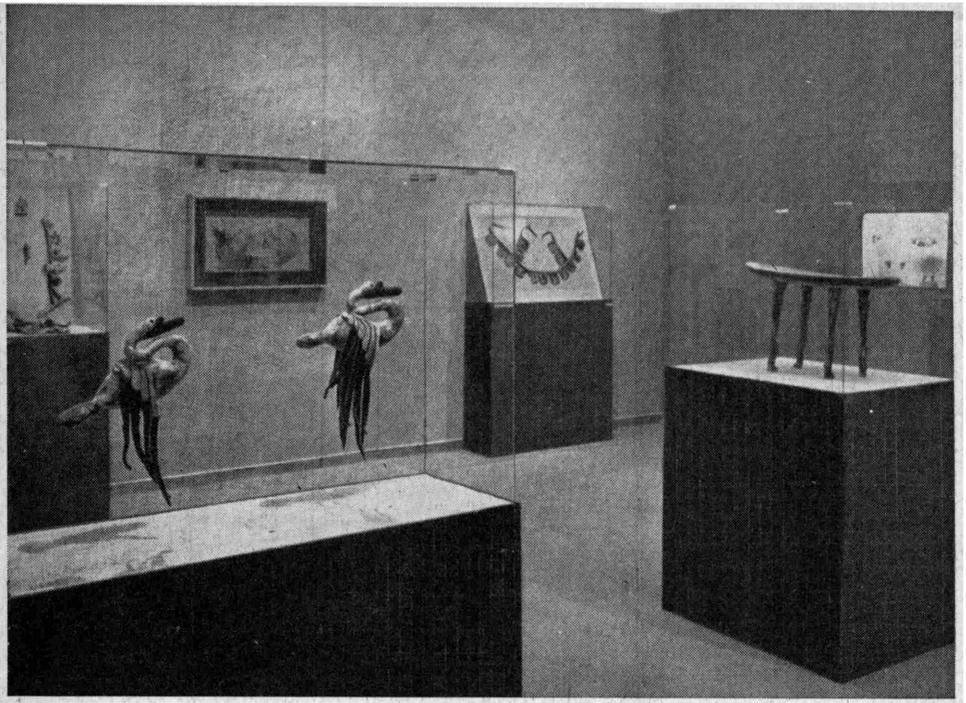

Рис. 15. Часть экспозиции раздела выставки «Скифы» (находки из курганов горного Алтая)

Официальное открытие выставки происходило в торжественной обстановке, в присутствии многочисленной публики (более 700 человек), среди которой находились видные ученые, деятели культуры, искусства, журналисты.

Выставку открыл посол СССР в Швейцарии Г. А. Киселев.

На открытии выставки присутствовали: министр иностранных дел Швейцарии д-р. В. Шпюлер, президент г. Цюриха д-р. С. Видмер, президент Общества культуры г. Цюриха д-р А. Шефер.

В Швейцарии выставку посетили 53 тыс. человек из различных районов страны, а также из ФРГ, Австрии, Бельгии, Франции, Англии, США, Канады, Дании и других стран. По выставке проведено 365 организованных экскурсий профессором, преподавателей и студентов университетов Швейцарии и южных областей Западной Германии, а также сотрудников музеев, учителей и учеников школ и гимназий. Выставку посетила также большая группа членов Общества дружбы «Швейцария — СССР» и общества «Культура и народ», в количестве 280 человек.

Среди посетителей выставки были многие известные ученые Швейцарии, Австрии, ФРГ и других стран.

Каталог выставки, изданный тиражом в 6230 экз., за неделю до закрытия выставки был распродан.

В газетах и журналах 32 городов Швейцарии было опубликовано более 150 статей о выставке. Многие газеты посвящали выставке целые страницы.

Журнал «Die Woche» в номере от 28. XII 1966 г. писал: Эта выставка представляет собой культурное, историческое, искусствоведческое и археологическое значение первого класса.

В статье «Прекрасная советская выставка в Цюрихе» газета «Appenzeller Zeitung Herisan» в номере от 24. XII 1966 г. писала:

Рис. 16. Один из залов выставки в Цюрихе (раздел «Древняя Русь»)

«Это бывает не часто, чтобы министр и посол специально приехали из Берна в Цюрих на открытие выставки. Но этот случай произошел 16 декабря 1966 г. на открытии выставки «Исторические сокровища из Советского Союза» в Кунстхаузе. Каждый, кто посмотрит выставку, увидит здесь самое лучшее и интересное, что до сих пор он мог видеть в этом здании. Это значительно больше, чем выставка, — это прекрасный взгляд на жизнь, картина жизни древних человеческих обществ. В большей части это археологические находки, которые обнаружены в последнее время. Кроме того, это лучшие предметы из всех возможных частей огромной страны. Выставка настолько богата, что трудно решить, с чего начать ее описание [далее дается описание выставки]. Все, что найдено из древностей и представлено советскими учеными в помещениях цюрихского Кунстхауза, прекрасно. Выставка имеет огромное научное значение».

Газета «Vorgwärts» в номере от 29. XII 1966 г. писала: «Цюрихский Кунстхауз получил большую, можно сказать, международного значения прекрасную выставку «Исторические сокровища Советского Союза». Еще никогда не было передвижной выставки, которая представляла бы такую огромную территорию за большой промежуток времени, — выставка охватывает промежуток в 300 тыс. лет и территории от Белого до Черного морей, от Балтийского моря до Тихого океана. Выставка для тысяч друзей культуры является вершиной сегодняшней культурной жизни Цюриха».

Статьи о выставке в Швейцарии были опубликованы также в газетах и журналах Мюнхена, Франкфурта, Штуттгарта, Брегенца, Вюрцбурга, Констанца и других городов ФРГ.

В декабрьском номере журнала «Artis» (г. Констанц) за 1966 г. на двух страницах была опубликована статья: «Впервые на Западе», в ко-

торой автор писал, что «специалист рассматривает эту прекрасную выставку как «триумф советской археологии».

Газета «Die Weltwoche» опубликовала большое интервью преподавателя гимназии в Санкт-Галлене проф. И. Чирки с директором выставки И. И. Артеменко о выставке и об успехах советской археологической науки.

В книге отзывов о выставке 82 страницы заполнены многочисленными отзывами посетителей. Вот лишь некоторые из них:

«Сердечное спасибо за редкую, прекрасную, интересную выставку».

«Прекрасная выставка! Итак, большевики делают все, чтобы сохранить культурные ценности древних времен» (Франц Хюли, Базель).

Эрика Пеккер из Западной Австрии написала: «Я приехала специально из Австрии, чтобы увидеть эту уникальную выставку, и мои ожидания более чем оправдались».

Два посетителя оставили следующие записи:

«Эта выставка — лучшая картина ранних времен человечества, которую можно было увидеть в Швейцарии».

«Это одна из лучших выставок, которую я когда-либо видел».

Евгений Вебер из Цюриха написал по-русски: «Большое спасибо за прекрасную и интересную выставку. Особенно нам понравилось, что выставка показала развитие во всех областях СССР. Меня лично выставка интересовала также потому, что я 20 лет назад перевел часть «Истории [народов] СССР» на немецкий язык, и могу сегодня констатировать, что в последние 20—25 лет археологические и исторические науки в СССР сделали опять громадный шаг вперед».

В Италии выставка проводилась в соответствии с Соглашением между Министерством культуры СССР и Министерством народного просвещения Италии, подписанным в Риме 27. II 1967 г. Выставка экспонировалась с 21 марта по 21 мая 1967 г. в Палаццо Венеция г. Рима.

На открытии выставки присутствовало около 300 человек. С речами выступили министр народного просвещения Италии д-р Гуи и посол СССР в Италии Н. С. Рыжов.

К выставке был издан хорошо иллюстрированный каталог тиражом в 10 тыс. экз.

В Италии выставку посетили около 120 тыс. жителей Рима и многих городов Италии. Среди посетителей были также группы туристов из Греции, Франции, Чехословакии, Польши, Голландии, США, Канады, Аргентины, ФРГ, Австралии, Южной Африки и других стран.

Выставку посетил король Швеции Густав VI, который более двух часов внимательно ознакомился с экспонатами выставки. После осмотра выставки король Швеции сказал: «Это самая лучшая выставка, которую я видел в своей жизни».

В 21 газете Италии было опубликовано около 50 статей о выставке. Печать Италии оценила выставку как крупное событие в научной и культурной жизни страны, первое крупное событие в культурных отношениях между СССР и Италией.

В книге отзывов о выставке более 100 страниц заполнены многочисленными отзывами о выставке. Вот лишь некоторые из них:

«Большое спасибо советским товарищам за такую великолепную выставку, которая открыла нам глаза на искусство Древней Руси».

«Выставка организована с большой любовью и знанием дела. Посетителю, помимо простого наслаждения, приятно находить общие черты, свойственные развитию различных цивилизаций».

«История человеческого прогресса всегда представляла интерес. На выставке же эта история представлена с редким вкусом и завидным знанием дела».

«Выставка русского искусства в Италии является ценнейшим вкладом в дело взаимопонимания и добрососедских отношений между нашими народами. Выставка способствовала лучшему пониманию и распространению русской культуры в Италии через великолепные археологические исследования, ведущиеся советскими учеными».

В ФРГ выставка экспонировалась на вилле Хюгель в г. Эссен-Бреденей с 28 июня по 3 сентября 1967 г.

Официальное открытие выставки состоялось 27 июня 1967 г. в присутствии послов 18 стран и около 500 гостей. Выставку открывал посол СССР в ФРГ С. К. Царапкин. С немецкой стороны на открытии выставки выступил с речью Бертольд фон Болен-и-Гальбах.

К выставке был издан хорошо иллюстрированный каталог тиражом в 10 тыс. экз. До закрытия выставки было продано более 9 тыс. экз.

В ФРГ выставку посетили 70 тыс. человек, среди них около 20 тыс. студентов, молодежи и школьников. На выставке побывали экскурсии профессоров, преподавателей и студентов почти всех университетов страны. Среди посетителей были также представители из Чехословакии, Польши, Голландии, Дании, Англии, США, Канады, Боливии, Марокко, Греции, Италии и других стран.

На выставке ежедневно каждый час читалась лекция о выставке, написанная И. И. Артеменко и В. С. Титовым и записанная на немецком языке на магнитофон, показывались диапозитивы. После каждой лекции, длившейся 20 минут, демонстрировался научно-популярный кинофильм. Лекция и кинофильмы пользовались у посетителей выставки большим успехом. Их посетили около 60 тыс. человек.

В музее Фольксванг г. Эссена была организована публичная лекция о выставке и просмотр трех научно-популярных кинофильмов. Присутствовало более 400 человек.

С 28 по 30 июня 1967 г. на выставке состоялся археологический коллоквиум, в работе которого приняли участие около 30 археологов из ФРГ, Франции (академик Гиршман) и представитель из Непала. С советской стороны в работе коллоквиума принимали участие И. И. Артеменко, В. С. Титов и Г. И. Смирнова (Государственный Эрмитаж). В центре внимания участников коллоквиума находились новые находки и открытия советских археологов и их значение для археологии Западной Европы. Участники коллоквиума высоко оценили успехи советской археологии.

В 42 газетах ФРГ было опубликовано около 100 статей о выставке под крупными заголовками:

Царапкин открыл выставку на вилле Хюгель перед 18 послами («Essener Tagblatt», 27. VI 1967).

На вилле Хюгель археологам открываются новые горизонты («Essener Tagblatt», 29. VI 1967).

«Восток уменьшает предрассудки» («Westfalenpost», 2. VIII 1967).

«Богатые достижения русской археологии» («Frankfurter Rundschau», 12. VII 1967).

В книге отзывов на 202 страницах посетители записали свои впечатления о выставке на различных языках — немецком, русском, французском, английском, чешском, польском, греческом, итальянском, испанском и арабском.

Много отзывов о выставке оставили студенты, молодежь и школьники:

«Очень хорошо, что мы увидели! Россия — большая страна!» (ученики Герман Ульрих Глезер и Мендель из Зауэрланда).

Ученица Фишер-Рогде из Бремена написала: «С великим восторгом видела эту огромную и такую замечательную выставку! Спасибо-спасибо-спасибо, что так много людей могли видеть, что Россия за богатство имеет. В Россию только можно верить!».

Интересны отзывы о выставке и взрослых посетителей: «Выставка произвела на меня глубокое впечатление. Со стыдом нужно признаться, как мало, совершенно мало мы, немцы из ФРГ, знаем нашего восточного соседа. Спасибо организаторам выставки за этот подарок. Возможно, выставка поможет построить мост через то, что нас разъединяет» (Гонт Дукатц).

«Удивительно, с какой заботой и любовью составлена эта выставка русской старины; что же в особенности трогает, — это неизменное изыскание в других частях Советского Союза» (подпись неразборчива).

«Это самая лучшая выставка, которую мы когда-либо видели. Спасибо организаторам выставки!» (Александр и Ида Лемберг).

«Большое спасибо всем, кто организовал эту выставку и в таком прекрасном виде выставил для обозрения» (подпись неразборчива).

«Выставка великолепна! Большое спасибо Советскому Союзу» (Дагмар фон Кальтенборн и еще две подписи).

«Ведь это изумительное собрание ценнейших памятников культуры древнейших времен, найденных на территории Советского Союза!!! Приносим сердечную благодарность организаторам этой прекрасной выставки» (преподаватель русского языка при Боннском университете Георгий Кандлер с женой).

«Выставка весьма понравилась. Надо больше таких документов о настоящей русской душе и ее способностях, бывших, настоящих и будущих» (д-р Тардобер, Лос-Анджелес, США).

«Большое спасибо за эту красивую и научно очень важную выставку» (подпись неразборчива. Прага).

Постоянные представители на выставке кандидаты исторических наук И. И. Артеменко — директор выставки и научный сотрудник ИА АН СССР В. С. Титов, а также приезжавшие на время монтажа и демонтажа выставки научные сотрудники Государственного Эрмитажа кандидаты исторических наук Г. И. Смирнова и Л. К. Галанина установили полезные контакты с учеными-археологами Голландии, Швейцарии, Италии и ФРГ, посетили институты, музеи и археологические раскопки, где знакомились с археологическими коллекциями, с работой лабораторий, библиотек и с методикой археологических исследований, обсуждали с археологами важные научные проблемы, интересующие обе стороны.

В Институте доистории и протоистории Университета г. Амстердама И. И. Артеменко прочитал доклад на тему «Новые археологические исследования в СССР», а в Биолого-археологическом институте Университета г. Гронингена, в Национальном музее г. Цюриха и в музее г. Штуттгарта сделал сообщение о новых археологических раскопках памятников эпохи бронзы в Белоруссии.

В. С. Титов прочитал доклады на тему «Земледельческие культуры эпохи неолита Юга СССР» в Биолого-археологическом институте г. Гронингена, в Археологическом институте г. Амстердама, в музее г. Штуттгарта, а также в Институте первобытной археологии Университета г. Гейдельберга.

В заключение следует отметить, что за время экспонирования выставки в Голландии, Швейцарии, Италии и ФРГ ее посетили 321 845 человек, каталог выставки был издан тиражом в 32 230 экз. В газетах и журналах было опубликовано около 500 статей о выставке. Выставка вызвала во всех странах Западной Европы большой интерес к достижениям советской археологии, к древней истории и культуре народов Советского Союза.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АП — Археологічні пам'ятки
 АС — Археологический съезд
 ВА — Вопросы антропологии
 ВАН — Вестник Академии наук СССР
 ВДИ — Вестник древней истории
 ВИ — Вопросы истории
 ВЭИМП — Вопросы этнической истории народов Прибалтики
 ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
 ГИМ — Государственный исторический музей
 ИА — Институт археологии АН СССР
 ИАК — Известия археологической комиссии
 ИАТ — Институт археологической технологии
 ИВГО — Известия Всероссийского географического общества
 ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
 ИИНТ — Институт истории науки и техники
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 ЛАТ — Лаборатория археологической технологии
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет
 ЛИТ — Лаборатория исторической технологии
 ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
 МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР
 МГУ — Московский государственный университет
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 МИЗ — Материалы по истории земледелия
 РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
 СА — Советская археология
 САИ — Свод археологических источников
 СТЭАН — Саяно-Тувинская археологическая экспедиция Академии наук СССР
 СЭ — Советская этнография
 ТКИЧП — Труды Комиссии по изучению четвертичного периода
 ТКЭАН — Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР
 ТНИИЯЛИ — Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
 ХНИИЯЛИ — Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
 ЮТАКЭ — Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция
 AR — Archeologické rozhledy (Praha)
 SLA — Slovenska Archeologia (Bratislava)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
П. И. Борисковский. К изучению палеолита советскими археологами . . .	7
В. П. Любин. Изучение нижнего палеолита Кавказа (история исследований и проблема первоначального заселения)	13
П. Н. Третьяков. Некоторые итоги изучения восточнославянских древностей	20
М. А. Дэвлет. Археологическое изучение Южной Сибири в годы Советской власти	30
А. Д. Грач. Итоги и перспективы археологических исследований в Туве . . .	43
Ю. А. Краснов. Некоторые итоги и задачи изучения истории земледелия в советской археологии	58
Е. Н. Черных. Изучение истории древней металлургии в СССР за 50 лет	69
Б. А. Колчин, Я. А. Шер. Некоторые итоги применения естественнонауч- ных методов в археологии	83
И. И. Артеменко. Выставка «Археология СССР» в странах Западной Европы	101
Список сокращений	110

К 50-летию советской археологии КСИА, № 118

*Утверждено к печати
ордена трудового Красного Знамени
институтом археологии АН СССР*

Редактор издательства *Г. В. Моисеенко*
Технический редактор *Е. Н. Ефтянова*
Корректор *Л. С. Аяпова*

Сдано в набор 21/II 1969 г. Т-11611. Подписано к печати 1/VIII 1969 г. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага № 2. Печ. л. 7. Усл. п. л. 9,8. Уч.-изд. л. 9,5. Тираж 3400 экз. Тип. зак. 97. Цена 57 коп.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука»
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12